

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Е. С. Роговер. Повесть Н.В.Гоголя «Записки сумасшедшего»..... 2

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ О СОТВОРЕНИИ МИРА

Наталия Ульянова. Непознанная вселенная..... 10

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Елена ФердимONOва. Поверить в это невозможно..... 17

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРИТ

Стихи Ирины Уральской, Андрея-Viktoria-Андреева, Наталии Рябухиной, Андрея Павлов-Арбенина, Эдуарда Делюжа, 80

ПРОЗА XXI

Евгений Мюллер. Керосиновая лампа Аладдина..... 95

ПОРТРЕТЫ НАШИХ СОВРЕМЕННИКОВ

Е. С. Роговер. Константин Воробьев (Литературный портрет писателя)..... 152

ИСТОРИЯ БЕЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ГРИМА

Аленко Игорь. Январь 1944..... 159

МАЛАЯ ПРОЗА

Ирина Горбань. Соломон..... 65

Авторитетом по спине 66

Сказала, как отрезала 68

В поисках смелых восприятий 69

Пятнышко на памяти 70

Хмельной березовый сок 71

Александр Рейзен. Практика. Операционный день. (Рассказы) 73

Е. С. Роговер

ПОВЕСТЬ Н.В. ГОГОЛЯ «ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО»

Написанная в 1833-1834 годах, эта повесть была опубликована в 1835 году в сборнике «Арабески» с подзаголовком «Клочки из записок сумасшедшего». Первое слово этого подзаголовка указывало на фрагментарность наблюдений, фиксированных героем повести. Хотя сам Гоголь отрицал свое предварительное знакомство с поведением безумцев и психопатов (врач А.Т. Тарасенков, занимавшийся психиатрией, свидетельствует, что писатель, по его словам, интересовался случаями сумасшествия лишь «после» написания своей повести и пользовался во время ее написания образами своих представлений и воображения [1]), тем не менее П.В. Анненков вспоминал, что застал у Гоголя на Малой Морской, где он жил, пожилого человека, врача-психолога, который рассказывал о привычках сумасшедших и о строгой, почти логической последовательности в развитии нелепых их идей. «Большая часть материалов, собранных из рассказов пожилого человека, употреблены были Гоголем потом в "Записках сумасшедшего"» [2].

При публикации своей повести Гоголь столкнулся с жестоким произволом цензуры, по требованию которой он вынужден был выбросить из произведения несколько, причем лучших, мест, о чем писатель с горечью сообщал в январе 1835 года А.С. Пушкину.

Повесть «Записки сумасшедшего» была еще тесно связана с романтической литературой, с получившим в ней развитие мотивом расхождения мечты человека с «существенностью», мотивом, нашедшим яркое воплощение в повестях

«Невский проспект» и «Портрет», вошедших в тот же сборник «Арабески». Не менее прочно гоголевские «Записки...» были сращены с темой сумасшествия, ставшей весьма популярной в русской и европейской литературах. Грибоедов осмысляет проблему безумия в «Горе от ума». У Пушкина она разрабатывалась в «Полтаве», «Русалке», «Медном всаднике», «Дубровском» и «Пиковой даме», у Лермонтова — в «Маскараде». В.Ф. Одоевский вынашивал замысел прозаического цикла «Дом сумасшедших». В европейской литературе тема сумасшествия наиболее яркое воплощение получила в творчестве Гофмана («Жизнь трех друзей»). Гоголь, интерпретируя названную проблематику, в своих «Записках сумасшедшего» делает тему безумия центральной, прослеживает разнообразные истоки умопомешательства своего героя и эволюцию его сумасшествия. Кроме того, писатель сплетает эту тему с жизнью и бытом чиновничества, что было принципиально новым и для русской литературы, обретающей реалистическое звучание, и весьма знаменательным. Вот почему центральный мотив «Записок сумасшедшего» оказался столь тесно связанным с незавершенной комедией Гоголя «Владимир 3-й степени», с ее образом честолюбивого чиновника и высшим сановным кругом, получившим яркое сатирическое изображение. Персонажи этой комедии — директор департамента Иван Петрович Барсуков с его маниакальной жадой ордена, доходившей до безумия; его братец Хрисанфий Петрович с его завистью карьеры

Барсукова и Петрушевич — перешли из пьесы в «Записки сумасшедшего» в слегка преобразованном виде.

Тема сумасшествия в русских условиях обрела особую значимость в связи с установившейся практикой наделения кличкой «умалишенный» передовых, но весьма неугодных властям людей, таких, как Чаадаев, Лермонтов, Кюхельбекер и др.; в связи с постоянно муссировавшимся на страницах «Северной пчелы» Ф. Булгарина мотивом сумасшествия; по причине использования Больницы всех скорбящих и иных «желтых домов» для заключения в них инакомыслящих и смутьянов. Не случайно в России участились случаи умопомешательства, примером чего является горестная судьба поэта К. Батюшкова. Разумеется, тема сумасшествия не могла не заинтересовать автора «Записок сумасшедшего», тем более, что она давала возможность показать безумие, ставшее сутью самой николаевской действительности, в которой «маленький человек» оказался предельно униженным и раздавленным.

Характеризуемая тема имела у Гоголя и автобиографическое основание. Еще в пору обучения его в Нежинской гимназии высших наук он блистательно инсценировал сумасшествие. По воспоминаниям Т.Г. Пашенко, для того чтобы получить возможность заниматься сочинительством, юный Гоголь разыграл бешенство: лицо его страшно исказилось, глаза стали сверкать диким блеском, «волосы натопорщились, скрегочет зубами, пена изо рта падает, бросается и бьет мебель», замахивается стулом даже на директора Орлая. Пришлось служащим отнести его в особое отделение больницы, где юноша пробыл два месяца, «отлично разыгрывая там роль бешеного» [3]. Запечатлел Гоголь и свои собственные наблюдения над бытом и трудом мелких чиновников департамента, где он одно время служил, и адреса Петербурга, с которыми была связана его биография (дом Зверкова с его жильцами-чиновниками, которых

было множество, «как собак, один на другом сидит»).

Автор вообще постоянно присутствует в повести, несмотря на то, что повествование в ней ведется от имени героя — Поприщина. Гоголь постоянно проявляет свое отношение к нему, сначала саркастически или иронически оценивая его раболепие и пошлость вкусов, потом проявляя жалость к искалеченному общественными условиями или тупостью службы Аксентию Ивановичу, затем выражая боль при виде страдания маленького человека, лишенного самого необходимого в жизни, наконец, сливая свой голос с воплем гонимого существа, разделяя его страсть к бешеной тройке, несущейся по дороге; проявляя свой неповторимый гоголевский лиризм в строках о матушке и о счастливой стране, где «звездочки сверкают вдали» и грезится ему и герою Италия и одновременно русские избы.

Это авторское присутствие в произведении дополнительно сближает все повести, входящие в «Арабески» и обогатившие позже петербургский цикл. Все художественные тексты, составившие сборник и добавленные к ним в последующие годы («Нос», «Шинель») объединяются в нерасторжимое единство образом Петербурга; темой трагической судьбы человека, пребывающего в уродливой действительности; мотивом печального существования искусства в условиях денежного расчета, купли и продажи; неустанным скорбным размышлением писателя о чиновничье-бюрократическом устройстве жизни. Все эти повести близки друг другу крепнувшим в них реализмом изображения и усиливающимся психологизмом содержания, что не мешает им быть оплодотворенными редкостной фантастикой.

Своеобразно построение «Записок сумасшедшего». Автор предлагает объективную форму повествования, выстраивая последнее в виде дневника героя, его разрозненных записок, каждый фрагмент которых имеет точную дату, иногда причудливую по своей сути.

В пределах этой структуры можно выделить несколько частей, каждая из которых отражает очередной этап развивающегося сумасшествия.

Первая часть, охватывающая отрезок времени от 3-го октября до 12 ноября, то есть чуть больше месяца, характеризует Поприщина — маленького чиновника, титулярного советника, еще не безумного, но уже слегка нездорового, ведущего привычный образ жизни, выполняющего в департаменте жалкую работу по починке перьев.

Вторая часть воспроизводит существование уже явно «тронутого» Поприщина, которого девчонка «принимает за сумасшедшего», как это устанавливает сам герой. Это отрезок времени от 12 ноября до 8 декабря включительно. Даты еще сохраняют свое нормальное написание, но Поприщин уже всецело погружен в воображаемую переписку собачек и в испанские дела.

Третий этап в развитии безумия героя повести передается, начиная от записи, датированной 2000-м годом и «апрелем 43 числа». Сумасшедший уже воображает себя испанским королем, но прозревает, видит «все как на ладони» и исполнен естественного протеста против царящей несправедливости.

Четвертая часть повествования начинается записью, обозначенной словами: «Мадрид. Февруарий тридцатый». Поприщин схвачен и определен в больницу для сумасшедших, названную им «Испанией». Сознание становится спутанным, неадекватным новой обстановке. Этот фрагмент текста включает в себя заключительный скорбно-лирический монолог героя.

Охарактеризуем каждый из этих этапов, а значит, эволюцию сумасшествия героя более подробно. Вначале перед нами предстает чиновник, носящий говорящую фамилию. Семантика ее связана прежде всего с понятием «поприще», которое с молодых лет волновало Гоголя, стремившегося найти достойное применение своих недюжинных творческих

сил. В применении к Поприщину оно звучит горестно-иронически, поскольку он занимает самое жалкое место в чиновничьей иерархии. К тому же фамилия героя содержит и иной смысл: «прыш» на ровном месте, нечто болезненное и меньшее даже шишки, упомянутой в тексте. Она заключает еще один смысл: «попрать» — вот что можно сделать с человеческим достоинством героя в тех условиях, где он вынужден существовать. Вот почему начальник отделения напоминает Поприщину: «... что ты? Ведь ты нуль, более ничего». Может быть, не случайно герой позже вспомнит об этом наставлении и ему привидится дата, в которой после двойки будут следовать только нули (2000 год). Заметим, что начальник отделения воспринимает Поприщина неодушевленным предметом и вместо местоимения «кто» употребляет «что». При этом он говорит не только о служебном положении титулярного советника, но и о материальном его состоянии: «Ведь у тебя нет ни гроша за душой». Это для начальника самый весомый аргумент, доказывающий невозможность для Поприщина на что-то претендовать, о чем-то думать и что-то чувствовать. Тем не менее герой повести ходит в департамент, думает о своей выгоде, увлечен директорской дочкой, доволен тем, что иногда сидит в директорском кабинете и читает бесчисленные перья для его превосходительства. Он проявляет чванство перед «мелким» людом, с презрением говорит о чиновниках, которые «пописывают», носят «гадкий фрачишку» и имеют такую рожу, «что плюнуть хочется», но зато с благоговением относится к директору департамента, «государственному человеку». Поприщин усвоил явно консервативные взгляды, присущие людям его среды, восхищен газетой «Северная пчела» и перенимает ее пошлую болтовню вроде следующего пассажа: «Говорят, в Англии выплыла рыба, которая сказала два слова на ... странном языке», а две коровы «пришли в лавку и спросили себе фунт чаю». Поприщин — безусловный

обыватель, холопски робеющий перед начальством и высокомерно относящийся к слугам и лакеям, неумеренно гордящийся своим дворянством и осторожно обрывающий свои дерзкие суждения возгласом «Ничего ... молчание!»

Пошлость поведения и суждений героя повести отражает пошлость поступков и взглядов чиновно-бюрократического сословия, подобострастного и рабски угодливого перед верхами и наглого перед низами, одержимого стремлением к чинам, орденам, выгодным местам и быстрой карьере. Для Гоголя тем самым открывалась возможность уже не от случая к случаю, а основательно и детально показать этот слой казенного Петербурга с его ничтожеством и непомерными амбициями. И он изобразил эту среду, мощно, властно и всечасно давящую на таких бесправных людей, как Поприщин. И. Золотусский великолепно показал зависимость вкусов, суждений и идеалов титулярного советника от идеологии газеты «Северная пчела», от ее пропаганды скромности, робости, молчания и от ее идеализации претендентов в Наполеоны, кандидатов в «великие» вроде некоего приемщика из купеческого дома или господина Люна, вообразившего свое большое сходство с Бонапартом. Газета внушала мысль о том, что «если императором мог стать безродный корсиканец, то почему им не может стать приказчик? Или титулярный советник?» [4]. Не случайно Поприщин является постоянным читателем «Пчелки», как он фамильярно и ласково называет болгаринскую газету. И он тоже начинает ощущать свою социальную ущемленность и неполноценность, отстаивать свое человеческое достоинство, непохожесть на круглый нуль. Его уже бесит начальник отделения, у которого, по наблюдению Поприщина, лицо похоже «на аптекарский пузырек», и он, титулярный, уже «плюет» на этого надворного советника. Поприщин начинает проявлять свои амбиции: он может дослужиться до полковника, а, может быть, «если Бог даст, то чем-нибудь и побольше»,

«тебе тогда не стать мне и в подметки». Еще робко, постепенно, но созревает поприщинский протест против наглости начальника отделения, хотя герой повести, побывав в театре, хулит и чиновников-«свиной» и цензуру, пропустившую вольные стишки о стряпчих и купцах, поругивает — в духе «Пчелки» — французов за парламентаризм и нынешних сочинителей, любящих «все бранить». Как видим, Поприщин еще пребывает в плену самого косного консерватизма и едва ощутимой болезненности спутанного сознания. Его отношение к жизненным ценностям носит достаточно уродливый характер.

На втором этапе история душевной болезни героя получает свою развернутость. Фиксация дат («ноября 12», «декабря 3», «декабря 8») носит еще обычный и нормальный характер. Но герою уже кажется, что он способен слышать человеческую речь в лае или писке животных. Он воображает, что добыл собачью переписку и силится проникнуть в ее содержание. Под влиянием нового аффекта Поприщин все более уходит в себя самого, и раздвоение его сознания получает форму диалога, писем двух собачек, которыми он теперь живет, возмещая этой «перепиской» неудовлетворенное любовное чувство. Происходит, говоря языком психологии, «персеверация», то есть навязчивое повторение одних и тех же представлений и мыслей, в частности сенсорных, зрительных образов, запечатленных в письмах двух собачонок. Обнаруживается прежнее презрение к низшим (девчонка — «глупа»; «глупые чухонки всегда некстати чистоплотны», как Мавра; ремесленники — «подлые», зато собаки — «народ умный»), мысленное приобщение к семейству генерала (директор назван словом «папа», а Софи — «барышней моей»). Но проявляется и «чрезвычайно характерная черта раннего слабоумия», когда больные «оперируют в своем бреде не образами, а заменяющими им образы и заслоняющими мир словами — отсюда их неологизмы» [5]. Действительно, наряду с образами папа' и

Софи, перед взором писца и очинщика перьев мелькают выражения письменной речи: «какой пошлый тон», «пунктуация на своем месте», «жизнь протекает в удовольствии», «любит меня без памяти», «не знаю ничего хуже», «Ах, та ше'г», «готова тебя уведомлять», «политический взгляд», «отпускал анекдоты», «эх, канальство!», «неровный слог», «ощутительно приближение весны», «сердце мое бьется», «у меня много куртизанов», «совершенная черепаха в мешке», «любовь есть вторая жизнь». Этими сентиментальными, канцелярскими или бранными выражениями переполнена воображаемая переписка. Но она содержит не только штампы и неологизмы, но и ошеломляющую Поприщина информацию: во-первых, директор департамента — честолюбец, во-вторых, за Софи ухаживает камер-юнкер, в-третьих, она «влюблена в него до безумия» и скоро будет свадьба.

Действительность грубо разрушает мечтания и иллюзии Поприщина. На этой основе душевная болезнь Поприщина получает интенсивное развитие. Он теряет самообладание, усиливается его раздражительность, растет гнев. Его речь наполняется восклицаниями, грубыми чертыханиями. Возрастает сила его протеста («Враки! Свадьбе не бывать!»), который отливается в негодующие сопоставления («Все, что есть лучшего на свете, все достается или камер-юнкерам, или генералам. Найдешь себе бедное богатство, думаешь достать его рукою, — срывает у тебя камер-юнкер или генерал. Чорт побери!»). Даже некая малость, обозначенная оксюмороном «бедное богатство», тоже принадлежит сильным мира сего! Наряду с растущим безумием происходит прояснение того, что ранее оставалось неясным: «Я несколько раз уже хотел добаться, отчего происходят все эти разности. Отчего я титулярный советник и с какой стати я титулярный советник?». И теперь вместе с самоидентификацией личности обнаруживается крепнущая амбициозность, растущая на

глазах гиперболическая масштабность своей фигуры. Поприщин видит себя уже не камер-юнкером, а только генералом с голубой лентой и эполетами на плечах или генерал-губернатором.

Невольнотные герой повести погружается в испанские дела, о которых неумолчно писала в те годы «Северная пчела» [6]. Степень увлеченности событиями, происходившими в Испании, таковы, что Поприщин пугает Мавру, бросив две тарелки на пол и разбив их. Поприщинская амбиция упорно ищет для себя вершинной точки и, откликаясь на болгаринскую газетную трескотню, приходит в столкновение с пропагандой умеренности и скромности.

Герой повести вступает в очередной, третий этап развития своего безумия. Начиная с записи, датированной 2000-м годом, Поприщин проявляет себя как сумасшедший. Грифы записанных им фрагментов текста получают фантастический характер: «43 числа», «Мартобря 86 числа», «Некоторого числа. День был без числа», «Числа не помню. Месяца тоже не было», «Число 1». Мысли героя нагромождаются одна на другую. Главное же состоит в том, что мания величия, будоражащая больного, достигает своего апогея и он объявляет в «день величайшего торжества» себя испанским королем. В этом сказывается страстное стремление Поприщина обозначить и утвердить ценность своей личности, поднять значимость в ней человека. Отсюда — прозвучавшее его требование: «Я хочу видеть человека». И не только видеть его в других, но и показать его в себе. Поэтому он объявляет новость Мавре, которая «чуть не умерла от страха», потом демонстрирует свое достоинство «всей канцелярской сволочи», затем самому директору департамента, подписав бумагу на самом главном месте именем Фердинанда VIII. Наконец, он хочет объявить о своем величестве Софи, но великодушно сдерживает свой порыв, заметив, что женщина «влюблена в чорта».

Только теперь Поприщину открывается вся мерзость департаментской жизни. Он видит, как «юлят во все стороны и лезут

ко двору» так называемые «патриоты»; убеждается, что «мать, отца, Бога продадут за деньги, честолюбцы, христородавцы!». При этом заслуживает внимания демократизм и благородство Поприщина, проявляемые им при представлениях другим. Он успокаивает Мавру, объяснив ей, что не похож на жестокого Филиппа II. А чиновникам департамента, пораженным неожиданной новостью, он заявляет: «Не нужно никаких знаков подданничества!». Даже проезжавшему государю императору на Невском проспекте он не объявил, что того приветствует испанский король, ибо почел неприличным открываться при всех, еще не представившись ко двору. В своем безумии Поприщин проявляет предельную деликатность и редкую логическую последовательность. Ведь даже число 86 не случайно представляет собою удвоенное число поприщинских лет, а выражение «мартобря» образовано сложением слов «март» и «декабря», соединением, являющимся примечательной особенностью шизофреников. При всех этих действиях и языковых операциях героя комизм и трагизм вступают в сложную, но нерасторжимую связь. Достаточно вспомнить, что для того, чтобы самостоятельно создать недоступную ему королевскую мантию, Поприщин изрезывает ножницами свой единственный вицмундир. Это и очень смешно, и очень трагично. Герой словно предчувствует, что этот мундир ему больше никогда не понадобится в жизни, как и лохматая мантия, поскольку его ждет смирительная больничная рубашка.

Четвертая часть повествования переносит читателя в «Мадрид», то есть сумасшедший дом. Горький парадокс состоит в том, что Поприщин томительно ожидает и радостно приветствует свое переселение в Испанию, не ведая того, что здесь он будет обречен на самые страшные страдания. Те, кого безумец называет «испанскими депутатами», творят над ним насилия и обрекают на еще большее, чем прежде, унижение. Поприщина грубо вталкивают в тесную комнату и грозят выбить из него охоту величать себя королем Фердинандом

VIII. Тот, кого он принимал за государственным канцлера, сказался «великим инквизитором», бьющим его палкой по спине. Герою повести выбривают голову, как остальным «доминиканам», и начинают капать на нее холодной водою. Жестокие муки возвращают Поприщина к реальности, и он ощущает себя страдающим человеком. Совсем не случайно, согласно версии В. Воропаева и И. Виноградова, повесть первоначально называлась «Записки сумасшедшего мученика».

Бред Поприщина о хромом бочаре, который в Гамбурге делает непрочную луну, как и многие другие детали его видений, стал откликом на соответствующие сенсации «Северной пчелы», рассказавшей, в частности, об английском бочаре, который распродает по доскам бочку, служившую гробом для Байрона, когда его тело перевозили из Греции в Англию. Здесь Гоголь в очередной раз спародировал и высмеял «бред» болгаринской газеты. Само спасение Поприщиным вместе с бритоголовыми «капуцинами» нежной и непрочной луны говорит о пробуждении в этих людях состраданий и деятельного человеческого сочувствия к тем, кто, как и они, подвергнут издевательствам и насилию.

По мере нарастания безумия комическое уступает место трагическому. Чем больше распадается сознание героя повести, тем явственнее происходит его просветление. Он догадывается, что тот, кого он раньше принимал за канцлера, является великим мучителем, что попал он не в желаемую Испанию, а в руки инквизиции. Для Поприщина уже очевидна «безрассудность королей» и, следовательно, его собственная безрассудность. Он научился пренебрегать бессильной злобой истязателей, зная, что они действуют, как заведенная для насилия машина. Гоголь мастерски анализирует больную психику своего героя [7], подчиняя этот анализ высокому замыслу своей повести и внося тем самым в литературу подлинное художественное открытие: он изобразил действительность, зараженную безумием и

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

медленно, но неуклонно сводящую человека с ума. Личность у Гоголя постигла царящий на его земле хаос: людские носы, оказывается, находятся на Луне (поэтому мы не можем видеть их на своих лицах), а у каждого петуха (то есть инквизитора) есть своя Испания (иначе говоря, свои проверенные средства издевательства над людьми). Осознал гоголевский герой и то, что человеческое достоинство есть высшая ценность, но, увы! превращенная в царящей действительности в мнимую величину. Прозрение Поприщина позволило ему соединиться со всем безграничным миром. Оно по-своему преобразовало пространство, поскольку герой открыл, что Китай и Испания «совершенно одна и та же земля»; оно убыстрило движение времени, ибо запись, сделанная в середине тридцатых годов XIX века, датирована апрелем 2000-го года.

Лирико-патетический финал повести производит на читателя особенно сильное, незабываемое впечатление. Затерянный в глухих комнатах сумасшедшего дома и — шире — в бездушном и жестоком мире тогдашней российской действительности, избиваемый и терзаемый человек произносит свой последний монолог. В духовно изуродованной личности пробуждается возвышенное, истинно человеческое начало, подлинная внутренняя красота и поэтичность души. В этом заключительном монологе сплетаются и дорогая Гоголю Италия, и русские избы, ставшие писателю родными, и бесконечная дорога, и лихая тройка, устремляющаяся, «как вихорь», в далекое небо, и звездочка, сверкающая вдали, и звуки колокольчика и струны, звенящей в тумане. Монолог обращен к матушке, сидящей перед окном родного дома, с мольбой о том, чтобы она спасла своего бедного сына, которого продолжают мучить и гнать. Здесь звучит скорбная мелодия народной песни о ямщике, ощущается напевная интонация и образ широкого простора Родины, которая готова принять своего блудного страдающего сына и, освобождая его из ада, соединить

с его матушкой, ждущей своего сиротку и готовой одарить его неиссякаемой любовью. В этих последних строках повести живет подлинный трагизм, перед которым далеко отступает и комическое начало, и все наносное, мелкое и жалкое в личности героя. Перед нами предстает страдающий человек, и мы откликаемся на его стон своим состраданием. Охарактеризованное содержание, исключительно богатое и емкое в повести, обрело в ней адекватную художественную форму. Хотя все повествование ведется от лица Поприщина, являющегося «автором» записок и их героем, Гоголю удается через сознание сумасшедшего раскрыть объективный мир и свое собственное видение действительности. Эпическое и лирическое начала сращены в произведении с началом драматическим. Последнее проявляется в частом применении сценических эффектов, в построении отдельных эпизодов как сцен и явлений запоминающегося представления, в использовании реплик и ремарок ведущего записи, в драматизации повествования, в часто встречаемых костюмных мотивах. Вспомним, например виц-мундир, разрезаемый и преобразуемый в «королевскую мантию».

В повести широко используется фантастический элемент, оплодотворяющий гоголевский реализм. Ярким примером его применения является переписка собачек, вводящая особый, естественный взгляд на происходящее, дающая дополнительную характеристику генералу, его дочери и камер-юнкеру и обнаруживающая, что барским животным дарована человечески комфортная жизнь, тогда как люди обречены в этом мире на собачье существование. Но фантастика этой переписки Меджи и Фидели рождена болезненным воображением героя, и оттого в повести строго мотивирована. Письменный диалог собачек существенно усиливает сатирическую остроту повести. Переписка мастерски стилизована и весьма напоминает диалог великосветских барышень, всецело преданных «амурам», нарядам

и очень неприязненно относящихся к «мужику».

Варьируемый бред сумасшедшего становится поводом для активного введения в повесть эзоповского иносказания, прикрывающего оппозиционные идеи и дезориентирующую цензуру. Столь же разнообразен прием использования гротеска, применяемого в произведении и претерпевающего определенную эволюцию. Особенно ярко гротеск проявляется в раскрытии безумия Поприщина, где нередко возникает сочетание несочетаемого [8].

В повествовании «Записок сумасшедшего» обнаруживаются две параллельные сюжетные линии: одна прослеживает прогрессирующую психическую болезнь, другая — пробуждающееся в герое сознание. Эти две линии порождают разную тональность изложения — комическую и трагическую, которые временами сплавляются воедино.

Жанровая форма, найденная автором, — повествование с «Ich-Erz hlung», рассказом от первого лица — позволила глубоко раскрыть психологию и деформирующуюся психику героя и одновременно увидеть окружающий мир. Форма записок, дневниковых записей обусловила преобладание монологической речи Поприщина,

в которой сменяются книжные формы речи (газетный слог «Северной пчелы») и канцелярский жаргон (его вульгарно-чиновничий вариант). В эту речь внедряется язык собачек, создающий пародийный письменный стиль и напоминающий сентиментальный, напыщенный светский жаргон.

Драматизм столкновений характеров и их речевых стилей обеспечил удачу инсценировки, поставленной на подмостках студенческого театра «Манекен» Челябинского политехнического института, где роль Поприщина играют одновременно три актера: В. Дубчинский, В. Бувевич и Г. Зайцев, которые передают различные грани характера героя.

В.Г. Белинский высоко оценил эту гоголевскую повесть как «психическую историю болезни, изложенную в поэтической форме, удивительную по своей истине и глубокости, достойной кисти Шекспира» [9]. Повесть Н.В. Гоголя подготовила появление «Записок доктора Крупова» А.И. Герцена, сатиры «В больнице умалишенных» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Палаты № 6» А.П. Чехова. Образ «струны, звенящей в тумане» получит свое новое преломление в чеховском «Вишневом саде».

Литература

1. Тарасенков А.Т. Последние дни жизни Н.В. Гоголя // Гоголь в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1952. — С. 512.
2. Анненков П.В. Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года // Анненков П.В. Литер. воспоминания. — М.: Гослитиздат, 1960. — С. 72.
3. Пашенко Т.Г. Черты из жизни Гоголя // Гоголь в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1952. — С. 43.
4. Золотусский И. «Записки сумасшедшего» и «Северная пчела» // Известия АН СССР, Серия литературы и языка. Т. 35, № 2 — 1976. — С. 146.
5. Ермаков И.Д. Психологический анализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский. — М.: «Новое литературное обозрение», 1999. — С. 308.
6. Золотусский И. Указ. соч. — С. 153.
7. Сикорский И. Изображение душевнобольных в творчестве Гоголя. // Памяти Гоголя. — Киев, 1902. — С. 429-431.
8. Шлаин М. Эволюция гротеска в петербургских повестях Н.В.Гоголя. // Вестник МГУ, 1971, № 4. — с. 19.
9. Белинский В.Г. Полн.собр.соч.: В 13 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — Т. II. — С. 226.

Наталья Ульянова

НЕПОЗНАННАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Начнем с того, что наша Вселенная существовала всегда. Она имела различные центры, к которым постоянно смещалась в определенное время, но всегда была одинакового размера и плотности. В ней всегда существовали несколько обитаемых галактик и много обитаемых созвездий. Во Вселенной всегда существовали темные области, из которых в пределах обитаемых систем появлялись различные темные люди и личности. Вселенная сама по себе прошла несколько циклов развития, они были различными по протяженности во времени. Всего таких стадий было четыре. Первая стадия означала начало развития молодой Вселенной, когда она только пробуждалась от долгого анабиоза после завершения очередного витка цикла развития. Каждый виток обычно длился около трёх-трёх с половиной миллиардов световых лет подряд. После завершения очередного цикла наша Вселенная впадала в состояние анабиоза для того, чтобы различные процессы, уже подходящие к завершению, пришли к завершающему концу. Этим достигалась периодичность развития любых процессов во Вселенной. Обитаемые миры также проходили несколько различных стадий своего развития. Для них уже заранее были обусловлены все типы их развития, и если система делала один какой-то шаг, то менялась вся система её развития, но, в общем, ни одна система, правильно развиваясь до конца, не приводила себя к гибели. Это могли сделать только существа, обитавшие в системе при наличии десяти-пятнадцати неверных ходов, так как у систем стоял очень мощный блок жизненной самозащиты. Для систем нашей метagalактики существовало в самом начале несколько путей для развития. Один путь представлял собой длинную цепь событий, которые после своего окончательного завершения заканчивали свое существование, и замирали навсегда. Другой путь развития миров был следующим: жизнь мира развивалась по трём-четырёх параллельным линиям и если какая-то линия оказывалась наиболее предпочтительней, то остальные линии не замирали, а только замедляли своё развитие. Если эта линия могла оказаться в тупиковом положении, то жизнь в ней замедлялась, и в действие вступали следующие линии.

В пределах Солнечной системы существовало несколько обитаемых миров. К настоящему времени некоторые из них уже миновали вершины и пики своего развития по всем различным путям и сейчас находятся в стадии окончательного завершения. К этим планетам относятся Юпитер, Сатурн и Нептун, а также подходит к этому завершению планета Венера. Эти планеты в далёком прошлом выбрали первый путь развития, и сейчас всякая осознанная разумная жизнь на них уже подходит к логическому концу. Возможно, через несколько световых веков на этих очищенных планетах будет сформирована новая жизнь. На всех других планетах Солнечной системы

распространен другой тип развития. На планете Земля к настоящему моменту уже почти завершилось пять больших циклов-витков. Каждый цикл совершал только ему присущий путь развития и по завершению его впадал на три-четыре земных года в состояние анабиоза, чтобы в конце выяснить, какой путь развития для них наиболее удачен. Первый и второй циклы развития практически не отличались друг от друга. Они длились каждый примерно три-четыре миллиарда световых лет. В этом случае все даты и числа измеряются по Вселенскому солнечному календарю. В эти циклы началось формирование планеты из клочков межзвёздного тумана и космической пыли. Сконцентрировавшееся облако постепенно сгущалось и уплотнялось в размерах. Планета Земля в то время имела далеко не современные размеры. Тогда она представляла собой форму почти круглого вытянутого эллипсоида. Никакой разумной жизни в нашем представлении в первом цикле не существовало. Иногда в том мире могли возникать какие-то подобия минеральной жизни. Земля уже успела вполне остыть после своего образования, но ни у кого из разумных тогда обитавших существ не возникало желания заселить её. Был предусмотрен второй вариант развития, который предусматривал путь длительного анабиоза. Было возможно продолжать свой путь развития для одного из видов существ, с планеты Сириуса — они могли продолжить свой род на нашей планете и тем самым уберечься от вымирания. Таким образом, на нашей планете появились посланцы с Сириуса в количестве примерно трёхсот-четырёхсот особей. Они очень хорошо переносили тогдашнюю атмосферу Земли: малое количество кислорода и азота, много аммиака, водорода, углекислого газа и инертных газов. Достаточно высокая температура, длительные вулканические процессы, отсутствие всякой растительности и животной жизни, а также воды, очень резко отличались от того мира, к которому давно привыкли обитатели Сириуса. Все особи Сириуса должны были вести сумеречный образ жизни и никогда не вмешиваться ни в один из параллельных путей землян. Они прожили на планете примерно до начала третьего цикла развития цивилизации и только лишь несколько раз были замечены землянами.

Развитие жизни на планете в первую цивилизацию шло по нескольким путям:

- 1) развитие в основном минеральной жизни и возникновение структурированной воды и кристаллического льда;
- 2) постепенное возникновение растительного, а затем и животного мира в течение примерно трёх-четырёх столетий подряд;
- 3) развитие скачкообразное представителей человеческого рода в течение всего периода первой цивилизации.

Возникновение первого типа развития продолжалось не только в первой, но и во все последующие цивилизации. Он обусловил наиболее полное развитие всех последующих типов и способов возникновения жизни на планете Земля.

Скачкообразное развитие человека представляло собой не прямую лестницу человеческих типов, а длинный и широкий откос, на котором могло существовать несколько разных человеческих типов, обитающих на планете. В период первой цивилизации их существовало примерно пять-семь видов, среди них три обитали в параллельном мире, и никогда не встречались друг с

другом. Две ветви оказались на тупиковой линии развития, хотя это им не мешало существовать и в середине второй цивилизации. Два вида людей постоянно жили в нашем временном измерении и существовали независимо друг от друга. Один вид людей постоянно обитал вблизи поверхности вулканических гор, и катаклизмы природы нисколько не влияли на них.

Другие люди постоянно старались селиться в расщелинах и отрогах, а ещё лучше совсем спрятаться под землей. Эти два вида людей существовали совершенно независимо друг от друга и почти никогда вместе не встречались. У каждой группы существовала своя система общения. Они могли длительное время существовать в замкнутом пространстве. Таким образом планета пережила свой первый вулканический период, но вулканическая группа людей не получила должного расцвета. Вулканическая деятельность глубинных структур планеты достаточно существенно влияла на их слух, речь, зрение и двигательную способность. Они могли постепенно терять свои постэнергетические способности, и способность выживать в экстремальных условиях существования в период первого похолодания на планете Земля примерно до плюс тридцати градусов по Цельсию. Эти существа-люди вынуждены были продолжать свое существование в глубоких оврагах и ущельях около вулканов. Огнедышащие горы в этот период постепенно прекращали свою первичную горнообразовательную деятельность, и их температура очень резко понизилась. Первые люди были практически не приспособлены к существованию в более холодном климате, и их род стал постепенно угасать. Новые люди стали появляться очень редко, и эта ветвь эволюции впала в длительный анабиоз.

Вторая ветвь людей, которые постоянно проживали в горных пещерах, были наиболее хорошо приспособлены к изменяющемуся климату. Они не утрачивали никаких способностей, которых у них было очень немного. Темнота достаточно обострила их зрение и слух, у них постепенно стали образовываться некоторые зачатки паранормальных способностей. Эти способности начинали возникать в области медитации и левитации. Некоторые люди собирались в небольшие группы по три-четыре человека, мысленно объединялись в глубинных темных пещерах. Они, пользуясь медитативными способностями, могли постепенно мысленно выходить на поверхность гор, уже достаточно остывших и очень холодных (+20°:-+25 градусов Цельсия) для людей первой цивилизации.

В это время горообразование постепенно угасало в районах современной Африки и Австралии. Горные вершины в современной Африке представляют собой только лишь отголоски прошлой первой цивилизации. Люди в темных пещерах могли жить достаточно долго (примерно три-четыре столетия подряд). Их медитативные мысленные путешествия приносили в их подземный мир немало интересных сведений. Некоторые из этих людей обладали даром предвидения, который они вряд ли осознавали. Этот путь развития был не очень приспособлен к новому климату, воцарившемуся на планете Земля. Эти люди должны были или полностью исчезнуть или перейти теперь в параллельное существование. Это они и сделали в ближайшем будущем времени всем народом вместе. Место их обитания стало первой тайной первой цивилизации. Предположительно, что вход в подземные пещеры первоначально находился в отрогах гор Центральной Африки. Потом,

когда все обитатели перешли в параллельное существование, последний вход в пещеру также перешёл в параллельный мир и теперь найти его не представляется возможным. На арену теперь вышли некоторые существа из параллельного мира — они представляли собой довольно странных своим обликом существ, для тогдашних вулканических обитателей планеты Земля.

Они были довольно высокого роста с непомерно развитыми четырёхпальными конечностями и зеленоватой кожей с чешуйками мелкого размера. Волосяной покров отсутствовал совсем. Их обитание не должно было оставить сколько-нибудь заметного следа в истории Земли, так как они не хотели вообще оставлять никаких следов своего пребывания на планете. Но временной поток постоянно двигался по своему обычному руслу, и прерывать его движение никому было не дано. Эти обитатели планеты выбрали местом своего проживания материк тогдашней Северной Америки. Климат самых северных областей был тогда почти приближен к тропическому климату, температура воздуха в полярных районах была около сорока градусов Цельсия.

Возникновение нового типа людей не препятствовало общему развитию истории первой цивилизации на планете. Началось новое поднятие новой суши в самом центре первичного океана, который вначале окружал очень небольшие участки суши современного теперешнего мира. Океан был достаточно глубок, в то время его средняя глубина во всех местах составляла около пятнадцати-двадцати метров. Возникновение новой суши происходило в целом очень спонтанно, поднятие суши иногда могло происходить в течение примерно трёх-четырёх недель подряд. В начале первой цивилизации суша возвышалась над океаном только в средней части современной Центральной Африки и Южной Австралии, а также в полярных областях Северной Америки. Новая суша начала подниматься в основном в полярных областях, в районе современной теперешней Антарктиды. Вначале шло полное поднятие тех областей, которые находились в непосредственной близости к Южному полюсу. Новая суша представляла собой довольно изрытую поверхность с множеством рытвин и котлованов. Они возникали на поверхности суши вследствие вулканической деятельности подводных вулканов. В начальном периоде первой цивилизации в пределах новой суши начали образовываться первые земные полезные ископаемые. Началось возникновение первичных залежей медной и никелевой руды, магнитных железняков, а также началось формирование северного—магнитного полюса Земли, который продолжал формироваться в течение всего периода существования первой цивилизации. Заселение новой суши происходило достаточно быстро людьми из некоторых частей Австралии. Они могли переноситься в другие области суши чисто мысленно, у них существовали специализированные мыслительные медитативные блоки, которые могли одновременно перемещать около двадцати пяти человек. Обитатели одного из параллельных миров старались как можно меньше попадаться на глаза людям из настоящего мира, поэтому они избрали своей постоянной резиденцией одну из частей новой поднимающейся суши. Они постарались возвести на новых островах неприступные крепости-сооружения, которые были окружены постоянно действующим энергетическим блоком. Этот блок все время осуществлял блокировку входов и выходов во весь окружающий

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

мир любых обитателей параллельного мира. Никто из этого мира не мог проникнуть в настоящий мир, чтобы ни одна из тайн не исчезла в пространстве и не могла там раствориться.

Для сохранения тайн обитателей того мира они постоянно жили во временном опережении на пять-шесть секунд в земном исчислении времени. Из-за этого любой предмет, который случайно попадал в область действия параллельного мира, оказывался как бы отброшенным во временном пространстве примерно на три-четыре земных минуты. Возникновение новой, поднятой из глубин суши в полярной области вызвало массовое перемещение водной поверхности и магнитных полюсов планеты Земля. В середине истории первой цивилизации началось массовое поднятие суши с поверхности океанов и постоянное углубление морского дна. Суша начала появляться в области современной Южной Америки, Центральной Азии, Южной Африки, а также в районах арктических областей. Одновременно начал формироваться южный магнитный полюс планеты. Постепенно прекращался процесс горообразования, и общая температура всей поверхности планеты стала постепенно понижаться. К середине первой цивилизации она достигла примерно +25-30 градусов Цельсия по всей планете. Климат был одинаково ровным в экваториальных и полярных областях.

Развитие людских сообществ в большинстве своем происходило очень скачкообразно. Вновь возникающие группы людей, которые могли легально появляться из параллельного мира в настоящий мир, старались обосноваться только на новых образующихся территориях. Таким образом, возникали новые и новые цивилизации, которые продолжали основывать новые города и новые колонии. Они возникали (колонии) вследствие прямого образования в этих областях специального временного потока, который помогал многим обитателям переходить из параллельного мира в настоящий мир. Поднятие новых областей суши продолжалось до конца истории первой цивилизации. История первой цивилизации длилась примерно пять-семь световых тысячелетий.

В конце на планете произошло чрезвычайно быстрое поднятие суши в океане в области между тогдашней Австралией и Центральной Африкой. Суша поднялась над океаном примерно на двадцать-тридцать метров над уровнем моря. В результате этого поднятия возникла огромная волна, цунами, которая пронеслась от берегов Австралии к берегам Северной и Южной Америки. Волна эта достигла высоты около сорока пяти-пятидесяти метров, и в течение двух-трёх часов она практически полностью уничтожила все города и другие поселения людей первой цивилизации. Многие люди мгновенно погибли в этой огромной волне. Через некоторое время (примерно три-четыре дня) на оставшиеся материка — обрушились разрушительные ураганы и тайфуны. Все материка ушли под воду совершенно опустошенными. Несколько гигантских землетрясений полностью довершили всю картину разрушения. Первая цивилизация людей полностью исчезла с лица планеты за исключением тех, кто постоянно проживал в параллельном измерении.

Итоги существования первой цивилизации были не очень утешительными:

1) были окончательно заброшены все медитативные способности большинства человечества;

- 2) произошло полное закрытие временной связи с людьми из параллельного мира;
- 3) была не устранена причина образования природных катаклизмов, столь губительных для планеты.

Только те, кто остался жить в параллельном мире, могли снова возродить жизнь на планете Земля. А параллельный мир теперь существовал только лишь в полярных областях — редких участках суши на планете. Вследствие сильных природных катаклизмов начал постепенно смещаться магнитный полюс Земли, новые участки суши стали постепенно подниматься с морского дна. Климат от тропического стал достаточно резко переходить к умеренному климату, а затем к приполярной температуре (около +3-4 градуса Цельсия круглосуточно). Из-за такого резкого понижения температуры люди второй цивилизации могли или приспособиться сами к такой окружающей среде, или постараться как-то изменить её любыми способами.

Вторая цивилизация берёт своё начало от истоков полюса, где в то время наблюдался второй выход в Космос. Начало образования льдов в полярной области Антарктиды было далеко не единственным, это происходило каждую следующую цивилизацию, за исключением первой. Такое будет происходить и в шестой и седьмой цивилизациях, только с некоторыми особенностями. Первое оледенение в начале второй цивилизации началось в Антарктиде, в то время как в Арктическом материке был всё ещё тропический или субтропический климат. Оледенение одного из центральных полюсов планеты Земля вызвало образование льдов на новых землях около северной Австралии (тогда уже этот молодой материк имел почти современные размеры, за исключением островов Тасмании и Океании).

Примерно в этой области Земли стали периодически появляться айсберги и холодные течения.

Люди второй цивилизации прибыли на планету через космический выход в Северном полюсе — это был первый вход и выход из параллельного мира в настоящий мир. Эти люди разделились на две большие равноценные группы. Первая группа около двух-четырёх тысяч человек остались в Северном полушарии. Вторая группа, три-пять тысяч человек, отправились в Антарктиду, чтобы попытаться приспособить материк для нормального жизнеобитания. Группа Северного полушария второй цивилизации попала в очень благоприятные условия. Климат был хорош для развития мыслительных способностей новых людей, уже родившихся на нашей планете в реальном мире. Они довольно быстро смогли закрыть первый вход и выход в параллельный мир. Информационный поток не был полностью перекрыт, и некоторые из этих людей продолжали им пользоваться для получения некоторых сведений для особо важных случаев. Постепенно эти люди превратились в особую касту, которая стала скрывать источник получаемых знаний. Их стали со временем называть жрецами. Вскоре около места выхода в параллельный мир, но не рядом непосредственно с ним, они построили храмы и устраивали там специальные праздники для поклонения новым оракулам.

Группа, которая пошла в Антарктиду, оказалась в довольно сложном положении. Она была очень плохо приспособлена к пониженной темпера-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

туре воздуха. К этому времени в месте Южного полюса температура уже понизилась примерно до -10 градусов мороза. Подули сильные ветры, пошёл густой и сильный снегопад, который мог не прекращаться целыми неделями. Материк стали омывать только очень холодные течения, из-за этого реки на материке стали постепенно промерзать и через три-четыре года окончательно промёрзли до самого дна. Животный и растительный мир довольно быстро исчез. Необходимо было как можно скорее закрыть второй энергетический выход в Космос, через который начала утекать земная энергия всей планеты.

В общем, получился как бы замкнутый резервуар только с одним выходом, вот в нём и начала своё развитие вторая цивилизация человечества. Они более не могли уже свободно по одной только мысли перемещаться по всей планете. Они были вынуждены передвигаться теперь с помощью лодок, плотов, кораблей и других средств передвижения по суше.

Фердимонова Елена (Москва)

ПОВЕРИТЬ В ЭТО НЕВОЗМОЖНО...

(продолжение)

Глава 8

УМ С СЕРДЦЕМ НЕ В ЛАДУ

— Извините, я, похоже, не вовремя, но мы уж так договаривались! — Ольга слегка покраснела, когда Слава повернулся к ней почти обнаженный.

— А? О, боги. — Юноша схватил покрывало с кровати и прикрыл свое достоинство.

«А тельце у него неплохое, я бы даже сказала, что такое как у Вовы. Куда я смотрю?»

— Разрешите, я оденусь. Вы не могли бы отвернуться.

— Ох, да, конечно! Извините! — Девушка отвернулась и пыталась подавить смех, но мелкий смешок у нее все-таки вырвался, и она еще сильнее покраснела.

До чего же интересно, что сильная колдунья, убивающая людей отрядами, может смутиться от обнаженного тела. А может и просто от неудобной ситуации.

— Вам смешно? Не понимаю, что смешного? Чем я вас насмешил? Можете повернуться, я оделся. — Приемника задело за живое, что Ольга засмеялась, ведь он всегда считал свое тело идеальным.

— Нет. Нет. Это я не над вами, просто ситуация неудобная получилась. Приношу свои извинения, — Ольга повернулась, на ее лице была улыбка, что еще больше разозлило князя.

— Что же. Пройдем в обеденный зал. Отец, наверное, заждался меня и, собственно, вас.

— Да, конечно, я ведь за этим здесь, — Ольга продолжала улыбаться. Но это была уже не простая улыбка, она с ним флиртовала, и он отвечал взаимностью.

В дверь постучали, и вошла та же служанка. Она сильно удивилась, увидев Ольгу. Прислуга замешкалась, даже забыв, зачем пришла. С лиц молодых людей слезли улыбки, и они вопросительно смотрели на нее.

— Ты что-то хотела? Надеюсь, причина довольна веская, что ты посмела без стука ворваться в мою комнату, — его голос стал грозным. Служанка поклонилась Ольге.

— Прошу простить, ваше княжество. Ваш отец просил передать, что давно ожидает в обеденном зале и что приехал Роман. — Голос ее дрожал, и она не могла свести взгляда с Ольги.

— Хорошо! И не смотри так на нашу гостью. Пошла прочь!

Девушка опять поклонилась и быстро вышла.

— Ну что, идемте.

— Вы знаете, ваше княжество, нехорошо, что она меня увидела, надо бы что-нибудь сделать с ней.

— Что вы можете предложить? — Они уже вышли из комнаты и отправились в обеденный зал.

— После приведите ее ко мне, я немного подотру ей память. Лишь самую малость.

— Вы даже это можете?

— Многое могу.

— Почему же вы не захотели стереть память моему отцу. Тогда бы он забыл о вас и отменил награду. Ведь не знал, за что назначил столь высокое вознаграждение? — И сам мысленно отругал себя за подачу прекрасных идей врагу.

— Если бы я так поступила, то ему пришлось бы забыть очень многое, так как немало времени ваш отец знает про меня. От такого поворота многое бы изменилось, и могли бы пострадать мирные сельчане. Может, вы и считаете меня гнусной убийцей, но я на самом деле волнуюсь за них.

Они подошли к двери и сын князя открыл ее.

«Странно, а где же вся охрана?» — Ольга насторожилась, даже несмотря на то, что ее мысли были полностью заполнены Славой, и она вовсе на время забыла об опасности.

— Отец, приветствую. Это мы. Я же говорил, что наша гостья придет, а ты мне не верил.

— Приветствую. Присаживайтесь вон туда, — и князь указал на два места, где уже было накрыто. У Ольги забурчало в животе, ведь она со вчерашнего дня ничего не ела.

— Добрый день, ваше княжество. С радостью присяду. — Ольга прошла к месту, на которое указал князь. Правитель все время наблюдал за ней каким-то странным взглядом, и девушка это заметила.

«Может, еда отравлена, и поэтому он так любезничает со мной? Но так есть хочется. Такой чудный аромат», — Оля грустно вздохнула.

— Я слышала, кто-то приехал, как я понимаю, тот самый Роман, ваш гонец, которого мы ждали. Почему бы не позвать его к столу?

— У нас не принято с холопами за одним столом сидеть. Мы встретимся с ним после. А сейчас угощайтесь, у меня отличные кухари в тереме.

Может быть, она бы и поверила в его добрые намерения, но князь очень жадно уставился на ее тарелку, особенно когда она брала ложку.

«Почему я не умею сканировать на яд? Ведь учитель хотел меня научить. Но нет возможности это проверить, поэтому придется действовать наугад»

Ольга занесла ложку над печеной свиной, приготовленной по какому-то особому рецепту с грибами и картофелем. Запах заворожил. Слюна накапливалась во рту. Но так рисковать было нельзя. Как только ложка дотронулась до тарелки, Ольга «случайно» задела тарелку рукой и она упала на пол. Еда разлетелась по полу, тарелка треснула. Князь вскочил со стула и жадно смотрел на шедевр на полу. По его лицу было видно, что он хотел закричать от неудачи.

— О, боги! Какая же я неуклюжая. Мне так жаль. — Девушка состроила виноватое лицо.

На лице Славы появилась улыбка.

— Не волнуйтесь, сейчас я прикажу, чтобы вам принесли новую порцию. Это случайность, не переживайте, — похоже у юноши были свои планы насчет Ольги, и он радовался неудаче отца в попытке отравить колдунью.

— Охрана! — В комнате, как будто из воздуха, появился мужчина и поклонился всем сидящим. Прикажи там, на кухне, чтобы быстро подали еще одну порцию. И как можно быстрее. А по окончании нашей трапезы пусть все здесь уберут. Ну, ступай и поторапливайся. — Слава не переставал улыбаться, а отец его был в ярости. Ольга, молча наблюдала за ними и пыталась понять, какие еще сюрпризы ждут ее сегодня.

Через несколько минут принесли новую тарелку, наполненную прекрасной ароматной пищей. Колдунья уже не сомневалась, что там нет яда, и спокойно приступила к завтраку. Да с таким аппетитом, что мужчины удивились, как быстро она опустошила свою тарелку, когда они не успели съесть и по половине своих порций.

— Я вижу, вы сильно голодны. Я прикажу принести вам еще порцию, — князь опять начал любезничать. Девушка бесспорно бы согласилась, ведь ее голод был велик, но поймав от князя мысль о яде, мило отказалась.

— Нет, спасибо! Я вполне сыта. Вы были правы, у вас прекрасные кухари.

— Ну что же, дело ваше. Охрана! Квас! — И тут вновь как из воздуха появился мужчина с бочонком кваса и разлил всем по кружкам. Ольга сравнила его с джинном. Появляется из воздуха и приносит все, что пожелаешь.

Завтрак был окончен, и они отправились в другой зал. Там их поджидал уже знакомый Ольге мужичок. Увидев ее, он испугался, но девушка положила указательный палец к губам, он понял, что лучше притвориться.

— Ваше княжество! Князь Вячеслав! — Он поклонился. — Очень рад, что вернулся к вам, и готов доложить.

— Роман, это наша родственница, приехала к нам в гости, можешь спокойно говорить при ней.

— Да, ваше княжество! Я нашел деревню и общался с людьми. Сам лично слышал чудище. Оно жутко воет по ночам в дни полной луны. Собственными ушами слышал, незачем вас обманывать. — И кинул взгляд на Ольгу, она ответила ему горящим взглядом. — Это точно доказательство, что оно существует. Люди в страхе. Многие уже убежали из деревни и окрестностей. Но деревни еще не полностью опустели, люди более старшего возраста остаются в своих домах. Но они гnevаются на вас, ваше княжество. Боюсь, они готовы поднять бунт. Я слышал о том, что они готовятся просить помощи у других государств. И за это они отдадутся соседям. А это первый шаг к захвату ваших земель.

— Да что ты такое говоришь! — Князь встал, он был зол как никогда.

— Прошу вас, милый князь! Не гневайтесь. Из каждой ситуации есть выход. Но я не знаю, что делать. Мы посылали туда уже лучших колдунов. Может нам послать великое войско? Но что будет, если и они не справятся? Мы потеряем защиту. И тут же другим государствам ничего не будет стоить захватить ваши земли. Ситуация сложная, нужно собирать совет.

— Почему бы просто не подавить восстание? — Слава наконец вставил свое слово и оглянулся на Ольгу с таким довольным видом, будто только что изобрел самолет, но девушка проигнорировала его.

— Это нам не поможет, уж очень многие бежали. И скорей всего они пойдут дальше в другие государства. У меня была идея заплатить им, так сказать, задобрить. Чтобы усмирить их пыл. Мы бы выиграли немного времени, чтобы придумать дальнейшие действия.

— Вот эта идея мне нравится, — Ольга тоже не осталась в стороне, — и выслать продовольствия.

— Да, я думаю, это может помочь, — Роман произнес это дрожащим голосом, смотря на князя.

— Я устал от всего этого. Почему все происходит на моих землях? С меня хватит, я пошел отдыхать.

— Отец, ведь мы еще не обсудили по поводу поездки. — Слава повернулся к гонцу. — Спасибо за информацию. Можешь отдохнуть. Вскоре мы еще соберемся и обдумаем твои идеи.

Роман поклонился и вышел из зала.

— Ну, что же. Мы дождались, чего хотели. Теперь нужно срочно выезжать. Если вы еще не передумали ехать со мной, то вам нужно немедленно собираться.

— Зачем же так спешить? Вы можете выехать завтра. Чудище никуда не убежит.

— Вы же сами слышали, что ситуация серьезная. Медлить нельзя. Или вы хотите потерять свои земли?

— Да как ты смеешь мне говорить такое! — Князь опять встал.

— Отец, успокойся. Она права. Нужно выезжать сейчас. Я готов выехать немедленно.

Князь гневно посмотрел на сына. Он начал вести свою игру и Ольга это прекрасно понимала. Какие-то чувства заставляли ее верить, что Слава ей не опасен.

— Где ваша лошадь? Пойдемте со мной. Я дам вам мешок с едой, остальное, думаю, у вас есть. Ведь вы уже давно путешествуете. — Юноша встал, — если вы мне не верите, можете сами посмотреть, что в нем.

— Сын, что ты такое делаешь? — Князь трясся от гнева.

— Отец. Успокойся. Мы ведь договорились, что за меня не надо волноваться.

— Перед тем, как отправиться в путь, я бы хотела заключить с вами договор на пергаменте, мне нужно доказательство, что вы выполните свою часть уговора, у вас это сын, а у меня будет клочок пергаamenta.

— Что??? — Князь начал краснеть от гнева. Но он понимал, что против их двоих он уже ничего не может сделать.

— Отец. Это будет справедливо. Вон у тебя есть стопка пергаamenta и перо, — он указал на стол из красного дерева, который стоял в этом зале для совета.

— Хорошо, — он подошел к столу и сел на стул. Слава и Ольга встали рядом. — И что мне тут писать?

— Я продиктую. Пишите. — Он взял в руки перо. — Я, князь Владимир, заключаю договор с колдуньей Ольгой из села Прыжкино о том, что если колдунья убьет чудище из приблизи Днепра, я снимаю с ее имени

все обвинения об убийствах и отменяю вознаграждение за ее голову. Честь ее будет полностью оправдана и наказание понесет каждый, кто переступит сей закон. Поставьте число и подпись. — Князь успел все записать, хотя ему было не свойственно, ведь для таких дел имеются писари. Ольга взяла у него перо и подписалась рядом.

— Вот и все. Я зайду позже попрощаться с вами.

Ольга взяла лист пергамента и прихватила еще один, нижний, на котором отпечатались все буквы.

— Теперь мы можем пройти за продуктами.

— С радостью.

Когда Ольга забрала свой мешок с продовольствием, тщательно проверив перед этим, они вышли на улицу. Сникерс лишь осмотрела Славу и качнула головой. Но когда Ольга поднесла тяжелый мешок с продовольствием, начала ржать.

— Да будет тебе, и не такое возили, — произнесла колдунья, поглаживая лошадь.

— Ты с ней так мило разговариваешь. Вы, колдуньи, такие странные, может быть, у тебя еще и лошадь необычная?

— А ты как думаешь?

— Я чувствую, что меня ждет много приключений на нашем пути.

— Где князь? Нам уже пора.

В этот момент вышел князь. У него даже не было момента высказать сыну все, что накипело. Что войско идет зря, и он просто уводит колдунью из города, словно хочет спасти ее. У него даже появились мысли, что она околдовала его, но вспомнив, сколько колдунов ставило на него защиту, откинул эту мысль.

«Не может же она быть сильнее их всех вместе взятых», — подумал он в тот момент, когда Ольга увидела его и перехватила эту мысль. Она улыбнулась, но князь этого не заметил.

— Отец. Пожелай нам удачи. Без победы мы не вернемся.

— Удачи. Я надеюсь на тебя, сын. — И вновь подумал о магической защите Славы.

«Так вот почему мне почти не удастся читать мысли Славы. На нем защита сильнее моих сил. Но это ненадолго. Как только он начнет мне доверять, меня уже ничто не остановит».

— Прощайте, князь. При хороших или при плохих обстоятельствах, нам больше не суждено увидеться.

— Я тоже на это надеюсь. И Слава вернется домой, а чудище будет убито.

Ольга и Слава сели на лошадей. Девушка зажала сапогами бока Сникерс и резко дернулась вперед, юноша повторил за ней.

В течение нескольких часов они скакали по полю и лесу. Ольга всегда была впереди и не давала юноше догнать себя, как он ни старался. Его лошадь начала выдыхаться и хрипеть. Ей приходилось нелегко, но Ольга даже не оборачивалась, будто Славы вовсе не было с ней. Князь начинал злиться. С непривычки он быстро устал от непрерывной езды. Ему хотелось есть и пить, но он не мог остановиться. Если бы он сделал это, то сразу же потерял бы Ольгу из вида. Конечно, он бы мог закричать, но этого не позволяла его гордость.

— Знаешь, Сникерс, я удивляюсь его выдержке. Хотя бы лошадь пожалел. Ведь совсем ее загонит. Вот это принцип.

— Прф!

— Я тоже думаю, что он дурак. И ему долго придется доказывать мне обратное. Давай-ка все-таки остановись. Жалко уже лошадку. Проучим его позже.

Сникерс покорно остановилась. Слава, увидев это, сильно обрадовался и остановился подле. Он пытался сделать вид, что прекрасно себя чувствует и не устал, но на его лице было все написано.

— Вы не устали? Я немного поспешила, ведь вы не привыкли к таким походам, — Ольга пыталась убрать улыбку с лица, но Слава уже понял, что девушка насмехается над ним.

— Я прекрасно себя чувствую. Только пить немного хочется. Может, уже перейдем на «ты». Дорога дальняя, а общаться так просто дико.

— Хорошо. Выпей воды и поехали дальше, раз ты не устал. Так бы привал сделали. Зачем же время терять. По моим подсчетам к ночи доберемся до поляны. Там заночуем. Но берегись волков, как только услышишь вой, сразу дай мне знать, — Ольга не могла оставить его в покое.

— Может, поедем рядом. Для безопасности, помедленнее. В отличие от нас, лошади устали и будет нехорошо, если они сдохнут до того, как мы доберемся до ближайшей деревни.

— Я постараюсь, но ничего не обещаю, моя красавица в отличной форме, а я люблю скорость.

— Тогда поехали! — Юноша не хотел сдаваться.

«Надо же, какой упрямый. Но ничего. Поломаем». — Ольга улыбнулась и запрыгнула на лошадь.

Ольга не стала сильно разгонять лошадь, Сникерс устала и девушка знала это. Они поехали рысью. Но колдунья не выходила на контакт. Несколько раз Слава пытался заговорить с ней, но она подгоняла лошадь и после нескольких раз он перестал пытаться.

Еще через несколько часов лошадь князя начала задыхаться, но он пытался не обращать на это внимание, пока она не остановилась.

— Ну, пошла! Я не велел тебе останавливаться, — он пнул ее в бока. — А, а, а!

Ольга обернулась и увидела картину. Падает лишенная сил от усталости лошадь, и князь вместе с ней. Самое забавное, что лошадь рухнула прямо на князя. Он стал кричать еще громче. Ольга остановила Сникерс. Рассмеялась. Спрыгнула на землю и подошла к нему.

— А! Сними ее с меня! Помоги мне!

— Зачем? Очень забавно смотрите. — Ольга сделала шаг назад. — Уже почти ночь. Волки слышали твой крик и скоро придут, чтобы полакомиться. Если повезет, то они насытятся лошадью, если нет, то извини! — Девушка опять начала смеяться.

— Нет. Прощу, не оставляй меня. — Он чуть ли не плакал.

— Да ладно. Шучу. Давай руку. — Она подошла и протянула ему руку. Он вцепился в нее, как в спасательный круг. Сникерс подошла и стала отталкивать от них лошадь. Общими усилиями, они вытащили князя.

— Как ты смела так шутить надо мной! — Весь в грязи, красный от злости, с порванными штанами, он орал на Ольгу.

— Вот те и благодарность. Не злись. Лошадь даже не умерла. У нее просто обезвоживание, надо было дать ей смочить рот, когда мы останавливались.

Князь в ответ лишь злобно шипел, даже ничего сказать не мог.

Ольга достала флягу воды и влила лошади в рот.

— Теперь нам придется остаться здесь. К счастью, поляна не далеко, а волки, следственно, не обитают здесь.

— Откуда ты знаешь, что она не далеко?

— Чувствуешь ветер? Пахнет полевой травой, да и ветер быстрый. Значит, где-то рядом он гуляет спокойно, без помех. В лесу этого не может быть, деревья являются ему помехой. Значит, рядом поляна. Раскладывай вещи. Я соберу хвороста и дров для костра. Всегда есть вероятность, что кто-нибудь может сюда забрести. Не стоит полагаться только на удачу.

— А если кто-нибудь забредет, пока тебя не будет?

— Ну, у тебя есть меч. Попробуй защититься. Сегодня на ужин у кого-то будет мясо. Либо у них, либо у тебя.

— Не смешно.

— Не волнуйся. Я не долго. — Ольга отправилась в густой лес.

— Да, и что мне тут делать? — Он испуганно огляделся вокруг.

Темнело очень быстро. Через несколько минут ночь полностью окутала лес. Но Ольга не возвращалась.

Сникерс стоял рядом с князем и смотрела в сторону, куда ушла хозяйка.

— Где же она? Может, с ней что-то случилось? — Слава волновался, но не за Ольгу, а за то, что он один в темном лесу. Он разложил покрывало для сна. Прилег. Сон не шел. Страшно спать в такой местности, где каждую минуту тебя может подстеречь опасность.

Усталость начала пересиливать, глаза закрываться.

— Вы решили уснуть, даже не поужинав? — Ольга несла большую емкость, что-то вроде ведра, и бревно.

Слава открыл глаза и очень удивился этой картине.

— Тут я воды принесла, чтобы ты хоть умылся. Ведь весь в грязи. Но, похоже, ты и так решил лечь.

— Нет. Нет. Я очень даже не против умыться.

— Тогда займись этим, а я пока разведу костер. — Ольга присела и начала раскладывать бревна. Разложив в форме многоконечной звезды, она встала. Затем сложила руки, и в них появился энергетический шар. Произнеся несколько слов, она бросила шар в бревна и они загорелись ровным сильным пламенем. Костер был готов, а князь еще даже не успел умыться.

— Как легко, наверно, жить, обладая колдовством. Я бы тоже хотел. Не нужно мучиться. Взял, произнес несколько слов и костер готов.

— Не все так просто, даже такому элементарному шагу нужно долго учиться. Я немало настрадалась за то, что обладаю колдовством.

— Да? И что же могло заставить тебя так сильно страдать, как ты сейчас мстишь людям? — Он стал немного зол, но спать теперь совсем не хотел.

— Я не мщу людям и говорила, что та деревня — несчастный случай. Но после на меня объявили охоту, и что мне оставалось делать? Не смотреть же, как в меня втыкают ножи и мечи, кому не лень.

— Давай закроем эту тему. Я не хочу, чтобы ты еще на меня злилась.

— Да, ты прав. Лучше не стоит затрагивать эту тему.

— Лучше скажи, какие планы на завтра?

— Завтра мы поскочим немного севернее, как говорил Роман. И вскоре наткнемся на деревушку. Она станет переходной. Правда, есть одно но. Нам придется переплывать озеро.

— Скажи мне вот что, как тебе мог говорить это Роман, если вы виделись несколько минут и совсем не разговаривали? Ты прочитала это у него в голове?

— Э? ну, да! — «Да, Ольга, ты оплошала».

— Почему же ты не читаешь мои мысли?

— Сказать правду? — Ольга достала несколько кусков мяса из сумки и начала поджаривать их на костре. — Я не могу. Иначе давно бы уже узнала, что ты задумал. Но, увы. Я лишь только вижу, что ты что-то замышляешь, но пока не знаю, что. Правда, думаю, это ненадолго.

— Что же? Я какой-то особенный?

— Нет. На тебе стоит много защит. Я бы могла их сломать, но для этого нужно потратить силы, а в нашем положении это бессмысленная трата. В принципе, мне и не нужно читать твои мысли, у тебя на лице все написано.

— Да-а-а! — Девушка опять задела его самолюбие. Она знала, что делает, и именно таким образом они скоро сблизятся, и она сможет подчинить его себе. Главное, не подчиниться ему. — И что же ты видишь сейчас? — Он посмотрел на Ольгу таким взглядом, что у нее мурашки пошли по коже. Молодец парень, умеет обращаться с девушками.

В этот злосчастный миг, когда юноша встал с покрывала и направился в девушке, она лишь смотрела на него. Все ее тело трепетало от волнения. Ольга почувствовала, что уже не может контролировать себя на уровне разумного. Слава приблизился к ней и нежно обнял ее за талию. Шепнул несколько ласковых слов ей на ухо, и девушка начала таять в его руках. Она вдруг вспомнила того самого Вову, о котором так долго мечтала и по которому скучала.

Ольга развернулась лицом к нему, посмотрела в его глаза и утонула в них. В тот миг Ольга полностью доверилась ему, и он не упустил этой возможности. Они слились в таком нежном и страстном поцелуе, словно две половинки, которые искали друг друга всю жизнь.

Еще с начала жизни на земле, мужчина был создан для женщины, а женщина для мужчины. Это злобный закон природы. Конечно, кто-то и переступает через него. Но это уже совершенно другая история о психологии.

Утро было теплое, несмотря на осень. Ольга проснулась первая, посмотрела на князя, скривила лицо и встала с покрывала.

«Вот, что я опять надела? Но он такой страстный, такой милый. Нет! Это все потому, что он копия Вовы. И не больше. По крайней мере, я должна в это верить. Как ни есть, но он мой враг. Я не должна... Так, можно просто сделать вид, что ничего не было и дело с концом, или стать любовниками по ночам, а потом сказать, что это была физическая разгрузка».

— Эй! Вставай! Нам пора в путь! — Ольга была нага, как и Слава. Но это не помешало ей одеваться, когда Слава уже открыл глаза. Она никогда не стеснялась своего тела.

— Вот зачем вставать так рано, ведь полночи не спали. Ты будешь так долго надо мной издеваться?

— У нас нет лишнего времени, нужно как можно скорей попасть в ту самую деревню. Может, у тебя вся жизнь впереди на развлечения, но у меня очень мало времени. Так что вставай и одевайся. Даю время умыться, пока готовлю завтрак. И никаких отговорок. Если что-то не нравится, тебе еще не поздно вернуться домой в целости и сохранности.

— Тебе что, так не понравилось? Или ты злишься на себя, что не удержалась и поддалась?

— Что?!

— Тебя злят мои правдивые слова! Но зачем теперь уже что-то скрывать и что-то обходить стороной. Давай начистоту.

— Да кто ты такой... — Ольга перевела дух. — Хорошо. Мы с тобой враги. Как бы твой отец ни старался играть роль моего приятеля, но я знаю, что он пытался меня отравить и направить на меня войско. Но вот по каким соображениям ты начал защищать меня, я не могу понять.

— Может, это покажется глупо, но я и вправду поверил, что ты можешь избавить нас от чудища. Поэтому я спасал тебя и настоял быстрее отправиться в путь. Для меня земли прежде всего. Тем более, не стану скрывать, ты мне понравилась. И я прекрасно знаю, что это не чары, как было с Симой, а мой интерес.

— Вот это откровенность. Но у нас нет времени на дурные разговоры. Нам нужно двигаться, пока не начался дождь. А я чувствую, он сегодня будет. Давай, вставай!

Ольга принялась за костер, она также быстро его разожгла. Куча мыслей полезла ей в голову, что даже я не могу их передать. Но девушки поймут такое состояние после хорошей ночи.

Слава быстро встал, оделся и начал умываться, но Ольга его прервала.

— Знаешь, нет ничего особенного в том, что произошло этой ночью. Обычная людская слабость и не более. И не надо теперь каждую удобную минуту напоминать мне об этом. Договорились? Вообще забудь, что между нами что-то было, я не собираюсь сюсюкаться с тобой. Дальше поедем в том же темпе.

— Хорошо, хорошо. А что, я отказываюсь? Я вообще молчу. Это ты первая начинаешь. — Он смотрел на нее своим нежным взглядом, но Ольга отвернулась, чтобы избежать напасти.

После завтрака девушка накормила и запрягла лошадей.

— Давай быстрее. Я же сказала, у нас очень мало времени.

— Все, все! — Он залез на свою лошадь. — В путь. — Сильно зажал бока лошади ногами, и она резко побежала.

В пути Ольга все же вырвалась вперед, напоминая князю, что его лошадь не такая быстрая и выносливая, как ее, и что второй раз не по плану останавливаться нельзя, иначе он пойдет пешком. Вслед за ее лошадью. И снова она вырвалась вперед и ускакала.

Вам кажется, что она очень строга с ним? Но по-другому нельзя. Чем больше она будет с ним играть, тем быстрее добьется желаемого результата, а именно полной информации о планах его отца и его самого.

Когда наступил полдень и солнце начало заходить за тучи, Ольга остановилась. Слава был шагах в сорока от нее.

— Что случилось? По какому поводу остановка? — Крикнул он, еще не успев доехать. Но когда его лошадь встала наравне со Сникерс, он увидел большое озеро.

— Вот озеро, про которое рассказывал Роман. Оно действительно очень большое и преграждает нам путь. Нам придется его переплывать.

— А как же лошади? Я не думаю, что они смогут.

— Я тоже так не думаю. Поэтому они побегут в обход. Я привяжу твою лошадь к моей. Они будут возле воды и их не замучает жажда. Сейчас нужно их покормить. Но нужно сделать все как можно скорей. Тучи очень большие, значит, дождь скоро начнется.

— Я тебе поражаюсь. Какой ум и талант. Ты могла бы стать лучшим советником в нашем государстве. Наш советник стар и давно просится на покой, но пока лучше него никого не было.

— У меня есть более интересные занятия, кроме как быть вашим советником.

— Да, и какие например? Убивать и грабить — достойные занятия?

— Этим я как раз не занимаюсь. У меня тоже есть дом и семья. И, закончив дело, я надеюсь вернуться к ним.

— Так у тебя есть муж?

— Нет. Мать и друзья. Учитель. К кому-то из них я точно вернусь.

— А почему нет мужа?

— Он мне не нужен. Все, хватит разговоров, пора за дело. — Ольга кинула ему сумку с овсом. — Дай ей семь жменей и не меньше. Иначе она не выдержит длительного забега.

Ольга подошла к Сникерс. Слава занялся делом. Так неуверенно и с опаской, что лошадь испугалась сама себя. Но все равно стала есть. Девушка достала овес для Сникерс и пока лошадь ела, колдунья гладила ее по гриве, заряжая энергией.

— Послушай. Сейчас я привяжу к тебе эту лошадь и вы побежите вокруг озера. Запомни, никуда не сворачивай, ни при каких обстоятельствах. У тебя на боку будет немного овса на всякий случай. Не бойтесь дождя. Сник, я на тебя надеюсь, не подведи. Никто и ни что вас не тронет по пути. Бегите, пока не увидите деревню, там я вас встречу. — Лошадь посмотрела на хозяйку недовольным взглядом. — Когда я вас встречу, обещаю лучшего корма, что будет в деревне, и вычешу тебя, как княгиню.

Ольга взглянула на Славу, он тоже погладил свою лошадь и подошел в Ольге.

— Все. Я готов.

— Хорошо. Давай поводья, я привяжу их.

— Как ты себе представляешь, пускать их одних в дождь, веря, что они прискачут.

— Парень, очнись! Я колдунья, и я уверена. А тебе этого должно хватать.

— Я понял, что не прав.

— Вот и все. Сникерс, я верю в тебя. — Ольга еще раз погладила ее и привязала поводья лошадей друг к другу. — Ну, пошли! — Девушка хлопнула лошадей по спинам, и они побежали.

В момент, когда Ольга и Слава смотрели, как убегают их лошади, девушке на нос упала первая капля дождя.

— Вот и началось. Я надеюсь, ты хорошо плаваешь. Под дождь тяжело плыть, он начинает топить.

— Почему мы не можем просто переждать дождь?

— У нас нет еды, деревня за озером. Пока ты будешь ждать, что он кончится, будешь голодать и замерзнешь. Впоследствии войти в озеро будет равноценно смерти. Осенью дожди обычно долгие. Ты, возможно, не замечал этого, сидя у себя в тереме.— Ольга сняла ботинки и привязала их к поясу.

— Что ты делаешь?

— Они очень мешают плыть, а потерять обувь не лучшее приключение осенью. Тебе тоже советую так сделать. Если, конечно, ты не хочешь утонуть.

Слава не стал спорить, тут же снял обувь и привязал ее к поясу.

— Теперь надо закрепить самое главное, знаешь, я думала, ты не догадаешься отдать лошади меч, а поплывешь вместе с ним. Тогда бы я посмеялась.

— Вот видишь, я не такой глупый, как ты думала.

Дождь стал сильнее, теперь уже не было мелких капель, он шел почти сплошной стеной. Они уже полностью промокли, поэтому было не так холодно заходить в озеро.

— Ну что, пошли! — Ольга улыбнулась юноше и подошла к озеру. Когда она вошла уже по колени в воду, он по-прежнему стоял на берегу и смотрел. — Ты что, испугался? Обратного пути нет! — Оля пыталась перекричать дождь, который становился все сильнее.

Девушка стала заходить все дальше, пока вода не стала ей на уровне с грудью. Вода от дождя стекала у нее по лицу, она почти не видела Славу. Ноги начинало сносить от сильного нижнего течения. Пора было начинать плыть, но она не могла без Славы.

— Слава, где ты? — прокричала Ольга во весь голос.

Через несколько секунд она увидела его, медленно идущего к ней. Сердце ее немного успокоилось.

— Почему ты медлил? — спросила она, когда он подошел к ней.

— Я собирался с силами.

— Пошли!

Ольга схватила его за руку и толкнула в воду. Слава начал плыть, и девушка поплыла за ним.

«Я должна его подстраховать. Иначе он утонет, а мне это ни к чему».

Плыть было очень сложно. Дождь бил по голове, через воду по ногам, но надо было плыть. Они отплыли от берега на большое расстояние и пути назад уже не было. Вода озера била в рот и нос, дождь не давал видеть, куда плыть. Ольга еле могла разглядеть Славу впереди. Дна под ногами можно было не искать. Озеро было очень глубокое, ветер и течение постоянно пытались сбить с пути и утопить. Но сдаваться нельзя, плыть и только! Хотя все силы отдать и не думать о дальнейшем, но плыть. Не сдаваться.

Ольга пыталась плыть быстрее, чтобы увидеть князя, которого совсем потеряла из виду, но сделать это не удавалось.

Где-то сквозь дождь и ветер пронесся крик. Девушка поняла, что это крик Славы.

— Амбрасса! — Большой ступок энергии вылетел из Ольги, когда она всеми силами постаралась поднять руки вверх и оставаться на плаву.

Ступок вылетев, на несколько секунд убрал стену дождя перед ней, и она смогла увидеть юношу. Он еле плыл, справляясь с потоками дождя. Вода безжалостно забивалась в его рот. Он начинал захлебываться.

— Слава! Держись!

И стена дождя опустила вновь, но Ольга запомнила, где он.

— Ляг на воду!

— Что? — Тут же схватил порцию воду в рот.

— Делай, как говорю. Не бойся дождя!

Юноша раздвинул ноги и руки. Смог лечь на воду, хоть это и было сложно. Дождь был его по всему телу, но стало легче, лежа в форме звезды. Он мог держаться на плаву и не прикладывать особых усилий. Ольга схватила его за привязанные ботинки, и из-за пояса что-то выпало. Девушка не обратила внимания, она начала тянуть Славу и плыть с ним.

— Что ты делаешь?

— Скоро поднимется уровень воды и нам будет сложно найти берег, мы где-то на середине сейчас.

— Я могу плыть сам!

— Плыви, но только рядом! Мне еще твоей смерти не хватало!

Может, дождь стал уменьшаться, может, им стало легче, когда они плыли очень близко друг к другу. Иногда их ноги слегка сталкивались, но это не мешало им плыть. Они стали уверены в себе. Кажется, и дождь стал не так сильно мешать, а течение уменьшилось. А может, когда спасаешь жизнь, зарождается любовь. Тем не менее, может, им хорошо плыть вместе, но шторм есть шторм, хоть они и без корабля.

Ольга следила за Славой. Но тут ее тело начало отказывать, ноги сводить судорога. Девушка совершенно не ожидала этого. Она начала кричать и захлебываться водой. Ноги просто не хотели шевелиться, и руки стали следовать их примеру. Колдунья стала погружаться под воду.

— Слава, помоги! — Это были последние слова, что Ольга смогла произнести, прежде чем ее голова оказалось полностью под водой.

— Оля, где ты? Оля!!! — Слава огляделся, но не смог ее найти. Девушка все глубже погружалась под воду. Колдунья решила, что для нее все кончено. Но тут к ногам вернулась чувствительность, и она ощутила дно. Это означало, что они почти доплыли до берега, но Ольга не могла понять, что с ней происходит. Воздух в легких кончался, и она начала терять сознание. Перед ее глазами появился дух озера. В этих местах это была редкость, такие духи обитали только в самых древних озерах. Колдунья увидела его страшную улыбку и все поняла. Он тащил ее на дно. Чтобы она, сильная ведьма, погибла здесь и стала таким же духом как он. Ведь им скучно существовать одним в этих озерах. Глаза закрылись. Последний воздух вышел и тело расслабилось.

— Эй! Очнись! Очнись же! Сколько можно? Ольга, прошу, очнись! Я не могу тебя потерять, очнись! — Юноша бил Ольгу по груди на берегу озера. — Как я доберусь домой? Оля очнись, я не могу тебя потерять, ты стала мне дорога!

На последней фразе сознание девушки включилось. Вода хлынула из ее рта. Она начала откашливаться, Слава мгновенно отскочил от нее. Ольга

села и пыталась откашляться. Дождь еще шел, но меньше. Они сидели под огромным дубом. Его листья почти не давали просочиться каплям. Ольга осмотрела вокруг и остановила свой взгляд на князе.

— Как? Ты вытащил меня? Я чуть не умерла. — Она не знала, как реагировать на произошедшее.

— Теперь мы квиты. Ты спасла мне жизнь, а я тебе. Если конечно не брать в расчет, что ты нас потащила на смерть. Дождь стал меньше, думаю, еще немного и он совсем прекратится. Но тебе надо было полезть в разгар ливня.

— Спасибо! Я не ожидала от тебя! Спасибо, я потом все объясню.

— Никаких потом! Я чуть не погиб, рисковал жизнью ради тебя, тебе придется все рассказать!

— Может, сначала попробуем развести костер, погреемся, поговорим!

— Ольга улыбнулась.

Легкий флирт всегда спасает девушек из непростых ситуаций.

— Хорошо! Знаешь, я уже начинаю привыкать к тому, что ты колдунья. Удобно, — в этот момент Ольга сорвала несколько веток с дерева, разложила их в форме звезды. Колдунья проделала свой фокус с шариком и у них появился огонь. Она закинула несколько рядом валявшихся сухих бревен и стала снимать мокрую одежду. Слава сначала сидел и смотрел на нее, можно даже сказать, любовался, а потом стал следовать ее примеру. И вот, у нас картина: Русь. Осень. Идет дождь. Пара сидит под дубом, можно сказать, в одном белье, и мило беседует.

«Может, просто переспать с ним и он перестанет приставать со своими вопросами. Хотя, я думаю, это ненадолго, нам еще много предстоит пройти. Хотя, тогда он будет больше мне доверять. Как же мне не хватает учителя. Он всегда помогал найти ответы на мои вопросы», — Ольга посмотрела на юношу, он тоже о чем-то думал.

«Что же она могла услышать из того, что я говорил, пока она лежала без сознания? Теперь я выгляжу, как полный дурак. Хотя, я спас ей жизнь, и она это оценила. Она мне нравится, а я привык добиваться того, чего хочу. Одна ночь ничего не значит».

Девушка пристально посмотрела на него, и он оторвался от своего размышления.

— Холодно, даже костер не согревает. — Ольга вся съежилась, но холодно ей не было.

— Это просто земля мокрая, поэтому кажется еще холоднее, нам нельзя здесь долго сидеть.

— Да, но нам нужно немного поспать. К тому моменту наша одежда просохнет и можно будет направиться в деревню. Я очень устала.

— У меня есть предложение. Так как я тоже сильно устал, иди ко мне, — после этой фразы пропал какой-то барьер между ними, он протянул ей руки, и девушка прилегла к нему. Они обнялись и тихо уснули.

Этого не могу объяснить. В его глазах Ольга увидела что-то родное, милое. И просто доверилась ему. Он сам не понял, почему сделал именно этот жест. Но они не стали лезть друг к другу. Играть. Все это ушло и они стали единым целым. И ничто больше не тревожило, ни дождь, ни холод, никакая вражда.

Приятный сон в объятиях друг друга — все, что было им нужно. Что все это значило, никто из них не задумался. Они уснули так быстро, будто кто-то усыпил их заклинанием.

Что-то село Славе на нос. Он зашевелился, и Ольга проснулась. Она тут же встала и отошла от него. Будто и не было никогда родственной связи. Все вернулось на свои места. Но Слава больше не хотел глупых игр. Он почувствовал то, что никогда ни с кем не испытывал, и ему это нравилось. Чувство, когда какого-то определенного человека не хочется отпускать ни на миг.

«Оля, что-то с тобой не то происходит. Чувства начинают захватывать твой разум, это совсем не хорошо. Нет уж. Дело прежде всего».

— Оля, что-то случилось?

— Нет. Нам нужно одеваться и продолжить путь. Смотри, дождь кончился. — Ольга за минуту оделась и выскочила из-под дуба. Слава даже не успел сказать ни слова. Но она его сильно обидела. Девушка бежала сама от себя, от своих чувств. Хотя сама прекрасно понимала, что это бесполезно.

«Оленька, нельзя тебе сейчас голову никем забивать. Хоть так хорошо с ним. Как дома себя чувствуешь... как с Димой. Нет. Дело и только». — Она встряхнула головой, поправила волосы и сделала каменное лицо. Никаких ответов и знаков симпатии для него.

— Давай быстрее. Нам надо поспешить. Пока наших лошадей кто-нибудь не забрал себе. Я уверена, они будут там очень скоро.

— Что?

— Не важно. Пошли. — Ольга побежала вперед, не дожидаясь, пока юноша оденется. Слава не мог понять, что происходит, но побежал за девушкой, на ходу одеваясь.

— Быстрее! Догоняй, а то ползешь, как маленький. Неужели не хочешь есть? Я вот очень. — Несмотря на веселость содержания фразы, голос ее был суров и жесток.

Душевная борьба — это самое тяжелое переживание для человека, и, несмотря на то, что Ольга была колдуньей, ее не спасали и никогда не спасут колдовские чары от простых человеческих чувств.

— Вот и деревня! Я чувствую, они где-то рядом. Но не могу понять где. Поторапливайся. — Из-за холма стал виден дым. Это означало, что деревня совсем близко. Ольга по-прежнему шла впереди. Слава ничего не хотел говорить ей в ответ. Его мучили мысли и чувства. Он ничего не мог понять.

«Она явно что-то скрывает. И что-то очень важное. По крайней мере для нее. И я должен узнать что. Как я мог захлебнуться в ее объятиях и забыть о деле. Я не могу подставить отца. Все-таки она колдунья, она появляется и исчезает, а отец — моя кровь, мой родитель!»

Но юноше уже ничто не могло помочь. Чувства захватывали его полностью. Откуда я знаю? Ольга смогла прочесть его мысли. Как раз последнюю фразу. А если смогла, значит, он полностью доверился ей, и его защиты больше не помеха.

«Ничего не понимаю, это что выходит? По крайней мере, теперь я могу читать его мысли, а это в корне меняет дело». — Они подходили все ближе и ближе к деревне. Но Ольга так и не смогла прочувствовать Сникерс, и это сильно ее насторожило.

— Слава! — Девушка быстро повернулась к нему. Он сразу же остановился и напрягся. — Ты нигде их не видишь?
— А? — Он стал сильно волноваться. — Кого?
— Как это кого? наших лошадей! А ты хотел еще кого-нибудь увидеть? Может, хочешь что-нибудь рассказать?
Ольга стала сильно давить на него. Но Слава не растерялся, а наоборот, расслабился. И кинул мерзкий взгляд на Ольгу, и она моментально потеряла связь с ним. Его мысли опять заблокировались для нее.

Глава 9

ОТ ЛЮБВИ НЕ УБЕЖИШЬ, И ЕЕ НЕ ВЕРНЕШЬ

Вход в деревню. Ольга шла впереди, Слава сзади. Она сильно волновалась, он о чем-то думал. Ни слова между собой. Можно ли назвать это отношениями? Или обычная запретная любовь? Кто-нибудь что-нибудь понимает? Тогда объясните мне, я немного запуталась.

— Нам нужно разделиться. Ты останешься в деревне, найдешь, где поесть, и прочее, а я пойду на поиски. Они должны были быть уже здесь. Но, я их не чувствую. — Ольга не могла смотреть юноше в глаза, и он это заметил.

— Нет. Ты хочешь меня бросить, найти лошадей и отправиться на поиски чудуша, оставив меня здесь. Нет, я с тобой везде и всюду.

— А по нужде ты тоже со мной пойдешь? — Сердца их успокоились. Они стояли посередине деревни и разговаривали, пока мимо проходили люди и не сводили с них глаз.

— Ольга, я надеюсь, ты понимаешь, что я не отойду от тебя ни на шаг, пока ты мне не объяснишь, зачем такая спешка, что нам пришлось рисковать жизнями.

— Хорошо, идем, только быстрее. Люди в этой деревне как-то подозрительно на нас смотрят. Мы им не нравимся, и в этом что-то есть.

— Я могу сказать, кто я, и дело с концом.

— Нет, не стоит. Можно так же сказать, кто я. Думаю, до этой деревни слух о моей смерти еще не дошел и они с радостью захотят отрезать мне голову, а я сейчас почти пуста. — Ольга по-прежнему шутила, хотя не отрывала глаз от людей, которые проходили мимо, обходя их стороной.

— Все, хватит здесь стоять. Пошли. — Князь сам схватил Ольгу за руку и повел прочь из деревни. Местные люди еще долго смотрели им вслед.

— Скажи, почему они нас так приняли? Ты еще хочешь там ночевать?
— Князь стал зевать. Ольга его прекрасно понимала, даже не смотря на сон возле дерева, они сильно утомились. — А ты хотела меня там одного оставить. Точно моей смерти хочешь. — Ни капли строгости не прозвучало в это фразе, он сказал в шутку и Ольга улыбнулась.

— Хватит молоть чушь. Давай найдем этих чертовых лошадей. Вот я Сникерсу задам, если они просто где-то задержались, наевшись травы.

Как только они вышли на поляну, Ольга остановилась и села на траву. Начало смеркаться.

— Что ты собираешься делать?

— Я хочу ощутить их. Отойди, а то твои чувства мне мешают. — Она закрыла глаза и начала энергетически связываться с силой земли.

Юноша сделал несколько шагов в сторону и смотрел на нее. Девушка его оскорбила. Он стоял весь красный, стараясь согнать краску с лица, чтобы она не заметила.

«Что она хотела этим сказать? Это такая новая шутка? Она все чувствует. Наверное, еле сдерживает смех надо мной. Вот и хотела меня оставить, чтобы вдоволь посмеяться. О, что же я наделал!»

Ольга поймала канал мыслей Сникерс. Колдунья начала звать ее, но лошадь издавала лишь непонятные звуки.

«Сникерс, ты в беде?» — «Прф» — «Где ты?» — «Игага» — «В деревне?» — «Прф» — «Я прошу тебя, держи канал, и я найду тебя по нему». Ольга резко встала, Слава не ожидал этого и вскрикнул.

— Быстрее, они в беде, у нас немного времени, пока Сникерс сможет держать канал!

— Чего?

— Беги за мной!!! — Ольга как всегда рванула вперед.

Они забежали в деревню. Ольга бежала через какие-то кусты, прыгала через лотки. Слава не мог понять, почему она двигается так странно, но и спрашивать не стал.

Людей на улице стало меньше, потому что солнце уже село. Но те, кого они встречали на пути, пугались бегущую пару как огня.

Ольга побежала еще быстрее. Ноги начинали гудеть, но она понимала, что сдаваться еще слишком рано. Если лошади в опасности, то, несомненно, предстоит драка, а Слава даже не понимал, что происходит.

Канал становился все тусклее, колдунья пыталась посмотреть наперед его и увидела, что он ведет к одной из хат. Довольно старой, на первый взгляд ничего не представляющей из себя. Но Ольга даже не стала вникать в детали.

— Стой! — Девушка остановила Славу рукой, чуть не сбив его с ног. — Они здесь. Прошу тебя, будь осторожен. Скорей всего нам придется драться. Так что сосредоточь свои силы, а лучше не лезь никуда, я сама справлюсь.

— Не надо геройства. Я с тобой до конца и уже говорил об этом. Так что, если биться, то вместе.

— Хорошо. Пошли.

Ольга вынесла дверь в хату ногой, но там никого не было.

— Сникерс!

— Игрф! — Звук донесся со двора и сразу же послышались шаги в доме.

— АААААААААА! — Мужик лет сорока понесся сломя голову с мечом на них. Ольга моментально достала кинжалы и оттолкнула Славу от удара.

Меч со свистом пронесся над головой девушки, девушка не успела отбить удар, но успела увернуться.

— Да что же ты делаешь? — Слава был в ярости.

— Вставай, беги во двор!

В тот же момент мужик опять понесся на девушку. Ольга встала в боевую стойку. Слава быстро побежал во двор. Меч опять оказался над головой колдуньи, но она уже защищалась кинжалами. Рукояткой кинжала ударила мужика в живот, затем удар ногой в голову. Мужик сделал несколько шагов назад и упал. Меч его отлетел на полметра. Ольга медленно подошла к нему.

- Не убивай. Здесь нечего брать. Помилуй.
- Где лошадь? – Ольга наступила ему на руку.
- Лошадь, так она твоя?
- А! Ольга! – Слава явно с кем-то дрался и, по звукам, проигрывал.
- Где лошадь? – Она сильнее надавила на руку.
- Во дворе.

Ольга ударила мужика рукояткой кинжала по виску. Он отключился и девушка быстро выбежала во двор.

Слава сражался с тремя такими же, как в доме, мужиками.

– Мужики, берегись! – Ольга налетела, как ветер, и с прыжка сбила одного с ног, второго убрала ударом по голове ногой. Третий стоял как вкопанный и смотрел на нее. Но тут Слава не растерялся и вырубил его.

– Спасибо!

– Все благодарности потом, сейчас нужно найти Сникерс. – Ольга перевела дух. – Сникерс!

– Прфф! – это послышалось где-то из-за угла дома. Ольга сразу помчалась туда, пока Слава еще немного очухивался.

– О, черти! – Картина, ожидавшая Ольгу за углом, поразила ее.

Сникерс стояла привязанная к дереву, рядом с ней стоял пень. На пне лежала голова лошади князя, рядом валялось ее тело. Лужа крови, мухи и жуткий запах.

– Теперь все будет хорошо. Я пришла. – Девушка обняла Сникерс.

– Надо быстрее отсюда сваливать. Они могут очнуться в любой момент.

– Князь заметил, что здесь произошло. – О, боги. Это что?

– Мне сразу показалось странно, что в деревне нет ни одной лошади. В этой деревне поедают все, что попадает сюда в гости. Лошади, люди и прочее. Нам нужно как можно более незаметно уйти из деревни, пока остальные жители не решили проверить, как их ужин.

– Как ты это представляешь?

Сникерс посмотрела на Ольгу точно с таким же выражением лица как князь.

– Придется вдвоем на одной лошади. Других выходов нет. – Ольга посмотрела на лошадь. – Сник, я понимаю, что ты не любишь мужчин. Но, пожалуйста, ради моей жизни, потерпи немного. – Девушка отвязала лошадь от дерева.

– Только я спереди, давай залезай, – на этих словах она, можно сказать, элегантно залезла на лошадь.

– Хорошо!

Когда юноша залез на Сникерс, Ольга сама взяла его руки, чтобы он обхватил ее талию. Он был не против, девушка лягнула лошадь.

– Давай, милая! Скачи как можно быстрее, или мы сегодня будем ужином для этой деревни.

Сникерс посмотрела на труп своей подруги, повела мордой, и поняла, что не хочет так же валяться здесь. В это время мужики начали очухиваться.

Сникерс резко рванула, но один мясник уже встал и преградил им путь, но лошадь была настойчивей и встала на дыбы, и он отпрыгнул. Прием был великолепный. Но князю он не понравился. Он чуть не упал, сжал живот Ольги настолько сильно, что она пискнула.

— Не надо так делать, а то мой голодный желудок вылезет обратно.

Они выскочили со двора и поскакали по темным дорожкам ужасной деревни. В один момент во всех домах зажглись огни, и люди повыскакивали на дорогу. Ольга пыталась направлять Сникерс как можно осторожнее, чтобы не задавить никого, но люди сами кидались под копыта.

На дорогу выбежала маленькая девочка лет семи с факелом в руке. Она была столь худа, что можно было увидеть каждую косточку в ее теле. Непонятно, как она только держалась на ногах. Девочка прыгнула под копыта.

— Сникерс, стой! Это же ребенок!

— Что ты делаешь?

Лошадь остановилась, люди подбегали все ближе. Один начал стягивать Славу за ногу. Девочка кинула свой горящий факел под лошадь. Сникерс заржала.

— Еда! — У ребенка заблестели глаза, будто она больше ни о чем не могла думать. — Иди ко мне, я тебя пожарю.

— Прости меня. — Ольга посмотрела на ребенка и кинула в нее энергетический шар. Та отлетела в сторону, Слава освободился от рук и Сникерс рванула вперед.

Люди уже не могли догнать их, лишь кидали в них камни и факелы. Ольга собрала все свои силы и накрыла Сникерс и князя энергетическим щитом. В глазах потемнело, голова закружилась. Девушка не могла понять, что происходит, но чувства были до боли знакомы. В тот момент все перед ее глазами исчезло, и она увидела Диму. Он стоял к ней спиной очень близко, но она не могла пошевелиться.

— Дима?

— Я люблю тебя, киса.

— Оля. Очнись!

— Дима?

— Нет. Это Слава! — Он стоял на коленях перед ней. Сникерс лежала на траве и спала. Уже наступило утро.

Ольга открыла глаза, увидев Славу, немного испугалась, но пришла в себя. Затылок болел, тело плохо слушалось. Девушка приподнялась на одном локте и схватилась за голову.

— Что произошло? — И тут же она заметила, что ее голос изменился. Так странно хрипел, будто она проснулась после жуткой пьянки.

— Я сам не знаю. Сначала я почувствовал тепло от тебя, но потом твое тело обмякло, и ты чуть не свалилась с лошади, но я тебя удержал. — Он сказал это с большой гордостью.

— Где мы?

— Вопрос на сто гривен. Где мы? Если бы я знал. Мы скакали всю ночь от той деревни. Точнее, Сникерс скакала. Я так, пассажир.

— Отлично. У нас нет еды, я дико хочу есть, и мы сбились с пути.

— По моему мнению, мы давно сбились с пути. Иначе Роман предупредил бы нас о каннибальской деревне. Если не сказал, значит, он в ней не был. Это могла быть не та деревня.

— Не может быть. А может, он специально не сказал.

— Зачем это ему делать?

— Подумай, может, он что-то будет иметь с твоей смерти.

— Ничего в голову не приходит. А как он сам мог выбраться из этой деревни, ведь, насколько я знаю, он плох в боях.

— Ну, если, как ты говоришь, это не та деревня, то я точно знаю, что было то самое озеро. Значит, рядом с озером должна быть еще одна деревня, но это невозможно. Ведь они бы тогда съели друг друга.

— Я никакой другой деревни по дороге не видел.

— Вот и думай, что Роман хотел этим сказать или сделать. — Ольга встала на ноги.

— Что нам дальше делать? — Слава был весь измучен. Он сильно устал, потому что не спал всю ночь.

— Я предлагаю тебе немного поспать, а я пока разведваю здесь местность. Может, найду что-нибудь поесть или попить.

— Тебя одну отпускать опасно. С тобой что-то происходит. Ты периодически теряешь сознание. Нет, я пойду с тобой.

— Тебе надо хоть немного поспать. Иначе из тебя никакой помощник.

— Я сам разберусь, что и когда мне делать.

— Не вынуждай меня на грубые меры.

— Что? — Ольга быстро подошла к нему и стукнула его по горлу. Юноша сразу же уснул.

— Люди такие наивные. Колдунья кроме магии должна знать еще несколько приемов.

Вдруг Сникерс подняла голову и удивленно посмотрела на хозяйку.

— Что ты на меня так смотришь? Я сама не знаю, что со мной произошло. Но теперь все в порядке. Отдыхай, а я и тебе постараюсь найти еду.

Лошадь вновь опустила голову и уснула.

Перед Ольгой открылся лес, в центре которого они были на полянке. Девушка пошла по направлению ветра в надежде найти заячью нору или ручей.

Но даже еда и вода ее беспокоили меньше, чем ее странное видение.

«Что это было? Я видела Диму. Точно. Моего Диму. И он ... он сказал, что любит меня. Киса... так только он меня всегда называл. Мой Дима. Зачем? Неужели это злая шутка разума? Или какой-то знак от учителя, как найти выход домой. Я ничего не понимаю. Слава... нет... как же мне не хватает моего учителя. Он всегда может помочь. Как только восстанавливаю больше сил, свяжусь с ним».

Ольга зашла глубже в лес, полностью поглощенная мыслями.

Пока воин идет по лесу и слышит птиц, он не чувствует опасности. Птицы всегда улетают от опасности.

Девушка все больше погрузилась в мысли о Диме, и из ее глаз покапали слезы.

«Дима. Сколько лет прошло, сколько новых чувств, но я так и не могу забыть тебя. Правду говорили, что если истинная любовь, то навсегда. И стоит ли возвращаться туда, где мне все будет напоминать о том, что больше никогда не вернется. А... а вдруг я вернусь, а ты будешь жив? Может, я все-таки не зря читала заклинание, и ты ждешь меня там. По-прежнему любишь, как я тебя здесь? Люблю? Да. В Славу я влюблена... нет! Черт, я не могу этого признать. Но ведь это не считается изменой. Не должна же я всю жизнь быть одна. А вдруг Дима воскрес. И там, в моем времени,

уже давно женился и живет счастливо. Ведь было бы счастье со мной? Этот клан и вечные войны, разборки. Нет. Главное, что мы вместе, так он всегда говорил. Мне бы только узнать, что с ним, воскрес ли? И я бы сразу нашла путь домой. Мне было бы все равно, какими путями, хоть изменить историю и перерезать тут всех. Изменить? А может, я уже что-то изменила. Может, где-то убила предка Димы, и он вообще не родился. О, голова пухнет».

И как только Ольга пыталась избавиться от мыслей, она почувствовала запах дыма. Запах настоящей русской печи. Этот запах ни с одним в мире не перепутаешь.

Посередине леса, на небольшой полянке стоял одинокий лесничий домик. Девушка направилась напрямик к нему.

Дом наполовину был покрыт мхом. Но, видно, жителям его это не мешало. Подходя ближе к дому, Ольга почувствовала запах жареного мяса. Живот забурчал и засосало под ложечкой.

Дверь была наполовину скошена. Ольга аккуратно подошла к домику и постучала в дверцу.

В домике кто-то зашевелился и дверь отворилась.

Перед Ольгой появилась женщина лет пятидесяти, волосы ее были седые, тело довольно худо. На ее лице сияла улыбка, но руки она держала за спиной, и это насторожило Олю.

— А? кто вы? — Голос ее был очень приятен для слуха, казалось, что своим милым видом она манила стать ее лучшей подружкой и остаться жить с ней. Здесь, в маленьком домике, подальше от всех.

— Здравствуйте, я заблудилась в лесу и наткнулась на ваш домик. Не подскажете, как выйти до ближайшей деревни. И тут же Ольга вспомнила про ту деревню, откуда они бежали.

«Может, она тоже оттуда, покинула деревню и поедает блуждающих по лесу странников? Поэтому такая гостеприимная».

— Почему каждый пытается спросить у меня? Будто у меня на доме так и написано. Если что-то хочешь знать, зайди и спроси. — Милая улыбка сползла с ее лица и глаза наполнились яростью. — Все, кто не пройдет тут, обязательно зайдут. Потревожат меня. Я очень зла. — В этот момент она вытащила руку из-за спины. В ней был энергетический шар, который она тут же бросила в Ольгу. Но он лишь испарился перед ней.

На колдунье было слишком много защит, чтобы обычный энергетический шар, приготовленный для обычного человека, подействовал на нее.

— Так ты тоже колдунья? Тогда милости прошу в мой скромный дом. — Она отошла от прохода и Ольга молча зашла в комнату.

— Меня зовут Ольга. Я немного заблудилась и очень хочу есть. Простите за наглость.

— О, ничего. Я рада принимать у себя в гостях колдунью, да еще и такую молодую. Я Мария. У меня как раз кролик почти готов. Ты уж прости, что я так грубо встретила. Ко мне все время кто-то заходит. И недели не проходит, чтоб одной пожить.

— А почему вы здесь живете?

— Мне так надоели эти люди. Скажи, подскажи, предскажи и прочее. Да еще с этим чудищем меня достали. Вот я и ушла от них в тишину и покой.

Мне жить-то осталось лет сорок. Так они все помереть успеют. А пока мне здесь очень хорошо. — Женщина достала из печи казанок. Запах стал еще сильнее.

— О, какой аромат! — Ольга изумилась.

— А ты какими судьбами здесь? — Мария положила девушке кроличьи лапки в тарелку.

— А я как раз хочу найти это чудище и убить. — Ольга начала говорить и дико посмотрела на еду. Пока колдунья ела, она забыла про все на свете, и про Диму и про Славу.

Ольга доела. Мария налила ей восхитительного кваса.

— Все просто изумительно! Спасибо вам большое!

— А теперь рассказывай, зачем тебе понадобилось искать чудище? Что, жить надоело?

— Нет. У меня договор с князем, если я убью чудище, он оправдает мою честь и снимет все обвинения.

— Так ты и есть колдунья, про которую ходит так много слухов. Я хоть в лесу живу, но слышала о твоих убийствах.

— Это я. Но я почти никого не убивала...

— А я почти не живу в лесу. Знаю я такие истории, но для меня это не важно.

— Мария, вы можете мне подсказать, где обитает это чудище?

— Да, но не стану.

— Почему?

— Мне жаль тебя, я вижу, что ты хорошая колдунья, а на смерть собираешься идти.

— Вы думаете, что у меня нет шансов на победу и я умру?

— Потому что еще никто не смог с ним справиться. А ты сможешь? Не думаю. Хотя, может, ты на что-то и способна.

— Ну, знаете ли, это мое дело, идти на смерть или нет. Я прошу вас, расскажите, как мне найти его!

— С характером. Хорошо, расскажу тебе, как добраться до моей деревни, а дальше сама сообразишь. Точнее, я дам тебе свою собаку, она тебя проводит. Она у меня умная, за продуктами бегаёт, если что надо, и обратно.

— Это будет чудесно! Я вам вовек не забуду, если буду возвращаться обратно, обязательно к вам заеду и привезу что-нибудь.

— Будет тебе, пойдём за собачкой.

И тут Ольга вспомнила о Славе. Что он по-прежнему на поляне сидит голодный и ждёт ее.

— Мария, знаете, я ведь не одна иду к чудищу... Со мной сын князя.

— А он-то, что с тобой делает? Этот точно на смерть идет!

— Да. Вот я и нянчусь с ним. Но, вы понимаете, я оставила его недалеко отсюда на поляне, и ушла на поиски еды. А встретив вас, забыла про все на свете. Не могли бы вы дать мне немного кролика с собой?

— Для этого человечешки?! Эх, только ради тебя. — Они зашли за дом. На земле лежала большая собака, мирно посапывая. Породой она больше походила на овчарку.

— Коддун, вставай! Для тебя есть работка! — Пес открыл один глаз и лениво посмотрел на хозяйку. Зевнул и все-таки встал.

- Вы назвали пса Колдун?
- А почему бы и нет? Когда приходят недоброжелатели или просто надоедливые люди, я кричу: «Помоги Дый, обернись псом и загрызи их!» И выбегает вот это! Людям становится страшно, и обычно они сразу сбегают.
- Да, забавно.
- Колдун, ты пойдешь вот с ней до ее приятеля, а потом отведешь их в деревню. Заодно еду принесешь. Все понял?
- Гав, гав!
- Ну, вот и молодец. Я пока упакую тебе еду с собой, а вы тут познакомьтесь. — Мария ушла в дом.
- Ну, Колдун. Меня зовут Ольга. Ты правда мне поможешь?
- Гав. Гав.
- Вот и славно.
- Все готово. Давайте в путь. — Мария уже вышла с большим пакетом.
- Спасибо вам большое. Я даже не знаю, что бы делала, не встретить вас.
- Ольга очень низко поклонилась.
- Это судьба, детка. Вот, что будет дальше...
- Что вы имеете в виду? Вы что-то знаете о моем будущем?
- Вот скажи, может ли будущее быть прошлым? А настоящее нереальным? Спасти себя и любимого лишь любовью? И не видеть желаемого выхода под носом?
- Что?
- Гав... — Колдун быстро побежал в сторону, с которой пришла Ольга.
- Беги за ним. Иначе потеряешь его. — Ведьма нахально улыбалась.
- Подождите, вы что-то знаете, скажите мне, прошу вас, что все это значит? — Девушка смотрела то на ведьму, то на пса, который почти исчез из виду.
- Не успеешь. Беги! А там сама все поймешь. — И Ольга, поняв, что она ей ничего не скажет, побежала за собакой. — Спасибо вам большое!
- Колдун, подожди меня! — Но пес бежал быстрее ветра, пока домик ведьмы не скрылся из виду. И остановился. Запыхавшаяся Ольга была очень рада остановке.
- Это ты специально, я знаю. Твоя хозяйка что-то про меня знает. А я даже не могу понять, откуда ты знаешь дорогу к моему другу. Все это очень странно. Давай теперь медленнее, зачем бежать?
- Так оно и случилось.
- «Что же ее слова значили? Может ли будущее быть прошлым? А настоящее нереальным? Спасти себя и любимого лишь любовью? И не видеть желаемого выхода под носом? Вот мне опять есть над чем подумать. Будто без нее проблем не хватало. Я даже не составила план, как буду убивать это чудище. Такое ощущение, что и правда иду на смерть. Как же я не спросила Марию, как убить чудище? А может, она знает, как мне попасть в будущее? Хм. Может ли прошлое быть будущим? Мое прошлое в будущем. Может, она это имела в виду? Но откуда она может знать про меня? Надо обязательно зайти к ней, пообщаться, если выживу. Во что я уже мало верю. Может, плюнуть на все это, на чудище, на Славу, на учителя? — Ольга остановилась и бросила взгляд назад.
- У-у-у. — Пес потянул ее за ногу.

— Думаешь. Надо идти только вперед?

— Гав!

— Ладно, пошли. Ты меня уговорил.

И Оля вместе с псом пошла вперед.

— Ольга, слава богам, я думал, ты уже никогда не вернешься. Да и Сникерс, похоже, тоже начала так думать. А это что за собака? — Слава увидел девушку и сразу подбежал к ней.

— Все нормально. Я принесла тебе поесть. Сначала поешь, а потом я тебе все расскажу.

— Гав! Гав! — Колдун подбежал к Сникерс и начал тщательно ее обнюхивать.

— Игр!

— Так, ребята, успокойтесь. Советую познакомиться и подружиться.

Ольга достала из сумки мясо, и Слава набросился на него без вопросов, смакуя каждый кусочек, и ни на что больше не обращая внимание.

— Как вкусно. Но откуда? — сказал он, когда обглаживал все кости.

— Не поверишь. Я встретила в лесу ведьму, которая угостила меня мясом. А это ее пес, его зовут Колдун.

— Ведьма дала мяса? — Слава чуть не поперхнулся. — Это колдун-перевертыш?

— Нет. У него просто такая кличка. Хотя в том, что он обычный пес, я сомневаюсь. Он будет нашим проводником до деревни, что вблизи логова чудища.

— Пес будет нашим проводником? Да, с тобой я уже ничему не удивляюсь.

— Вот и правильно. Доел? Тогда в путь, время не ждет. — Ольга взяла Сникерс за поводья и пошла вперед за уже рванувшим псом.

— Стойте! — Слава побежал за ними. — Может, ты мне все-таки расскажешь, к чему такая спешка? Я должен знать, ведь мы сейчас одно целое — команда!

— Одно целое! — Ольга засмеялась. — Ты увязался за мной. И в борьбе с чудищем будешь обузой. Вот это целое. Мне и одной было не плохо.

— Так я для тебя обуза? А кто тебе уже не раз жизнь спасал? Я помочь хочу. И не думай что тебе. Своему княжеству. Вдруг ты не справишься! — Слава был зол, он почти кричал на Ольгу, но она не обращала на это внимание.

«Лучше враг, чем любовник».

— Что ты молчишь? Да ты просто не хочешь признать, что я тебе нравлюсь. Поэтому пытаешься унижить меня.

— Ты мне нравишься? Что за бред? — Ольга покраснела и отвернулась от него. Ведь он был абсолютно прав.

— Да будет тебе. Я довольно хорошо знаю женщин и знаю, что обозначают такие взгляды.

— Ты слишком самоуверен! — Ольга уже не могла себя сдерживать.

— Может, ты и сильная колдунья, но в первую очередь девушка. — Слава повернулся к Ольге и схватил ее за плечи, сильно сжав. Она не стала сопротивляться. — Признайся!

— Да! Ты мне нравишься! — Девушка сорвалась и громко это крикнула.

Один лишь миг. Он целовал ее, все так же сжимая руками. Лошадь и пес поняли, что это надолго и им стоит отойти. Но молодых уже ничего не

волновало. Нежные, поцелуй за поцелуем, отражались на сердце сильной колдуньи. Она таяла. Руки юноши ослабели, но девушка никуда не дернулась. Они все так же целовались. Его руки скользили по ее тонкому телу все ниже и ниже. Вмиг полетела одежда. Девушка склонилась на землю. Агония, страсть! Это любовь? Нет, но многие так обманываются. Он вошел в нее сильно, так как она любила, и тела слились воедино.

В общем, вы сами понимаете, какое будущее, прошлое, в такие моменты!

— Ты лучший!

— Я люблю тебя, Ольга!

— Я тоже тебя люблю, Дима! — Наступила тишина. Разговор шел, пока молодые люди отходили от блаженства страсти.

— Что? — Юноша очухался.

Ольга застыла в одном положении, смотря на Славу. Она не поняла, как это могло случиться. Но так хорошо она не чувствовала себя много лет. И даже с Николой в харчевне это не сравнится. Для девушки ведь очень много значат чувства, ощущения.

— Прости! — Ольга встала, начала одеваться. Слава, по-прежнему лежа, смотрел на нее.

— Кто такой Дима?

— Прости, это не важно. Мне правда хорошо с тобой. Давай больше не скрывать свои чувства. Больше без игр.

— Нет. Я хочу знать, кто такой Дима! А пока ты не скажешь, я отсюда не встану. — Он был в полной ярости. Его раздавили. Только он добился всего, что хотел и Ольга вновь не дала ему успокоиться.

— Это мое очень давнее прошлое. Прощу, пойдем!

— Нет! Сначала объясни! — Слава начал вставать и одеваться.

— Дима, это человек, которого я очень сильно любила, но он умер пять лет назад, вот и все.

— И что, ты его до сих пор любишь?

— Это уже совсем не важно. Он мертв и прошу тебя, не надо трогать мое прошлое. Хорошо?

— Хорошо! — Слава уже оделся. Он подошел к девушке и нежно ее обнял и поцеловал. К ним подошли Сникерс и Колдун.

— Ирг! — Лошадь явно была недовольна.

— Простите нас. Теперь можно в путь!

— Гаав!

Девушка и юноша, лошадь и пес отправились в путь. Колдунья повела Сникерс за поводья, пес все время пытался повеселиться с лошадью. Слава говорил что-то нелепое Ольге.

Через несколько часов пес совсем взбесился и резко побежал вперед.

— Стой! — Слава побежал за ним.

Но пес умел бегать очень быстро. Ольга уже успела это проверить. Она не стала вновь бежать за ним, а запрыгнула на лошадь верхом. Колдунья почти сразу догнала пса, и Сникерс побежала наравне с ним. Где-то сзади бежал Слава.

— Оля, подожди меня! — Но она его даже не услышала. Девушка увидела вдалеке дым от печей.

– Деревня! Но уже начинает темнеть, а значит, что все жители скоро спрячутся. Слава! – Она обернулась, – Сникерс, стой! – Лошадь остановилась и девушка спрыгнула. К ней подбежал сильно запыхавшийся юноша.

– Я – х-х, что случилось? – Он никак не мог отдышаться.

– Там деревня!

– Но зачем было так бежать?

– Скоро стемнеет, и люди спрячутся в домах. Колдун нигде не сможет достать еды для хозяйки до утра, а мы нигде не сможем переночевать... – В глазах потемнело и Ольга упала в обморок.

– О, боги! Что случилось? – Слава начал бить ее по щеке, – Оля, проснись. Сникерс, что случилось? Что с ней?

Но девушка не просыпалась.

Глава 10

БЫВАЕТ, ЧТО СЕМЬЯ ЛЮБВИ ДОРОЖЕ, ПОТОМУ ЧТО РЯДОМ

– Проснись дорогая, уже пора!

Ольга открыла глаза, голова вновь болела. Перед ней стоял мужчина лет пятидесяти и улыбался. Девушка резко попыталась встать, но увидев стоящего рядом Славу, немного успокоилась.

– Что случилось?

– Ты снова упала в обморок. Хорошо, что твой родственник увидел Сникерс и понял, что ты приехала. Почему ты сразу не сказала, что у тебя в этой деревне родственники? Надо же было прикидываться, что ты не знаешь, где эта деревня. Вот почему ты так спешила. На встречу.

– Что? Кто? – Ольга посмотрела недоумевающим взглядом сначала на Славу, потом на мужичка.

– Нет. Нет. Она сама не знала обо мне.

– С чего вы взяли, что я вам родственница? – Девушка ничего не могла понять, но видела что-то знакомое в его лице.

– Я видел тебя во сне. Знал, что ты приедешь. Я знаю о тебе больше, чем ты думаешь. Вот, допустим, что я твой пра-пра-пра-пра, короче, основатель рода Шумовских.

– Шумовских? Вы и правда мой родственник! – Девушка была в изумлении. Глаза ее наполнились слезами.

– Я знаю, что ты пришла из будущего. Я видел в сновидении. Я очень рад тебя видеть. Ты – это доказательство того, что мой род, род Шумовских, будет существовать очень долго.

– Если я вернусь домой...

– Я понимаю, что нехорошо перебивать, но... Ольга, ты из будущего???

Оля вспомнила, что здесь Слава, про которого она совсем забыла. Он смотрел на нее, а она даже не знала, что ему ответить.

– А он не знал? Ты ничего не рассказывала о себе?

– Слава, я все могу объяснить.

– Да, ну, попробуй.

– Я не хотела ничего говорить. Как бы это воспринял?

– Хватит. – Мужичек вскинул руки вверх, – Хлама, всапен.

Шар энергии попал в Славу и он застыл на месте.

— Что вы себе позволяете? Что с ним?

— Я его всего лишь заморозил. Мне нужно с тобой поговорить, а он мешает.

— Хорошо.

— Расскажи мне про будущее.

— Я не имею права, вы это сами прекрасно знаете.

— Да, да. Я всего лишь попытался.

— Как вас зовут?

— Ой, да. Совсем забыл представиться. Виктор. Очень рад познакомиться.

— Расскажите, как вы про меня узнали?

— Почти пять лет назад мне приснился сон. В ночь молний и грома ты появилась в нашем времени. Я долго не мог понять, что значил этот сон, пока несколько месяцев назад ты не приснилась вновь. Уже взрослая, овладевшая мастерством колдовства и навыками борьбы. И что ты путешествуешь. Дальше мне снились еще сны. Я долго гадал, кто ты. В ночь весеннего равноденствия я разложил свои руны, и они рассказали мне все. И когда мне приснился сон, что ты едешь в эту деревню, я переехал сюда и стал ждать. Недели две прошло, и ты здесь. Такая, какой я тебя видел, даже еще красивее. Я увидел заряженную магией лошадь, а потом как ты падаешь. Сразу подбежал к князю и предложил помощь. Он не отказался, и в этом ему очень повезло, мне не пришлось использовать магию.

— Вы живете здесь несколько недель, значит, вы слышали о чуде.

— Да. Здесь есть-то такое, но меня это не интересует.

— Я здесь, чтобы убить его.

— Что? Я слышал, что это точный шаг к смерти. Я тебя не пушу.

— Виктор, вы сможете меня остановить, если только найдете способ вернуть меня домой. Но так тоже меня потеряете.

— Лучше домой, чем на смерть. Но если честно, я не знаю, как тебе попасть домой.

— Значит, я пойду на риск.

— Тогда я пойду с тобой!

— Нет. Если с вами что-то случится, то меня не станет. Вы не думали об этом?

— Я продолжил потомство. У меня уже взрослые дети и есть внуки. Я научил их всему, что знаю. Моя жена умерла, и я с ума схожу от скуки, поэтому и пошел по снам за тобой.

— Значит, вы со мной. Но отговорить вам меня не удастся.

— У тебя уже есть план?

— Честно говоря, нет. Я не успела подумать над этим. Решила, что приду в эту деревню, соберу информацию и составлю план.

— Прекрасно. Ты точно решила умереть. Шумовские, конечно, всегда были отважные, но это самоубийство, а у тебя вся жизнь впереди.

— Моя жизнь в двадцать первом веке, а не в девятом. Мне нечего терять.

— Хорошо. Я помогу тебе. Все-таки нас будет двое, а не ты одна. Давай сейчас я приготовлю тебе вкусного настоя трав для хорошего отдыха, а завтра утром мы все продумаем.

- Для начала нужно разморозить Славу. Пока вы занимаетесь настоящим, я с ним поговорю.
- Ах, да. Я про него совсем забыл. Он так прекрасно смотрится в центре комнаты. Такая красивая статуя. Можно, если тебя убьют, я оставляю его себе?
- Не смешно.
- Все, все! — Он хлопнул три раза в ладоши. — Агам!
- Что произошло? — Слава очнулся и начал метаться по комнате, Виктор вышел. — Оля, я требую объяснений!
- Тебя заморозили. Такое иногда случается.
- Что?
- Слава, прости, что я ничего тебе не рассказывала, просто не было причины, для чего тебе это знать.
- Может, потому что я люблю тебя и не скрываю этого?
- Я тоже тебя люблю! — И тут же у Ольги пронесся голос Виктора в голове: «Агать не хорошо, тем более, о таком».
- Я знаю, — прокричала Ольга вслух, — а вы не подслушивайте!
- Что? — Юноша ничего не понимал.
- Милый, прости. Давай сейчас ляжем спать. Завтра ночью мы скорей всего пойдем на битву с чудищем или послезавтра днем. Поэтому нам нужно заняться делом. А наши отношения потом. Все потом.
- Да. Ты тоже меня прости! — Последовал легкий поцелуй.
- Вот и настой готов, — Виктор вошел в комнату, держа котелок с сильно пахнущей жидкостью, — Слава, вы будете?
- Вы знаете, кто я? — Он посмотрел на Ольгу, которая улыбалась, — да, я уже ничему не удивляюсь. А что за настой?
- На сон хороший.
- Давайте.
- Подъем! Хватит спать! Я уже накормил лошадь и отвел на пастбище, а вам приготовил завтрак. Давно ни для кого не старался. — Виктор вошел в комнату, где еще спали Ольга и Слава.
- Можно нам еще поспать? — Ольга начала кутаться в одеяло.
- Нет, моя дорогая. Сейчас как раз время базара. Значит, все люди повывлазили из домов и самое время у них все разведать. Вставай, а то все проспидишь. Давай быстрее! — И он вышел из комнаты.
- Слава, ты спишь?
- Нет. Я сильно хочу тебя, — он поднял одеяло, подтянул к себе Ольгу и начал нежно ласкать.
- Ух! Нет, нам нужно идти. Все остальное потом.
- Хорошо.
- Они оделись и прошли на кухню. Завтрак был как для чемпионов. Куриное мясо с только что собранными грибами и картофелем.
- Это прекрасно. Это вы так чудесно готовите? А продукты откуда?
- Слава осторожно поинтересовался, боясь, что все, что он ест, всего лишь колдовство.
- Покупаю, или сам собираю. Иногда люди заходят, дарят. Такое тоже бывает. Правда, Оля? — Он подмигнул ей.

— И не такое может случиться. Но иногда это подло. Может у людей это последнее, а они потом даже не помнят, куда дели еду. Поэтому нужно хорошо подбирать жертву.

— Я этим собственно частенько занимаюсь. Все равно мне здесь скучно.

— Знаете, мне говорили, что по ночам слышно, как воеет чудище. Но я ничего не слышала. Вы хоть раз слышали вой? — Слава решил перевести тему.

— Это людям, таким как ты, кажется, что это вой. Нет, это огромные выбросы энергии, как входы и выходы куда-то. Я это точно знаю. И мне кажется, что это не чудище вовсе, а древняя магическая сила, которая просыпается. И неизвестно, хорошая или плохая. Поэтому, Ольга, я не хочу отпускать тебя одну.

— Почему это одну, она пойдет со мной.

— С тобой! Ха-ха-ха! Тебе там точно делать нечего. Если сильнейшие волхвы и колдуны бежали оттуда, то тебе лучше и близко не подходить. Если, конечно, жить хочешь.

— Вы считаете, что я слабак, но я вам...

— Так, все! Прекратили ребячество. Слава, я тоже думаю, что тебе лучше не ехать с нами. Подождешь здесь. Если мы не вернемся, возьми Сникерс и отправишься домой.

— Нет. Я уже говорил, что тебя не брошу, а ты опять за свое.

— Слава! — Они начали кричать друг на друга.

— Нет. Лучше я умру в бою, чем как трус, буду сидеть здесь и ждать вас. Я всю жизнь так делал с отцом. Но теперь я не отступлю.

— Оля, я думаю, пусть идет. — Виктор пристально посмотрел на девушку.

— «Пусть он так думает, а завтра мы оставим его здесь. Так будет безопасно», — передал он ей в мыслях.

«Хорошо», — Ольга повернулась к Славе. — Хорошо, пойдешь. Большое спасибо за завтрак. Теперь мы пойдем на базар, там разойдемся, постараемся собрать всю информацию, а по окончании торговли встретимся здесь. Вперед!

— Привет! Ну, что? — Девушка зашла в дом, там был только Слава. Он сидел на стуле возле окна. — Виктор еще не пришел?

— Нет. Я ничего нового не смог узнать. Все одно и то же. Что люди в страхе, что были волхвы, и все. А ты?

— То же самое. Но где же Виктор? — Девушка подошла к юноше. Он обнял ее за талию и наклонил к себе.

— Не знаю, но может это к лучшему, что его нет. У нас есть время навестить упущенное утром.

— Ты о чем-нибудь другом можешь думать? А если он придет? — Ольга попыталась отказать, но юноша заразил ее своим желанием и она почти сломалась.

— Ну, он уже взрослый мужчина. Все поймет!

— Хорошо.

Как только дверь в комнату закрылась, Слава начал целовать Ольгу в шею, что она безумно любила, девушка повернулась к нему и подарила страстный поцелуй.

— А может не надо? — Ольга улыбнулась и отодвинула Славу от себя.

— Ух! Она еще и издевается! А ну, иди сюда!

Юноша схватил девушку и положил на кровать, поцелуй, страсть, и еще раз поцелуй. В такие моменты люди становятся абсолютно другими. Говоря о человеке, что вы знаете о нем все, но никогда не были с ним в постели, вы лжете. Здесь открывается душа. Если конечно эта страсть есть и не просто из-за большого количества выпитого вы решили быть вместе, а из-за чувств к друг другу. Но мы не отвлекаемся.

Все было хорошо. Пара отлежалась и начала одеваться. Как только Слава хотел открыть дверь и выйти, она открылась сама.

— Ну, наконец-то, у меня есть новости, а вы тут все собой занимаетесь.
— Виктор посмотрел на них и улыбнулся. Как оказалось, он пришел домой давно, но никому не хотел мешать и приготовил обед. — А вы что-нибудь узнали?

— И давно вы дома? — Ольге стало немного стыдно.

— Достаточно. Обед готов. Так есть что-нибудь?

— Нет, ничего нового. Все говорят одно и то же.

— Хорошо, проходите к столу, пока будете есть, я вам все расскажу.

— С радостью, я дико хочу есть! — Слава рванул в кухню.

— По-моему, не удивительно. Что, хорош?

— Виктор!

— Ай, да ладно. Просто интересно. Молодые.

— Пойдемте за стол.

— Вредина. Сразу видно — Шумовская.

Они присели за стол, он был уже накрыт. Настоящие русские щи, лучшее блюдо для обеда.

— И так. Значит, расстались мы на базаре. Я также ходил по людям и спрашивал, но это также не дало никаких результатов. Вы пошли домой, но я просто не сдался. Я знал, что выйдет, и поэтому решил пойти проверить местность возле пещеры. Подойдя к ней, я увидел интересную картину: мальчика лет семи, про которого сказывали, что он исчез. Он нес какой-то узелок. Наверное, с едой. Но не может же маленький мальчик не показываться никому и ходить кормить чудище. Он шел в пещеру. Я решил посмотреть его эфирное тело и ужаснулся. Он заколдован. Заклинание подчинения, он чей-то раб. Ничего не слышит, не понимает, лишь исполняет приказы. С таким я сталкивался лишь раз в жизни.

— Вы не могли ошибиться? — Ольга сильно разволновалась.

— Нет. Я всегда знал, что возле пещеры множество различной энергии. Но я думал, это от тех волхвов, что исчезли.

— Предположения есть?

— Что это не чудище. Может, какой-то колдун, но точно не древняя сила. Она не ест человеческой еды.

— И что нам теперь делать? — Слава решил вмешаться в разговор, но по взглядам колдунов, понял, что это плохая идея.

— Так. Сейчас варим все зелья, которые знаем. Накладываем на себя все защитные заклинания, которые знаем, делаем обереги и так далее. Потом закачиваем энергию и ложимся отдыхать. Если это и правда колдун, тогда он должен когда-то спать. А если по ночам гуляет энергия, значит спит он рано утром. Тогда и пойдем. Тем более, что сегодня он не качался, нам это на руку. За работу.

Ольга и Виктор встали.

— А мне что делать? — Слава как всегда остался не при делах.

— Не мешай. Это лучшее, что ты можешь сделать. — Виктор достал маленькие емкости с различными растениями и странными вещами.

Началась тяжелая работа. Ольга варила зелья, пока Виктор читал на них заклинания.

Слава сел на стул возле окна и наблюдал за ними.

Все по плану было выполнено. На улице уже начало темнеть. Ольга вернулась из леса, полностью заряженная энергией стихий. Виктор сделал это дома. На столе стояло множество баночек и странных вещей, оберегов. Также на столе лежало все оружие. Кинжалы Ольги были наточены до невозможного, мечи Славы и Виктора остры как бритвы. Для пушей уверенности Виктор наложил несколько защитных заклинаний и на Славу. Чтобы тот ничего не заподозрил.

— Отлично! Они острее, чем при покупке. Все готово?

— Да. Теперь спать. Хороший сон, лучший сон. И прошу вас, никакого сношения. Вам нужно выспаться. Ольга, тебя касается в первую очередь.

— Я все поняла. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи.

И в доме стало тихо. Наступила ночь.

Ольга проснулась раньше рассвета. «Снова Дима снился. Я больше так не могу. Сегодня все решиться». — Она тихо встала с кровати. Слава немного подвинулся, но не проснулся.

Как только она вышла из комнаты, столкнулась с Виктором.

— Хорошо, что ты сама встала и мне не пришлось тебя будить. Я боялся, что разбужу Славу и у нас ничего не получится.

— Все хорошо. Быстро собираемся и в путь.

— Да. Знаешь, я тут подумал, если выживу, вернусь к семье. У меня ведь внуки, я по ним соскучился. Отнесся как полный эгоист, а ведь они меня любят.

— Вот и славно.

— Хорошо спала?

— Не очень. Кошмар приснился.

— Да, а про что?

— Молодой человек, из-за которого я попала в это время.

— Да как ты умудрилась?

— Его убили из-за меня. И я пыталась прочитать очень сильное заклинание, которое было не по силам мне, чтобы воскресить его. И оно забросило меня сюда. В последнее время он стал мне очень часто сниться, и я не знаю, что с этим делать.

— Ты не думала, что это может быть знак, что выход рядом?

— Надеюсь.

— Хорошо. Все собрали. Пошли.

На столе остался лишь меч Славы. Каждый взял по сумке и оружие. Ольга вышла первой, за ней Виктор, который по привычке, выходя, хлопнул дверью. Представляете, к чему это могло привести? Конечно, к пробуждению князя.

Он проснулся и, не застав Ольгу в кровати, решил встать. Увидев отсутствие боевого комплекта, он все понял.

— Ольга! Виктор! Где вы? Неужели они меня оставили. Нет, я не позволю так поступить со мной. — Он быстро оделся, схватил свой меч и бросился к пещере.

— Я даже не попрощалась с ним.

— А зачем? Вы проведете еще не одну ночь вместе.

— Надеюсь.

Маги уже дошли до пещеры. Ольга попыталась увидеть что-нибудь необычное, но все было спокойно.

— Ну что, пойдём в пещеру или все-таки передумаешь? — Виктор все еще питал надежду отговорить ее.

— Нет. Я иду. Вы со мной?

— Да!

— Тогда вперед!

— Стойте! — Слава почти догнал их. Ольга развернулась.

— О, нет. Ты что тут делаешь? Ты не должен быть здесь. Иди отсюда. Сейчас же.

— Ни за что! Я иду с вами и если умру, значит, так оно и должно быть. Умереть за тебя, это самая прекрасная смерть на земле.

— Заморозь его! — воскликнула Оля.

— Не могу. В случае моей смерти, он навсегда останется замороженным. Нам придется взять его.

— Хорошо, но я прошу тебя, будь осторожен и не лезь никуда. — Девушка обратилась к Славе, она поняла, что выбора у нее нет.

— Я постараюсь.

— Все, хватит сюсюкаться, пошли.

Пожилой колдун — ведун, молодая ведьма — ведунья и юноша — князь. Троица, идущая на смерть и смотрящая ей прямо в лицо. Геройство? Возможно. Чем же все это закончится? Я вот понятия не имею, а вы?

Вход в пещеру представлял собой что-то вроде коридора. Настораживало то, что всюду уже висели горящие факелы, но вокруг не было ни единого звука. Они шли медленно, с опаской и только прямо.

— Как вы думаете, куда он ведет? — Спросил Слава шепотом. Но ему никто не ответил. Они продолжали двигаться дальше.

Шаг, еще шаг, и ничего не происходило.

Самое страшное — это ожидание. Ольга хотела, чтобы уже кто-нибудь выскочил из-за угла и напал. Битва и дело с концом. Но нет. Томительное ожидание. Оно сводит с ума.

Ольга услышала какой-то шум. Что-то вроде жужжания. Она, идя посередине, остановила мужчин руками и показала указательным пальцем вперед. Они все поняли без слов. И вдруг, почти со скоростью молнии на них летел огненный шар.

— Ложись! — вскрикнула Оля. Все кинулись на землю и он пролетел над их головами.

Колдунья полезла в сумку за зельем.

— Слава, не высовывайся. — Девушка встала и увидела человека. Он был в черном одеянии, с бородой и ехидно улыбался. В него тут же полетело зелье и попало прямо в цель, но тело просто растворилось.

«Оно не так должно действовать», — все, о чем девушка успела подумать, прежде чем ей в спину попал энергетический шар и она упала.

— Ольга! — Слава стоял как вкопанный и не знал, что делать. Все-таки нечего делать человеку в магической битве.

Виктор кинул сразу три зелья в то, что появилось у них за спиной. Все тот же человек и так же испарился. Слава помог Ольге встать.

— Что это?

— Магия клонирования. Мы были правы, это сильный колдун. Очень мало кому дается такая магия.

— Ты в порядке? — Слава не мог понять, что случилось.

— В самом. Если бы не защиты, он бы убил меня.

— Добро пожаловать! — раздался голос ниоткуда.

— Где ты? А ну выходи, и я набью твою задницу. — Виктор был очень зол.

— Зачем так дерзить, ведь я сильнее вас! Могу предложить службу у меня!

Только человека я все равно убью.

— И будем мы такие, как тот мальчик? Ни за что!

— Он лишь слуга, а вы будете воинами.

— Может, волхвы из моего княжества у тебя служат? — Слава всегда вмешивался в любой разговор.

— Один. Остальные отказались. Дураки!

— Лучше выходи и защищайся, — крикнул Виктор. Ольга не ожидала, что он будет сам нарываться. Может это была его стратегия?

— А ты ведьма? Я могу дать тебе то, что ты больше всего хочешь, и так давно ищешь!

— Ольга, он лжет! Тогда ты не сможешь ему служить. К чему благотворительность?

— Они не хотят отпускать тебя. Обещаю, сделаешь несколько дел и я покажу тебе выход домой.

«Может, это правда, ведь даже сны показывали, что выход рядом. Может это и есть мой шанс?» — Оля начала сомневаться.

— Неужели ты ему веришь? Оля? — Слава взял ее за руку.

Девушка пристально посмотрела на него.

— Ты правильно мыслишь. Идем со мной! Ты же видишь, какой силой я обладаю, зачем мне лгать. Это удел людей. — Он вновь появился и протянул ей руку. Виктор и Слава не спускали с нее глаз.

— Ну, все, с меня хватит. — Виктор вытащил все банки, что у него были, и кинул в него.

— Ха, ха, ха! — Разведя руками, создав энергетическую волну, он направил все банки обратно в них.

Ольга не реагировала на летящие в них зелья и Виктору пришлось толкнуть ее на землю. Слава упал сам.

— Ах ты, гад. Может, сразимся честно, на мечях, и я покажу тебе, где раки зимуют! — Слава вытащил меч.

— В этом наша разница, жалкий человечиска, что у меня есть магия и с ней я могу стереть тебя с лица земли в один момент.

Один шар, и Слава отлетел на несколько метров. С помощью защиты Виктора не сильно ранил. Ольга по-прежнему лежала на земле. Она лишь подняла голову, когда юноша пролетел над ней.

— Нет! Не смей его трогать!

— Что? Ты все-таки решила защищать старика ведуна и жалкого юнца?

Вместо того, чтобы служить силе и вернуться домой? Ты глупа, и поэтому умрешь вместе с ними!

Огненный шар полетел прямо в Ольгу, но она подпрыгнула, сделала в воздухе сальто и твердо приземлилась на ноги.

— Это все? — Она с огромной скоростью начала кидать в него зелья. Но каждое он откидывал энергией. И вот, на последнем зелье, она немного замешкалась, но кинула. Зелье пролетело над головой колдуна.

— Даже попасть не можешь! Ха, ха, ха!

— Как раз могу! — зелье, пролетевшее над его головой, зависло в воздухе над полом. Ольга дернула рукой и банка врезалась в спину противнику, потому что когда она замешкалась, она привязала к банке энергетическую нить.

— А! как ты посмела?

— А вот так! — Ольга резко кинула кинжалы. Они попали точно в цель. Один впился в его колено, другой врезался в ладонь.

Ольга бросилась к Славе.

— Ты жив?

— Я люблю тебя!

— Так, только не умирай. Все будет хорошо и мы...

— Берегись! — Слава заметил летящий в девушку шар, девушка прыгнула на стену и, удачно оттолкнувшись ногами, оказалась на другом конце коридора.

— Ты думала, что победила?

— Нет, взяла минутный перерыв!

— Вот теперь держись! — Разведя руки, он стоя читал заклинание. Вокруг него поднялся темный ветер, Ольга прикрыла лицо рукой. Он собирал все свои силы и девушка не знала, что дальше делать.

Непонятно откуда взявшийся Виктор запрыгнул на колдуна и снес его с ног. Колдун себя в обиду не дал. Он с легкостью оттолкнул мужичка от себя и снова встал.

— Виктор! — вскрикнула девушка. Глубокий вдох, быстро присела и ударила кулаком об землю. — Бармер! — Энергия пошла от земли за Ольгой, она собрала ее моментально в шар и бросила в колдуна.

Точное попадание. Колдун упал.

— Силы земли! Я призываю вас на помощь! Тутана, будра, афебрум! Придите ко мне!

Но до конца собрать ей их не удалось. Ольга резко развернулась, почувствовав приближение энергетического шара, и попыталась увернуться, но он попал ей в руку, разрезав вену. Красная жидкость потекла быстрым потоком. Оля попыталась закрыть руку, но тут полетел другой шар, который снес ее с ног. Девушка отлетела на несколько метров. Встать было очень тяжело, рука онемела. Сил не хватало. Энергии осталось немного.

«Где же Слава и Виктор? Неужели они мертвы? Надо встать, умереть лежа — это позор!»

Приложив усилия, она смогла встать. Ноги шатались, кровь капала на пол, но в глазах горел огонь.

— Ты еще не передумала перейти ко мне на службу? Еще никому не удавалось пустить мне кровь.

— Лучше я умру, если выход домой будет стоить мне службы у такого дерьма, как ты!

— Сама попросила! — Огромный энергетический шар полетел в Ольгу. Она даже не собиралась уворачиваться, защищаться. Она лишь отвернулась, ожидая смерти. Сдалась.

— А! А! Я люблю тебя! — Откуда не понятно, появился Слава и закрыл Ольгу своим телом, приняв удар на тебя. Девушка повернулась.

— Слава! Нет!!! Зачем??? — Колдунья со всей скорости помчалась на таран брать врага, чего он абсолютно не ожидал. — А! А! А!

Черный маг совершенно растерялся и ведьма сбила его с ног. Она лежала на нем чего-то ожидая, и он моментально оттолкнул ее с помощью магии от себя.

Ольга отлетела, упав на пол.

Как-то они появлялись по очереди. Ведь в следующий момент возник Виктор, который прочитал заклинание и кинулся с ним на колдуна.

Ольга поползла к Славе.

— Ты жив? — Но ответа не последовало. — Слава? — Она сказала это уже сквозь слезы.

Виктор упал возле нее. От его тела шел дым.

«Моя рука», — Ольга посмотрела на руку и встала на колени. Быстро создавая связь с энергией земли.

— Что ты там делаешь? Тебе уже ничто не поможет!

— Я могу с этим сильно поспорить! — Ольга вытащила мел из маленькой сумочки и написала несколько слов на полу.

— Что там? — Он прочитал: «Мы с тобой одной крови».

— Мы с тобой одной крови — повторила девушка.

— Что за бред? Хватит! — И вновь он кинул в нее мощный шар.

Но колдунья была к нему готова и быстро создала щит из энергии земли. Шар растворился в нем.

— Земля, воздух, огонь, вода. Я призываю Вас на страшный суд...

— Что ты делаешь?

— Брат брата, сестра сестру! Кровь к крови. Мы одной крови. Сильнейший закон стихий! Магию на родных, чтобы пришлось другому защищаться. Использовать нельзя! — В комнате вспыхнула энергия всех стихий.

— Что? Как?

— Когда я упала на тебя, твоя кровь попала в мою и наоборот. А потом ты сказал, что мы одной крови. Ты дал согласие на братство. И теперь понесешь наказание за нарушение законов братства.

— Выбирай наказания для брата своего! — раздался голос на ветру представителя стихий.

— Ты не можешь меня убить! — Но стихии уже охватили его и он ничего больше не мог сделать.

— Я прошу наказания в виде лишения сил, магических сил, для брата своего. Пусть он станет человеком!

— Да будет так, приготовься!

Ольга встала, раздвинув руки и откинув голову, полностью сосредоточилась. Вся энергия стихий стала входить сначала в нее, потом в колдуна. Девушка еле держалась на ногах. Кровь до сих пор капала с ее руки.

Все кончено. Почти одновременно все исчезло, а Ольга и колдун упали.

— Оля, ты жива? — Слава подполз к ней. Он выглядел не намного лучше, чем она. Оба в крови, грязи и еще чем-то. Голос хрипел.

Она очнулась. Прикладывая большие усилия, подняла голову.

— Слава? Ты жив?

— Как ты?

— Я истекаю кровью.

— Сейчас я что-нибудь придумаю. — Он оторвал от своего кафтана лоскут и перевязал ей вену. — Ты можешь встать?

— Не знаю, где Виктор?

— Боюсь, ...не знаю. — Он помог Ольге подняться. Стояла она очень плохо, ноги подкашивались, в глазах темнело. Дико хотелось пить. Но, увидев странную картину, ее настигло облегчение. Когда колдун упал обессиленный, он напоролся на один из кинжалов Ольги, застрявший в камнях на полу. И теперь он даже не мог быть человеком.

— Ты с ним справилась. Молодец!

— Э... да!

Они попытались найти Виктора, но его нигде не было видно. Ссадины, раны, царапины, вывихи не давали много двигаться, но тут Ольга услышала хрип.

— Виктор! — Она ринулась на звук.

Мужичок лежал в очень странной позе. У него была сломана нога и кость вылезла наружу. Из рта шла кровь. Он умирал.

— Ольга! — Он говорил очень тихо, хриплым голосом и девушка подошла поближе, — мне кажется, я уже стар для этого дела, прости, что не смог помочь.

— Что вы? Вы очень помогли. Держитесь.

— Моя деревня Лужена. Там мои внуки и дети. Прошу, скажи им о моей смерти и похорони меня там. Возле всех Шумовских. Тебе расскажут, как ее найти.

— Хорошо. Я все сделаю. — У колдуньи потекли слезы.

— Ну, не плач. Ты очень хорошая ведьма. Я желаю тебе найти выход домой. — У него начался приступ кашля, изо рта большим потоком хлынула кровь и зрачки остановились. Наступила смерть...

— Оля, как он?

— Все... Умер, но он достойно держался. Он просил похоронить его в родной деревне. Нам нужно сделать крюк перед возвращением в Киев.

— Совсем забыл, что нам нужно туда возвращаться. Куда ты потом?

— Пойду обратно, к своему учителю. Если этот колдун был единственным, кто мог мне помочь, тогда мне лучше вернуться.

— Не надо. Все знают, что колдунья мертва. Возвращайся вместе со мной в Киев. И стань моей женой. Никакой магии. Простая и счастливая жизнь. Ты будешь богата и счастлива.

— Мне не нужны деньги. У меня с учителем договор. Если я не найду выход, возвращаюсь к нему. И все. Я не могу его нарушить. Никак. Он магический. Тем более, я ему сильно обязана, это он меня всему научил.

— И никак нельзя его обойти?

— Нет. Лучше хватит болтать. Помоги мне с телом Виктора.

— А что ты хочешь с ним делать?

— По дороге сюда Виктор сказал, что у него предчувствие смерти. Кто-то из нас должен был умереть. Он рассказал мне про одно заклинание на случай, если умрет он, чтобы тело его сохранилось. Но для этого нужно вынести его на свежий воздух.

Глава 11

ЛУЧШЕ СТРАДАТЬ ОТ ЛЮБВИ, ЧЕМ НИКОГО НИКОГДА НЕ ЛЮБИТЬ

Предстояла долгая и тяжелая дорога, Слава и Ольга должны были похоронить Виктора. Узнав у жителей, как добраться до его родной деревни, они отправились в путь. К Сникерс привязали повозку, положили в нее тело и шли пешком.

Идти им нужно было примерно день, но через леса и болота. Ольга уходила от всех разговоров со Славой. Она знала, что в скором времени им придется расстаться, но больше всего ее пугало, что она никогда не вернется домой. Все мечты и надежды о прекрасном возвращении превратились в прах. Конечно, маленький росток веры еще оставался, ведь надежда умирает последней, но на душе было очень тяжело. Князь тоже был мрачен, он даже не мог себе представить, что будет с ним, если они с Ольгой расстанутся. Странно, что они думали об этом сейчас, ведь им предстоял еще долгий путь домой. Все еще могло измениться. Но люди сами всегда себя настраивают на худшее, ведь возможно потом, когда произойдет что-то хорошее, они будут больше радоваться. Но мало кто знает, что если верить в лучшее, оно обязательно произойдет.

После выхода из дома Виктора они еще ни разу не остановились, а шли уже часов восемь. И никто не думал остановиться или попросить об этом, пока на их пути не встретилось большое болото.

— Приехали, и как нам это обойти? — Честно говоря, молодые люди и не заметили бы болото, если бы Сникерс не остановилась и противилась идти.

— Я не вижу, чтобы его можно было обойти. А колдовством ты ничего не сможешь сделать?

— Ничего подходящего не припоминаю, если честно. Интересно, оно очень глубокое? — Ольга подняла с земли длинную палку и воткнула ее в болото. Палка мгновенно ушла внутрь.

— Думаю, достаточно. Ты что, собираешься его переходить? Я туда не полезу!

— Может быть и полезла бы, но телегу мы не перетащим. Надо что-то придумать.

— У меня есть предложение.

— Я вся во внимании.

— Может, поедим, я проголодался, а на полный желудок лучше думать!

— Ты в чем-то прав, я разведу костер, а ты достань еду.

Сало поджарилось на костре, а они смаковали его так, словно ели впервые. Затем Ольга покормила Сникерс. Наступила ночь. Но молодые даже не собирались спать. Вместо этого они сделали себе два факела и пошли по разным сторонам обходить болото в надежде найти объезд. Каждый периодически махал другому факелом, что тот знал, что с ним все в порядке. Оля пристально наблюдала за факелом Славы.

— Дом! Милый дом! Иди сюда! Здесь твой дом! Останься со своей семьей.

— Послышались приглушенные голоса отовсюду. Девушка остановилась.

— Иди к нам, сестра!

— Кто здесь?

— Это твоя семья!

— Неправда, кто здесь?

— Иди к нам. Мы так долго тебя ждали!

— Оля, Оля! С тобой все в порядке? — Послышался голос Славы с того берега.

— Дом. Здесь твой дом!

Ведьма не могла понять, что происходит, что это за голоса. Но, они так сладко манили, что она захотела поддаться.

— Ольга! Ольга!

— А? Слава! — Она очнулась.

Умершие души в болоте. Оно было проклято и немало ведьм погибло здесь. Она ничего не знала про такие места, лишь слышала немного рассказов.

— Иди к нам!

— Я сильнее вас!

— Ты наша сестра!

— Я вам никто!

— Наша... теперь наша!

Ольга не заметила, как черное облако окутало ее тело и множество прозрачных женских рук обняли ее. Девушку хватили за руки и ноги, кто-то тянулся к голове. Ольга попыталась пошевелиться, но у нее почти не получалось. Она слышала где-то голос Славы, но уже двигалась в болото.

— Сестра! Наша сестра. Теперь ты будешь с нами!

Ледяная вязкая жидкость начала окутывать тело колдуньи. Она ничего не предпринимала для своего спасения. Девушка еще вдалеке слышала голос князя и непонятный шелест. Голоса духов.

Болотная вода подступила к горлу и начала заходить в рот и нос. Она попыталась немного вырваться, но это было бесполезно. Ее тянули все глубже. Свежий воздух пропал. Ничего не слышно. Грязь в ушах. Сознание начало отключаться. Слышен громкий смех, где-то в голове, десятка девиц. Они ликовали, Ольга задыхалась...

— Вон отсюда, силой света заклинаю, вы ничто против силы бога! — Слава полез в болото за Ольгой. В руках у него была странная вещица, похожая на наш нынешний христианский крест.

Вмиг на болоте появился луч света. Духи отпустили девушку и в страхе расплылись. Но колдунья была уже без сознания. Слава еле нашел ее, вытащить было сложно, но он справился. Девушка не приходила в сознание.

— Оля, очнись, ты будешь жить. Я уверен. Я не мог опоздать. — Он начал откачивать ее, высасывать грязь из ее рта, но она по-прежнему не просыпалась. Дыхание изо рта в рот — и грудная клетка вроде бы задвигалась. Но очень вяло. Слава взял на руки Ольгу и понес к месту, где они развели костер.

Сникерс, увидев Славу, несущего Ольгу, начала дергаться и ржать. Девушка все также была без сознания. Вид князя был очень измучен. Он аккуратно положил возлюбленную на землю. Лошадь подошла к ней и стала лизать. Девушка зашевелилась.

Наступило утро. Ольга очнулась. Она была укрыта плащом Славы. Сам он лежал рядом и весь трясся. В костре еще не погасли угольки.

«Он снова спас меня. Даже теперь не знаю, что с ним делать».

— Иго!

— Сникерс! Как я рада тебя видеть! Лучше уж жить с Игорем, чем с этими духами в болоте, и ждать, когда забредет следующая ведьма.

— Ирг!

— Я рада, что ты со мной согласна. Ладно, нужно будить Славу и идти дальше, заклинание на Виктора будет не так долго действовать.

— А я уже не сплю. Ты бы еще громче говорила, а потом сказала, чтобы я вновь лег спать. Тогда бы я уже не дал тебе поспать.

— Вот и славно. Тогда вставай. Легкий завтрак и в путь.

— Да? Мне интересно, как же ты собираешься пройти?

— М? Кто говорил, что на голодный желудок лучше не думать. Ох, как бы я хотела сейчас наткнуться на озеро. Я вся в грязи. — Она посмотрела на Славу, и поняла что не одна такая.

— Это точно. — Слава встал, в его голосе был хрип. Похоже, он заболел.

— Сник, не хочешь пробежаться по ближайшим окрестностям? — Но лошадь посмотрела на хозяйку презрительно.

— Что ты хочешь этим сказать? Пока жила у учителя, тебя так не мучили? Я все понимаю. — Девушка подошла к лошади и обняла ее. Но та вырвалась. — Неприятен запах грязи? Короче, давай не стой, а пробегись, только не далеко, чтобы я могла тебя найти.

И Сникерс ускакала.

К счастью, Сникерс вернулась достаточно быстро и отвела их к озеру. Вода была прекрасна, помыли даже лошадь. Ольга проложила другой путь и повела их к деревне. Конечно, дорога затянулась почти на сутки больше, но они все-таки добрались до пункта назначения.

Скоро наступит зима. На улице сильно похолодало и когда они почти дошли до деревни, Славу начало лихорадить, но он не хотел в этом признаваться.

Утром они зашли в деревню. На улицах было не много людей и Ольга подошла к первому встречному.

— Извините, вы не подскажете, как найти Шумовских?

— А вам кто именно нужен?

— То есть?

— Шумовских несколько семей.

— Они все родственники?

— Ну, а как?

— Мне нужны дети Виктора!

— Виктора? Хм, а вы от него?

— Как вам сказать... я с ним. Он погиб.

— Как? Я же говорил ему, никуда не ходи. Сиди с семьей. А он? Сны у него, мечты. Спятил он и ушел, а вот теперь что? Пойдемте, я провожу вас к его старшей дочери.

— Подождите чуть-чуть, я скажу своему другу, чтобы он меня здесь подождал.

— Да я никуда не тороплюсь.

Ольга подбежала к Славе, он согласился ее подождать, тогда девушка проследовала за прохожим. Он провел ее к красивому и уютному домику. Было видно, что их почитали. Ну, это и понятно, ведь они ведуньи. На пороге сидел мальчик лет двенадцати и странно посмотрел на Ольгу.

— Олег, маму позови, к ней гости.

— А зачем?

— Позови ее, пожалуйста!

— Что за шум? Почему меня не позвал, раз к нам пришли? А ну, пошел вон отсюда!

— Да, мама! — И мальчик убежал.

— Здравствуйте, зачем пожаловали?

— Добрый день! — Прохожий хотел что-то сказать, но Ольга не дала ему вставить слово. — Я пришла поговорить по поводу вашего отца, Виктора.

— Да? С ним что-то случилось?

— Он... — Ольга замешкалась.

— Я так и знала, что не просто так смерть снилась, — она села на крыльцо. — Так он умер?

— Да... он просил похоронить его здесь.

— То есть, вы привезли его тело?

— Да.

— И оно не разложилось?

Ольга посмотрела на проводника, дав знак, что ему пора, и он ушел.

— Вы колдунья?

— Да. Я наложила заклинание три дня назад. Лучше похоронить его сегодня.

— Олег!

— Да, мама. — Мальчик появился из-за угла дома.

— Беги к дяде и скажи, чтобы срочно шел сюда.

— Хорошо. — И мальчик тут же убежал.

— Как это произошло? — Как только сын исчез из виду, она дала себе волю и заплакала.

— Он умер в сражении...

— Что? Куда в его годы? В каком еще сражении?

— Это очень долгая история. Я предлагаю, чтобы мы поговорили об этом позже. Нам нужно заняться его похоронами. Знайте, что он умер достойно и последние слова его были, что он очень вас всех любит.

— Я полагаю, что похороны мы устроим сегодня вечером. Вы можете остаться? Я так понимаю, что он бы хотел, чтобы вы присутствовали.

— Конечно, я останусь и помогу вам во всем. Но дело в том, что я не одна, со мной мой друг.

— Так где же он? Зови его сюда. Для вас я сделаю, что смогу. Приючу на ночь и хорошенько накормлю. Ведь вы сделали очень благородный поступок, все Шумовские должны быть похоронены на семейном кладбище.

— Хорошо, тогда я сейчас схожу за ним.

— А я так и не спросила вашего имени.

— Ольга!

— А я Люда! Приятно познакомиться!

— Мне тоже. — «И ты не представляешь себе насколько, ведь ты мне все-таки пра- и так несколько раз бабушка, блин».

Подготовка к похоронам пошла полным ходом. Ольга и Слава пытались помогать, как могли. Девушка психологически своим дальним родственникам, юноша физически.

Детишки обоих детей Виктора радостно бегали вокруг приготовлений, не зная, что произошло.

Начало темнеть. Ольга думала, что люди с поселка подойдут попозже. Но никого не было, и похоже, никого не ждали. На дворе возле дома появилась большая гора сена и бревен. Видимо, тело собирались сжигать.

— Мама, что сегодня за праздник? И почему он так поздно? А где же гости? — Олег кружил вокруг своей матери.

— Понимаешь... Это гости к нам приехали...

— Может, все-таки скажем им правду, Люда. Мои двое уже достали с вопросами. — Произнес очень похожий на нее мужчина.

— Я не могу Сергей.

— Я понимаю, что сказав им, больше не надо будет сдерживать слез и можно будет выпустить чувства на волю, но мы не можем так долго томить.

— Хорошо. Олег, позови сюда Ваню и Сашу, нам с дядей надо вам кое-что сказать, по поводу вашего дедушки.

— Хорошо, мама. — И мальчик побежал за двоюродными братом и сестрой.

— Вы все-таки решили им сказать, я считаю, это правильно. — Ольга была хмура не менее их. Несмотря на то, что она мало знала Виктора, она чувствовала родственную связь с ним и его семьей.

— Да, вы можете мне помочь. Даже не верится, отец множество раз говорил, что умрет, но всегда оставался жив.

— А я недавно раскладывал кости, и они сказали мне, что он проживет еще лет семь. Как это могло произойти, не понимаю...

— Может, вы шутите, ведь мы так и не видели его тело.

— В такие моменты не до шуток. О смерти никогда нельзя шутить, можно дошутиться. Если хотите, я могу провести вас к телеге прямо сейчас, и вы посмотрите на него. Но мне кажется, что вам нужно немного потерпеть, увидев его, вы потеряете последнюю надежду в глубине души и контроль над собой.

— Люда, она права.

— Нет. Я хочу убедиться. Мы весь день здесь возимся, а вдруг она нас разыгрывает. — Глаза ее стали наливаться слезами. Брат прекрасно понимал, что у нее начинается истерика.

— Не надо, — он обнял ее.

— Если вы так настаиваете, я покажу вам его.

— Да, я хочу. Хватит жить мечтами, Сергей. Я хочу увидеть его.

— Хорошо. — Они втроем отправились к телеге.

— Только хочу вас предупредить, что бой был очень тяжелый, и победить врага помогла лишь удача. Я надеюсь, что вы представляете, в каком он может быть виде, хотя для реконструкции я уже сделала все возможное.

Они подошли к телеге и Ольга откинула одеяло. Виктор, казалось, будто живой, только спит. На лице виднелись царапины, которые не смогла убрать ведьма. Но когда она откинула одеяло до конца, они увидели торчащую из ноги кость. Люда ахнула и чуть не упала, Сергей успел ее поймать.

— Я же говорила, что все поправить не удалось.

— О, боги! Какой ужас! Отец!

— Люда, успокойся, тебе ведь все сказали! — Но женщина уже не могла успокоиться, она уткнулась лицом в плечо брата и рыдала. Сергей сам еле сдерживал слезы.

Отношения в их семье были очень близкими, и смерть была для них сильным ударом. Ольге стало очень стыдно.

«Это я во всем виновата, зачем я взяла его на столь сложное дело? Хотя, если бы ни он, мы бы не справились». — Ее полностью захватили жалость и чувство вины.

«Лучше бы я пошла без него и умерла там. Мне в этом мире больше делать нечего, все мечты, что были, рухнули. А он? Его так любили. Им очень плохо. А виновата во всем я...»

— Прощу вас, простите меня. Я его отговаривала... — Из глаз девушки хлынули слезы, голос захрипел. — Это я во всем виновата. Это было мое дело, простите, — она упала на колени.

— Нет. Что вы! Мы вас не обвиняем. Встаньте. — Мужчина тоже не стал больше сдерживать слез.

Словно маленький ребенок, Ольга не могла остановить слезы, как в детстве при ссорах с мамой.

— Мы не должны расклеиваться. Нам нужно провести его похороны, как положено у всех Шумовских. А слезы и боль все потом. Идем, скоро совсем стемнеет. — Мужчина взял обеих женщин за руки и повел в дом.

Навстречу подбежали дети, им так и не сказали, что случилось.

— Мама! Мама! Что случилось?

— Дети, подойдите ко мне, — мужчина уже стал грубым, будто и не было никаких слез. Только под глазами остались мокрые следы. — Мы хотели сказать вам, по какому поводу здесь все это происходит. Это не праздник, а прощание.

— С кем? — Девочка посмотрела голубенькими глазками на Ольгу, та сразу отвернулась. — Гостя только приехала, а мы ее уже провожаем?

— Нет! — уже подключилась Люда. — Дети, будьте сильными. Вы очень любили его, и мы это прекрасно знаем. Но каждый в этой жизни заканчивает свой путь, и ваш дедушка прошел свой. И мы его сегодня провожаем.

— Что?

— О, нет!

— Дедушка...

- Будьте сильными. Пойдемте в дом, нам нужно начинать церемонию. Все отправились в дом. Слава уже отдышал на стуле.
- Где вы были? — При входе хозяев он моментально встал.
- Некогда болтать. Пойдем с нами. — Ольга взяла его за руку и повела во двор, куда и отправились все остальные.
- Все было готово. Тело переложили на гору сена и бревен, которая уже была сформирована в очень интересную необычную фигуру. Все встали вокруг.
- Прошу тишины. Ольга, вы поможете нам в вызове древних сил? — Сергей уже держал в руке факел.
- Да.
- Тогда можем начинать.
- Ольга, Сергей, Люда и дети начали призыв. Он ни в чем особом не заключался. Пара слов и поддержка связи, но как заметил Слава, лица у них немного изменились.
- Силы древних, мы призываем вас для того, чтобы отпустить дух Виктора Шумовского, великого ведуна, умершего в магическом сражении. Пусть его сила всегда остается у него, но эти земли никогда не забудут его сущность. От семьи к семье, сила рода и потомства. Пусть она остается навеки. — Сергей поджег один конец фигуры и передал свой факел Людмиле.
- Силы древних, Виктор Шумовский начал наш род, но пусть он на нем не закончится. Дайте силу его дальнейшему потомству. От семьи к семье. Сила рода и потомства пусть остается навеки. — И сделала тоже самое с фигурой.
- Светлый к темному, темный к силе, сила к жизни. Прощай отец, — они произнесли хором и передали факел детям.
- Прощай дедушка, — произнес каждый из них.
- Пламя охватило тело. Сначала огонь был ярко-красный, потом стал черный и в один миг все вспыхнуло. Глаза ослепило и Ольга зажмурилась.
- «Она шевельнулась, двинулась, сестра, быстрее сюда», — девушка будто на несколько секунд выпала из этого мира, вокруг оказалась пустота и откуда-то издали послышался сильно знакомый голос. Но еще через несколько секунд все вернулось обратно. Пламя уже погасло, лишь на останках фигуры остался стоять какой-то сосуд. Откуда он? Секрет ма-гии! Люда подошла к месту сожжения и забрала сосуд.
- Спасибо вам большое, вы сделали для нас очень важное дело. Как я могу вас отблагодарить? — Скорбь, боль. Все это отражалось на лице Сергея, но он пытался это скрывать, ради детей.
- Если вы нас накормите и приютите на ночь, этого будет вполне достаточно.
- Дети, идите спать. Быстро! — Женщина подошла к ним, — я думаю, ты заберешь к себе Олега, а я положу их у себя. Вам ведь хватит одной кровати?
- Вполне!
- Вот и славно. Олег! Ты сегодня переночуешь у дяди. Все! Бегом спать!
- До завтра! Пойдемте! — Сергей подхватил детей и ушел.
- Слава, что ты там стоишь? Иди сюда. — Ольга повернулась к юноше. Но вместо того, чтобы подойти к ней, он упал на землю.
- Слава! — Девушка побежала к нему. Немедленно вернулся и Сергей.
- Что с ним случилось?

— Слава, очнись! О, боги, он весь горит. У него жар. Похоже заболел. Давайте отнесем его на кровать.

— Люда, готовь быстрее кровать для больного!

Женщина быстро побежала в дом, мужчина взял Славу на плечи и отправился туда же.

— Дети, идите домой, я приду немного позже.

Славу уложили на кровать и раздели. Люда сразу принесла воды, смочила в ней тряпку и положила ему на лоб.

— Нам нужно согнать жар, а я даже не помню подходящего отвара.

— Я знаю, мне нужны некоторые ингредиенты. — Ольга сильно нервничала.

«Почему с ним это случилось именно тогда, когда в этом доме такая трагедия?»

— Пойдемте, я дам вам все, что нужно. Сергей отправляйся домой, здесь мы справимся, а детей нельзя оставлять одних.

— До встречи. — Мужчина вышел из дома.

За час ведьмы смогли сварить отвар и напоили больного. Наконец он заснул спокойно. Ольга всю ночь провела рядом с ним на стуле и иногда слышала, как в своей комнате Людмила плачет.

На улице пошел снег. Природа, видимо, тоже скорбела о потере сильного ведуна. Эта ночь, казалось, была длиннее всех остальных.

Перед тем как уснуть, Ольга много думала о сосуде, что появился вместо тела Виктора, о том, что с ней произошло на церемонии и вообще связано ли это как-то с ней. Вспоминались слова Марии и многое другое. У девушки была куча вопросов и ни одного ответа. Лишь разочарование. Перед ней стоял один большой вопрос: ЧТО ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ? Мысли текли, пока она не уснула. И вновь ей приснился наш Санкт-Петербург. Тот, каким она его еще помнила. Знакомые ей люди, которые были веселы и счастливы. А Ольга шла по улице, но никто ее не замечал. Им просто было весело. А она шла и говорила: им хорошо без меня, я им не нужна..

Наутро Славе стало намного лучше, но ему все еще нужен был отдых. Его решили оставить в постели, хотя он долго сопротивлялся. Людмила с Олегом куда-то ушли, и Ольга осталась одна. Она села у окна и наблюдала как идет снег. Странно, что зимы были не такими суровыми, как в наше время, можно было спокойно выскочить на улицу без головного убора и у тебя не отвалятся уши.

Настроение у колдуньи было очень печальное, мысли становились все чернее.

«Зачем все это? Я уже не понимаю, что, как, зачем?»

И тут ей опять вспомнились слова Марии: «Может ли будущее быть прошлым? Настоящее нереальным? Спасти себя и любимого лишь любовью? И не видеть желаемого выхода под носом?»

— Надо решить эту головоломку, а лучше всего поехать к Марии и все у нее узнать. Все, что из этого я смогла понять, так то, что будущее действительно может быть прошлым, а настоящее нереальным. По крайней мере я думаю, что вторая фраза относится к тому, что вчера произошло на церемонии. Хотя могу и ошибаться.

- Ты разговариваешь сама с собой или это опять твои магические выходки?
- Почему ты встал? Тебе необходимо лежать, — вид у юноши был сильно помятый, но на лице сияла улыбка. Ольга была рада его видеть, но решила не показывать этого.
- Может, мне еще и под себя ходить в туалет?
- Ладно тебе, я просто хочу, что ты был здоров.
- Я стараюсь, ведь ты все также спешишь. А я вот свинью подкладываю. Хрю-хрю! — Он поднял нос пальцем и скорчил смешную рожицу. Девушка рассмеялась.
- Как ты вообще не сказал мне о том, что заболел?
- Ну давай, еще накажи меня, мамочка! Я не хотел вам мешать в столь трудную минуту, но не рассчитал свои силы. А ты рассказала им уже про себя?
- В смысле?
- Ну, то, что ты их родственница!
- Нет. И не скажу.
- Почему? Ведь они имеют права знать, за кого погиб их отец. И мне кажется, я конечно не специалист в этих вещах, но ты должна была принять участие в церемонии как полноправный член семьи.
- Это уже не важно. Хотел идти по нужде, так чего стоишь?
- На тебя засмотрелся и про все на свете забыл. А вообще, могла бы хоть иногда ко мне заглядывать. Я же не все время там сплю, а лежать одному скучно. А вы с Людмилой, как две матери, на меня только кричите.
- Кто на тебя кричит? Иди, а потом немного пообщаемся.
- Хорошо. Ух! — Он выбежал на улицу.
- Настроение у девушки немного поднялось, чему она была очень рада. Со Славой у нее пропали все мысли и она просто чувствовала себя хорошо. «Может, я бы и завела с ним длительные отношения, но в этом нет смысла. Колдунья и князь не могут быть вместе в этом княжестве. Да и учитель... поэтому нужно как можно быстрее избавляться от чувств, и от князя в том числе».
- Ну, вот я и вернулся! — Все та же сияющая улыбка на его лице.
- Мне нужно с тобой серьезно поговорить. Так что садись и слушай меня внимательно.
- Ну вот, только хорошее настроение стало.
- Помнишь, когда я была в лесу, я вернулась с собакой. Там я была у одной колдуньи. Так вот, мне нужно к ней съездить.
- Зачем?
- Она что-то знает про меня и, возможно, может мне помочь.
- Тогда мы можем выехать завтра.
- Нет. Ты со мной не поедешь. Она не любит людей. Поэтому и живет одна в лесу. Ехать мне до нее где-то три дня, потом я поеду в деревню, где было чудище там, в доме Виктора и встретимся. Я надеюсь, ты сам найдешь, как туда доехать.
- Конечно, найду.
- Вот и славно. Тебе еще надо немного полежать. Побудешь здесь дня два и в путь, я как раз к этому времени приеду.

— Но я не могу отпустить тебя одну. С тобой вечно что-то случается, то в обморок упадешь, то тебя затягивает куда-то.

— Я справлюсь. На самом деле, эта колдунья — мой последний шанс что-нибудь узнать о выходе домой. Так что мне спешить больше некуда. До возвращения к учителю мне осталось четыре с половиной месяца и я вполне успеваю.

— Ты точно будешь осторожна?

— Так, кто теперь играет в большого папу? На самом деле, у меня шансов защититься больше, чем у тебя.

— Да, но тебя вечно кто-то куда-то хочет забрать.

— Эти земли не для спокойной жизни колдунов. Я вообще не понимаю, как они здесь живут. Хотя, может поэтому и не вылезают из своих деревень.

— Как же тогда куча духов бывших колдунов?

— Это как раз те, кому не сиделось дома. Как мне.

— Хорошо, дорогая. Я очень надеюсь, что у тебя все получится. Когда ты планируешь выезжать?

— Завтра, рано утром. — Слава подошел к ней и очень нежно обнял. Хотел было поцеловать девушку, но тут его пробрал кашель и он не смог этого сделать.

— Вот видишь, тебе еще надо лежать. Или болезнь начнется заново, а меня уже не будет рядом и я не смогу сварить тебе отвар. Так что, бегом в кровать!

— А может, ты со мной? — он начал подмигивать девушке.

— Так. Иди, спи! Ты болен, еще не хватало мне заболеть. У нас еще будет в распоряжении дом Виктора. Если мы конечно там встретимся.

— Так-с, дорогая колдунья, не каркайте!

Ольга точно знала, что они встретятся, она чувствовала это сердцем. Конечно, она могла почувствовать это и как ведунья, но давно у нее в этом деле не было практики, силы немного ослабевали.

Хочу открыть вам маленькую тайну про ведьм. Когда они влюбляются, то это чревато большими последствиями. Если любовь безответная или ведьма находится в сомнениях, у нее начинают шалить силы. Так как они напрямую зависят от душевного состояния. На самом деле любовь — это большая сила! Но нужно научиться ею пользоваться. То есть впустить ее в себя. Но Ольга не могла сейчас этого себе позволить, хотя влюбилась, как вы понимаете, в Славу, но боролась со своими чувствами. Но те, кто когда-нибудь любил, прекрасно понимают, что это бесполезно. Любовь — это самая могущественная сила в мире. Сильнее, чем любая магия и оружие. Не всем она дана, ни каждый может ее принять или понять. Не каждому везет. Но тем не менее, она окружает нас всегда.

Так вот Ольга сейчас и испытывала небольшой кризис с силами. Сердце только и твердило «впусти», а голова повторяла «нельзя».

Наступил рассвет. Ольга уже была собрана и намеревалась выезжать. Людмила и Сергей пришли ее проводить.

— Спасибо вам большое за гостеприимство, за то что подержите больного еще немного у себя. К сожалению, у меня нет денег, чтобы расплатиться с вами.

— Вы меня обижаете, какие деньги, вы ведь сослужили нам большую службу. Не каждый стал бы тащиться сюда через болото духов, чтобы выполнить последнюю волю нашего отца. — Глаза Людмилы были по-прежнему опухшие от слез, но душевное состояние уже стало лучше.

— Да как же вам никто не сказал, что есть намного проще путь? — Сергей уже выглядел так, будто вообще ничего не случилось. На то он и мужчина.

— Все равно большое спасибо вам. Отправьте Славу послезавтра по безопасному пути.

— Конечно, все будет выполнено. Скажи, а куда ты едешь?

— Мне нужно заехать к одной колдунье, может, она знает, как найти выход... — и Ольга осеклась.

— В будущее? — Людмила сказала это так, как будто это была обычная тема для разговора, зато лицо Ольги сильно изменилось.

— Так вы знаете?

— Ты думаешь, что отец не рассказывал нам про свои сны и про тебя? И что, мы, потомственные ведуны, не заметили в тебе кровь Шумовских? — возмутилась Людмила.

— Ты еще очень молода. Ты нам ничего не рассказала, но мы и не стали допытываться. Если не сказала, значит так надо. Теперь терять уже нечего, все равно уезжаешь.

— Я так долго хотела вам сказать, но сдерживала себя. Подумала, что вы не поймете и примите за врага. А мне так дороги были минуты с вами.

— Ох. Иди сюда, — и они все вместе обнялись. Тепло и комфорт разлились в душе Ольги. Люди, которых она знала всего несколько дней, были ей дороже всего в этом мире, даже Славы.

— А может, вы знаете, как я могу...

— Если бы знали, давно помогли бы тебе. Скажи, в твоём времени ты была единственная в семье, или у тебя были братья, сестры?

— Моя родная сестра не получила дара. Но есть двоюродная сестра, которая и слышать не хочет о магии. Так что можно считать, что одна.

— Если ты не вернешься, наш род остановится?

— Именно как ведуны, да...

— Что же, очень печально, — проговорили хором брат и сестра.

— Я очень рада, что встретила вас на своем пути. Но мне пора.

— Как жаль. Но мы желаем тебе удачи в твоих поисках. А у меня последний вопрос: из какого ты века? — Людмила все не могла успокоиться.

— Из двадцать первого.

— Это так далеко наш род прошел? Удивительно. Ну что, будет возможность, заезжай снова. Мы всегда рады будем тебя видеть.

— Надеюсь, что не будет, — они вопросительно посмотрели на нее, — надеюсь, я вернусь домой.

— Ах, да!

Еще раз крепко обнявшись и поцеловавшись во все щеки, Ольга села на лошадь, чуть не забыв сказать самое главное своей родне.

— Стойте, Людмила, Сергей! Я совсем забыла вас попросить. У Славы нет лошади, но у него есть деньги. Вы можете где-то здесь купить ему лошадь, желательно быструю и выносливую.

— Да, конечно. Мы все сделаем, не переживай. Счастливого пути!

И Ольга ринулась в путь. Сникерс была рада, что все как в старые добрые времена, когда они с Олей вдвоем и никто больше не мешается. И не приходится идти медленно или кого-то ждать. И самое главное, не нужно тащить эту жуткую повозку. Просто любимая хозяйка и скорость.

Уже несколько суток в пути. Сникерс сильно устала. К тому же шла метель. Не сильная, но метель. Она била в глаза и задувала лошадь. Ольга пыталась защитить лошадь как могла, одела на нее накидку и наглазники, но с ее усталостью уже ничего не могла сделать.

— Ну, дорогая, потерпи ее чуть-чуть. Мы почти доехали к лесу. А там уже пешком.

К тому времени Слава уже выехал к месту встречи.

— Странно, но я не чувствую запаха дыма и не вижу его. Неужели в столь холодное время она не топит, — произнесла девушка, когда они почти дошли до места, где был домик.

Почему был? Можете меня простить, но это элементарно. Его больше не было.

Ольга встала как вкопанная и не могла понять, что происходит. Ведь, она была точно уверена, что дом был именно здесь. Обойдя все вокруг, она нашла будку пса, но дома не было, и глаза ее не обманывали.

— Что здесь произошло? Ничего не поминаю, где же Мария? — Подул сильный ветер и снег немного сдуло с того места, где был дом. Ольга заметила гарь на земле.

— Так. Магическая постройка темного. Все ясно. Но где же Мария, может, она переехала?

— Ирг! Ирг!

— Что ты мне хочешь сказать, Сникерс? Ничего не понимаю, а как же ее слова? И не видеть выход у себя под носом... может, это и была она? Но почему она тогда исчезла?

Сникерс начала дергаться, и тянуть Ольгу подальше от этого места.

— Что не так? Что ты хочешь?

Но лошадь не издавала ни звука, а продолжала дергаться.

Вдруг... Ольга почувствовала присутствие мертвой энергии. Лошадь и то быстрее почувствовала.

— Что это Сникерс, ты знаешь?

— Ига!

— Что???

Что-то происходило. Энергия явно была негативно настроена против Ольги и значит, что это была чья-то душа. Но почему негативно? Ольга пыталась полностью прочувствовать ее. Сникерс все больше пыталась вырваться и бежать. Ветер все больше раздувал снег с места, где был дом.

— Что происходит? Кто ты? — Но большой сгусток энергии все больше пытался воздействовать на ведьму. — Силой земли заклинаю, откройся, кто ты, и отпусти! — Ольга резко присела, дотронувшись до земли. Чернота от дома сгустилась и нарисовалось лицо.

Тот самый мертвый злой колдун. Даже то, что он умер человеком, не помешало ему являться рядом с отпечатками его сильных заклинаний. Да!

— Отпусти обиды и уйди прочь! — крикнула Ольга и он исчез. Надолго ли?

Девушка упала на колени. Нет, не потому что потратила много энергии и изнеможена, а потому что ее последняя надежда на возвращение домой только что испарилась, как туман.

– НЕЕЕТ! Мария – это лишь проделка колдуна. Он сам хотел заманить меня к себе. Странный пес. Выход под носом... он и был моим единственным выходом. То, что я так долго искала и о чем мечтала. Я убила его... Не согласилась, из-за принципов, что никому не служу во имя зла... Дура!

Она начала беспощадно бить кулаками по земле.

– Почему ты мне не сказала, что это мой выход? Что же мне теперь делать? Я не хочу жить в этом мире до конца жизни. Нет! – Как маленькая девочка в истерике, Ольга распласталась по земле, ветер теперь катил снег прямо на нее, но ей было уже все равно. Она громко рыдала, кричала. Все тело будто разрывало на части. Последняя надежда умерла! Все знаки, что должны были быть, те на которые было прочитано так много заклинаний, чтобы они указали ей путь. Все впустую. Она ничего не поняла.

– Что же я наделала? Я упустила свой единственный шанс! Нет!

Сникерс попробовала поднять хозяйку, но та по-прежнему билась в истерике на земле.

Вот так, могущественная колдунья, способная убить множество людей, валялась на земле в истерике. Хотя Ольга и сама иногда сомневалась, стоит ли ей возвращаться домой, и чаще всего у нее в голове находился ответ «не стоит». Но все же она так сильно верила, что сможет найти выход, что там будет жив Дима и с ним все будет хорошо. Ольга верила, что так сильно, как Дима, ее никто не мог полюбить. И она по-прежнему его очень сильно любила, до сих пор, и возможно навсегда.

– Я... мне нужна смерть... почему она не берет меня... ведь еще подростком я пыталась это сделать... но она не берет. Это несправедливо. Дима, ох, зачем я тогда побежала? Испугалась? Просто побежала... а теперь ты мертв. Виктор? Зачем пошел со мной? Если бы я не была так глупа и не нарывалась на людей, мне бы не пришлось выкупать свою честь убийством колдуна... который оказался моим единственным выходом! Я дура! Я во всем виновата! Зачем я все это натворила??? А-А-А-А!

Продолжение следует

Ирина Горбань
(г. Донецк, Макеевка)

СОЛОМОН

О том, что в семье скоро появится котенок, знал практически весь мой коллектив. Ежедневно велись бурные дискуссии о кормежке, уходе, купании, рваных обоях и гардинах, прогулках по столу и кроватям. Чего только не наслушалась я от своих коллег. Убедительно всем доказывая, что я не люблю кошек, брезгаю их запахом и шерстью, постепенно сникла. Как можно доказать убежденным любителям кошачьих, что я действительно равнодушна к мурлычащим хвостатым (только представляю шерсть на столе — становится плохо).

Собственно, в таком режиме и прошло время, за которое котенок подрос в своей родной семье рядом с мамой-кошкой. Первым ударом было известие, что кот совсем без шерсти. Это как? Совсем-совсем? Такое я видела только в журналах и то — мельком. Это безобразие с королевской осанкой гордо восседало на кошачьем троне.

— Ничего себе, король-кот! — подумала я тогда.

Дочь позвонила неожиданно быстро:

— Мамуль, приходи вечером на смотрины, мы привезли котенка!

Это известие всё равно застало меня врасплох. Это как ребенка из роддома? Или как-то иначе? Что в таких случаях дарят?

Конечно, я помчалась в зоомагазин. Гордо произнеся породу кота и ожидая от продавца бешеного восторга, я с удивлением рассматривала его равнодушное лицо. Мужичок медленно поднял очки на лоб, прищурил уставшие глаза и монотонно стал меня просвещать.

Теперь я услышала всё, что он знал об этой породе. Сфинкс — это звучит гордо, но неубедительно. Доброжелательный продавец захлеб начал перечислять все отрицательные стороны этой породы. «Хоть бы слово доброе сказал», — думала я, выслушивая приговор. Теперь и к бабке не ходи — будешь знать всё на несколько лет вперед. И тут я услышала волшебные слова:

— Единственная порода среди кошачьих, не вызывающая аллергии, — сфинкс.

Он многозначительно постучал пальцем по столу. «Даа... маловато будет», — подумалось мне и, прикупив когтеточку, я вышла из магазина.

Ну и новорожденный. Почему ты не вызываешь радости? Настроение, и без того серое, улетучилось напрочь. И с такими тяжелыми мыслями я позвонила в квартиру к детям. Возбужденные и радостные, они красноречиво показывали на ванную комнату... затем на спальню... под стол... И тогда мы, как по команде, друженько плюхнулись на четвереньки и поползли искать новенького.

Мало того, что котенок оказался один в чужой квартире с чужими запахами, без своих братьев и сестер вместе с мамашей, так еще это зрелище! Куча здоровенных чужаков ползала по всей квартире. Нам всем стало смешно, и мы расхохотались.

— Вот он, нашелся, — сказала дочура, вынося из детской комнаты это чудовище. Шепотом вскрикнув, я присела в кресло. Видеть сфинкса на картинке — куда более мягкое зрелище, чем то, что я увидела наяву.

— Мама милая, это как ты живешь без шерсти? — сказала я, отпрянув резко в сторону. Ужаснее всего было дальше. Случайно из-под руки дочери выскользнул хвостик. Это было выше моих теплых чувств. Я выскочила на кухню, мысленно ругая себя за трусость. Это был настоящий крысиный хвост. Я никогда в жизни не видела вблизи крысу, но сходство в моем воображении рисовало правдоподобные до безобразия картинки.

Даже рюмочка терпкого вина не придавала мне смелости, но как азартно я придумывала для новоиспеченного члена семьи кличку! Их было множество: Сет, Симба, Синг, Сан, Самсон...

— Соломон! — выпалила я и успокоилась. Все перетянулись.

— А в паспорте — Алекс, — сказали мне.

— Как Алекс? Это настоящий Соломон. И тут котенок, гордо выпрямившись, прошествовал мимо нас. Я машинально поджала под стулом ноги. Какой же безобразный у него хвост! Как можно смотреть без отвращения на этот длинный, тонкий, противный отросток?

Подхватив быстренько кота на руки, дочь молниеносно поднесла его ко мне и силой заставила погладить по спинке, словно он без моего прикосновения жить не мог.

— Оказывается, это не так противно, — сказала я, поглаживая тыльной стороной ладони Соломона.

— Тебе понравился Алекс?

АВТОРИТЕТОМ ПО СПИНЕ

Актный зал с каждой минутой всё сильнее напоминал улей. Глупое и избитое сравнение, но поверьте мне на слово: если бы шмели жили в ульях, вы бы точно подтвердили мое предположение. Только одним глазком я решила взглянуть из-за ширмы в зал и спокойно готовиться к концерту.

Взглянула одним, затем другим и, получив легкий подзатыльник, мигом соскочила со сцены в гримерку.

Интересно мы жили в комсомольские бурные времена: трудовые будни сменялись трудовыми вылазками в поле, сбором макулатуры для...

А для чего? Комсомол говорил: «Надо» и мы беспрекословно верили. Мне к лицу была красная косыночка из пионерского галстука. Пропуская описание своей персоны, всё же отмечу, что не в последних рядах была на своем крупнейшем предприятии.

Что такое учетчик в то время я еще не очень понимала: товаротранспортные накладные, путевые листы, ведомости. Кто, скажите на милость, в семнадцать лет четко воспринимает всю эту математическую абракадабру?

Была в нашем коллективе профорг Валентина Валентиновна. Как вам это имечко? Попробуй всё это выговорить мигом, если торопишься? А я была торопыгой. Так вот, решила наша профорг сообразить концерт к Октябрьским праздникам. Молодежи было столько, что было из кого выбрать таланты.

Догадались? Я попала в число талантов. И не просто в число, а должна была открывать концерт.

И вот стою я у ширмы и такая талантливая получаю подзатыльник. «Дура старая», — подумала я на тридцатипятилетнюю старуху. — «Толстуха, каких свет не видел, а командует». Я просто обязана была морально настроиться на серьезную тему. Главным стимулом была премия. Директор нашего предприятия торжественно пообещал, а слово он держит.

Зал постепенно заполнился: пошумел, погудел, кто-то свистнул и пошли редкие аплодисменты, переходящие в шквал, как мне тогда показалось. Кровь прилила к лицу, мурашки поползли по спине, волосы, наверное, встали дыбом...

— Вперед! — прошептала Валентина Валентиновна нашей ведущей, слегка подтолкнув ее к сцене. Я наизусть знала текст ведущей: интонацию каждого предложения, в котором славили Октябрь и все его атрибуты, но стояла, как вкопанная, в восторге от торжества этого действия.

Репертуар нашего выступления профорг подбирала и утверждала единолично и авторитарно. И песню, которую мы с девочками должны были исполнить, открывая концерт, она выбрала и торжественно объявила нам: «Там, вдали за рекой».

— А кто ее споет? — спросила я на репетиции и тут же получила вразумительный ответ:

— Ты!

Отказываться было бесполезно: я выглядела жалким цыпленком на фоне этой глыбы авторитета.

— Петь, значит петь... — потух мой голос.

Ведущая объявила нашу песню, мы, выпрямив спинки, приподняв подбородки, важно прошествовали на сцену. У Валентины Валентиновны была примета, которую ей кто-то вбил в голову намертво: каждого артиста хлопнуть по спине перед выходом на сцену. Что ей помешало сделать это с нами, я уже не вспомню, но она так торопилась исполнить этот ритуал во что бы то ни стало. Сломая голову, она помчалась за нами следом...

Грохот стоял на весь зал. Она упала! Это было зрелище еще то!

В этот момент мы гордо рассредоточились на сцене, занимая каждая свое место. И угораздило меня всё это увидеть!..

Аккордеонист сделал музыкальное вступление и... Я захохотала на весь зал. Звонко, заливисто, смачно!

Зал рванул от смеха. И верно говорят, что смех заразителен.

Эта зараза еще та инфекция!

Профорг, отряхнувшись, вытаращив глаза, грозно махала мне кулаками. Здесь бы мне остановиться, вникнуть в немые угрозы и начать концерт этой ответственной песней.

Отхохотав два куплета я поняла, что занавес перед носом закрыли.

Зал еще долго отходил от «серьезного» вступления и выступления. Я подумала, что реабилитирую себя в юмористической сценке, которая завершала наш концерт.

Как я играла свою роль! Зал ухохатывался. Только подозреваю, что не от мастерства моей талантливой игры.

СКАЗАЛА, КАК ОТРЕЗАЛА

Предложение поступило так неожиданно, что я мигом засуетилась по квартире, ища глазами спортивный костюм, кроссовки и нож. Так, что там еще берут с собой? Тормозок!

Холодильник, как всегда, был пуст и встретил меня сияющей чистотой и блеском. Даа... не густо, но котлет я могу нажарить быстро, благо, фарш в морозилке давно ждет этого случая. Снова случай... Что-то вся жизнь состоит из случайностей. Так, не буду об этом. Развожу здесь гегемонию. Мне бы трибуну, цены бы не было оратору!

В назначенное время я выскочила из подъезда и попала в теплый салон внедорожника. Подружки встретили свеженьким анекдотом и все покато повалились от смеха. Дорога была быстрой и веселой.

И вот он, лес! Мама милая, сколько машин стоит вдоль дороги! Это всё грибники?

Настроение упало вместе с первым шагом по сухой траве. А грибы собирают в очках или с биноклем? Я представила себя со стороны: в полном обмундировании, с корзиной, ножом и биноклем в руках, и рассмеялась на весь лес.

— Что, гриб нашла? — тут же услышала голос подруги.

— Поляну!

Зачем я это сказала? Налетела птичьей стаей моя команда, заглядывая мне под ноги.

— Девочки, а у меня есть котлеты! — предложила я.

Призыв был понят моментально, и все засуетились вокруг своих корзинок.

Поляну мы накрыли быстро и за первой рюмкой чая пошли радостные воспоминания былых поездок в лес. Потом еще по чайку. И, вспомнив зачем мы здесь собрались, разошлись в разные стороны.

Грибы попадались. Не совсем же я городская. Главное, что легко могу ориентироваться на местности. Вот это дерево я знаю, это видела, на этом бревне отдыхала... Машина была видна со всех сторон. Тут я услышала перепуганное «ау» где-то совсем рядом и помчалась на помощь.

— Что, в трех соснах заблудилась? — засмеялась я, глядя на испуганное выражение лица подруги.

— Ага, — сказала она, показывая на полупустую корзину.

— Не грусти, подруга! — резво откликнулась я на разочарованный ответ, — Вдоль дороги их видимо-невидимо!

На том и порешили.

И какими потайными тропами ходят местные жители? Где можно собрать эту уйму грибов? Глаза разбегались. Наша птичья стая налетела на импровизированный базарчик и в минуту размела лесной «улов».

В машине было тепло и уютно. Мелодия убаюкивала наши уставшие тела, но никак не могла убаюкать состояние радости от содержимого корзины. Столько грибов в багажнике мы видели только на фотографиях своих близких и дальних друзей в «Одноклассниках».

Наслаждалась этим состоянием я не долго.

Только войдя в квартиру и заполнив огромную часть кухни содержимым корзины и пакетов, я поняла, что вяпалась.

Оказывается, всё только начинается!

Перебрать, обрезать, помыть, пересортировать, перекипятить, консервировать...

«Не поеду! Никогда больше не поеду за грибами», — решила я раз и навсегда.

А слово мое — закон! Сказала, как отрезала.

Захожу как-то вечером на балкон, открываю ширму и вижу множество баночек с грибами. Какая красота!

— Подруга, — говорю я по телефону, — а вчера в лесу дождь прошел...

— Едем! — скомандовала она, и я помчалась к пустому холодильнику.

В ПОИСКАХ СМЕЛЫХ ВОСПРИЯТИЙ

— Путешествовать крымскими дорогами и не попробовать татарской самсы — грех гурмана, — сказал зять и плавно подкатил к придорожному кафе.

— Сидите здесь, я всё сделаю сам, — успел на ходу сказать Пашка и убежал. Вернулся он быстро. В руках держал ароматную самсу и бутылочку холодного кизилового компота.

Аромат мяса быстро распространился по салону автомобиля и, ни о чем не задумываясь, я смачно надкусила самсу. Но что это? Глазами я молниеносно начала искать, куда бы выплюнуть это... Ничего не найдя, вернула всё в пакетик.

Оказывается, самса — это лук. Мягкий, скользкий и отвратительный, который я не переношу. Быстро запив это угощение компотом, я устала в окно. Пусть дочь с зятем поедят, если им это нравится, но это — последнее кафе, где я хотела бы утолить чувство голода.

В таком настроении, мягко расположившись на заднем сиденье, я ждала следующего сюрприза: Паша решил вывезти нас в крымские пещеры.

Только я знала глубину своего страха. Спуститься в подвальное помещение для меня равносильно подвигу. Но это — просто подвал.

А здесь — настоящие пещеры! Сколько фильмов в свое время было показано по телевидению о сталактитах, о раскопках, находках.

В детстве я очень мечтала быть археологом и обязательно найти захоронение с огромным кладом.

А сегодня мне выдался шанс ощутить себя частичкой природы.

У входа в пещеру нам выдали теплые куртки на десять размеров превышающие наши. Удивило то, что нас, экскурсантов, было только двое: я и дочь. Зять мягко отказался спускаться в пещеру, мотивируя это тем, что всё уже видел сто раз.

Гид был немного навеселе и неугомонный балагур.

— Вот это экскурсия, — сказала я и поплелась за нетрезвым мужиком. Как сильно реальность отличается от телевизионных фильмов!

Балагур, красноречиво жестикулируя, указывал на сгустки камней, когда-то стекающих сюда грязной меловой водой и спрашивал нас, что за фигуры мы видим.

— Грязь, пыль и камни, — подумала я. Всё глубже и глубже увлекал нас экскурсовод в дебри пещерных этажей. Он что-то рассказывал, напевал мелодию, однажды даже нас попросил что-то спеть, чтобы почувствовать акустику.

Хоть верьте, хоть нет, но ни одной ноты не пришлось на ум, а развеселившийся экскурсовод настаивал.

И тут мое терпение лопнуло и, не рассчитывая на силу децибелл, я повысила голос.

Вот это акустика!

И вдруг мои возгласы поглотил шум. Он нарастал с такой силой, что я, закрыв уши ладонями, присела.

— Ничего страшного, — услышала я, — это всего-навсего летучие мыши.

— Мамааа! — закричала я. Мыши — это моя мгновенная смерть. Ничего в жизни я так не боюсь, как мышей.

— Все! Никакой экскурсии. Только домой, — твердила я, поворачиваясь, как волчок во все стороны, но обратной дороги нигде не было. «Это конец», — решила я и мое настроение просто растворилось в стометровой пустоте.

По волшебству зажглась маленькая лампочка, намекая на то, что еще не все потеряно. Тут появились перила вдоль ступенек. Мне хотелось бежать, но экскурсовод четко знал свое дело. Уверенным голосом он командовал моими движениями: вверх, прямо, влево, стоять...

«Мне бы тоже не мешало сейчас хряпнуть чего-то не кизилового», — подумалось мне и я поняла, что экскурсовод не дурак.

А кто тогда? Не я же!

Выходя из пещеры, я дала себе слово, что это было мое последнее посещение исторического пристанища летучих мышей.

Ах, как я ошибалась. Впереди меня ожидал «исторический» серпантин на Ай-Петри.

О, Крым, как мало я тебя знаю!

ПЯТНЫШКО НА ПАМЯТИ

Объезжая очередную яму, заполненную дождевой водой, смешанной с остатками масел и солянки, автомобиль время от времени останавливался. То ли дорога не позволяла ехать быстрее, то ли мысли останавливали, не давая новоявленным гостям вторгаться в размеренный ритм жизни улицы.

Но мгновения остановились вместе с дамой, вышедшей на обочину дороги...

— Кто это? — мелькнуло в голове. — Я должна ее знать. Обязана.

Пусть прошло ой сколько времени, но память работает не против меня. Нет, всё-таки против.

Мгновения снова покатались вместе с автомобилем. Я спокойно сидела на заднем сиденье хорошо затемненной машины. Разумеется, я была в выигрышном положении: пусть прошлое меня не видит.

Вот покосившийся забор без калитки, там — бурьяном поросший двор, еще дальше завалена дымоходная труба на крыше...

«Словно по Чернобылю прокатилась», — подумалось мне.

Разруха зацепила улицу своим сильным черным крылом. Ай, птица, и всё-то тебе под силу! А мне бы только глазком увидеть дом своего прошлого... Вот и береза. Стоит, шумит желтой кроной. Как ты без меня? Вот и забор покосился от времени и чьей-то лени.

Почему я боюсь смотреть на окна? Что они мне расскажут? Или скромно промолчат?

Естественно, промолчали. Каким должен быть диалог между нами? Совершенно прозаическим.

Нежная волна памяти молниеносно улетучилась, оставив осадок горечи в душе. Окна взглянули на меня с укором. Мутный их взгляд вдавил меня в кресло и я машинально схватилась за ручку двери.

– Поехали! – быстро сказала я и...

– Нет, постой! Там кто-то выглядывает из-за калитки...

Аккуратно припарковавшись у обочины дороги, мы сидели, зная наверняка, что никто не сможет рассмотреть салон изнутри.

Она была совсем старенькой. По укоренившейся привычке сверху домашнего халата надето два фартука. Верхний – чистый, для гостей. Подслеповатыми глазами Она рассматривала «чужаков».

Почему я ее боялась раньше? Почему мне было трудно ей нахамить, дать отпор ее введливым угрозам и придирам? Моя слабость или воспитание? Раньше думала, что слабость.

Подумалось, что она, возможно, стала добрее. Во всяком случае, так должно быть к определенному возрастному этапу.

О, прошлое, молчи! Я умею слушать тишину.

Жаль, что со временем разучилась плакать. Может, повода больше не было? (Мне понравился диалог с собственной персоной).

Глубоко вдохнув аромат салона, я спокойно сказала:

– Теперь поехали!

Не болит душа. Не за кем.

Нет, я не черствая и не жестокая. Просто я теперь сама знаю, как надо жить. С улыбкой и открытой душой!

Живем, девчонки!

ХМЕЛЬНОЙ БЕРЕЗОВЫЙ СОК

– Подруга, ты давно ела медвежатину? – услышала я шепот Тани во время лекции.

– Только что, на перемене, – пошутила я, продолжая быстро конспектировать новую тему, нарушая все правила каллиграфических принципов...

Всё! Я в ступоре! Ну кто, скажите мне на милость, предлагает медвежатину на голодный желудок? Больше ни о чем не думалось. Минуты тянулись, ползли, спотыкались о последние строчки конспекта и наконец прозвенел звонок.

Плавным движением фокусника я, отправив тетрадь в сумочку, повернулась к подруге:

– Так что ты там предлагала? Какие пирожки?

Танюша весело засмеялась и сказала:

– Муж ждет нас вечером после лекций в гости.

– И тебя? – улыбнулась я.

– Конечно! Я сегодня тоже гостя. Ты забыла про День учителя?

«Забудешь тут», – подумала я. – «Все дома отмечают, а я на сессии да еще и за миллион километров от своей кухни».

Грустинка скользнула по моим глазам, но, взяв себя в руки, я отмела все прочь.

– Студент готов! – откозыряла я, и мы отправились к Татьяне в гости.

Наверное, по правилам жанра, я должна в этом месте описывать окружающую природу, прохожих, чувство голода, но это затянется на неопределенный срок и я просто умру от голода.

Стол был накрыт, руки вымыты, салфетки розданы, сок налит.

Ах, да, это мне так сказали, что это сок. Напиток слегка напоминал вкус браги. Откуда я знаю вкус браги? Понятия не имею, но всё равно буду утверждать этот факт.

Я с детства помню вкус березового сока: слегка подкисленная прозрачная водичка. Но то, что было у меня в бокале, я бы никогда не узнала.

Мои друзья с умилением наблюдали за тем, как я дегустировала напиток.

Да-да, мне это явно понравилось. Особенно после первого выпитого бокала. До сих пор ничего не говорю о медвежатине?

Вы и правда поверили в это?

Но то, что я дегустировала мясо дикого кабана — сущая правда.

Муж Татьяны оказался не только великим кулинаром в масштабах этой квартиры, но еще и великим балагуром и весельчаком.

Он преподавал нам урок поглощения дикого мяса, не забывая при этом о березовом соке.

День учителя удался.

Наезды в этот городок были плановыми, предопределяющими к кропотливой работе: зачетам, экзаменам, нервным срывам, слезам тоски и радости.

Все это осталось за кадром воспоминаний.

Успешные экзамены располагали к успешному выпускному с вручением дипломов и, как водится, распитием прощального шампанского.

Перестройка определила свои правила, которым мы, педагоги, обязаны были по своему статусу следовать.

Мы и последовали. В институт.

Ожидая торжественного приема педагогического коллектива, ректора, администрации, предвкушая великое торжество, мы топтались во дворе института. Есть здесь вековая достопримечательность — огромный граб, который облюбовали местные вороны. Мелкими перебежками мы, выпускницы, заскакивали в здание института, где нас остановила вахтерша.

Ничего не понимая, мы начали объяснять, кто мы такие и зачем сюда пришли.

Быстро взяв ситуацию в свои руки, вахтер водрузила ведомость на стол и начала зачитывать наши фамилии.

Вот так нам вручили дипломы. Среди синих выделялся один красный.

Ни аплодисментов, ни поздравлений, ни шампанского.

С Днем учителя, девочки!

Вот так мы перестраивались или подстраивались к новым законам.

А дома?

Дома мы никому и никогда не рассказали о том, как стали законными и полноправными носителями высокого звания.

И не думайте, что в голосе моем звучит горечь. Напротив!

— Ах, молодость, ты столько вынесла!

Но я бы с легкостью с тобой встретилась!

— Поболтаем?!

*Александр Рейзен
(г. Берлин)*

ПРАКТИКА

— Ну, заноза! Ну заноза! — кричал Митя, техник металлист, своей коллеге Ниночке Васильевне, блондинке с внешностью Моника Витти и голосом Карузо, увлеченно повествующей о при- и злоключениях одной из своих многочисленных подруг в прериях мужских достоинств или, как потом выяснилось, голых недостатков.

У Мити был зычный баритон и бычья шея, на которой весело существовала подрумяненная первым северным загаром, большая и круглая, как спелая казахстанская тыква, голова.

— Эти кандибобины разбей! — крикнул Митя, указывая буторки на гильзе. Я нагнулся: Что?

— Пупины разбей, — Митя никогда не повторялся.

От него пахло кафе и ресторанами большого города, в которых дары природы переводили на нечто, называемое «шницель», «лангет», «гарнир», «Экстра», «Столичная».

Гильза отбита, отштампована, обрезана. Я перехожу в кабинет к своей основной учёбе, работе и практике.

Работы много. Больные — или, как говорит наш заведующий, «паценты» — идут один за другим, или иногда за другим лезут сразу двое... И тогда медсестра или санитарка наводит порядок, оправдывая тем самым мнение, что младший медицинский персонал во время врачебного приёма просто незаменим-необходим...

Итак, я прохожу практику, или провожу её, стоя за спиной прикреплённой ко мне доктора Шуры — рыжей, модной, немного полноватой, лет 25, и жду, когда она уступит мне своё место и доверит хоть одного больного, потому что «кресло» у нас на двоих одно, и больной НАШ!

Этого обобщения техники и людей я должен раз и навсегда придерживаться, потому что порядок этот заведён издавна и навсегда. И ещё как-то раз выяснилось, что времени на одного больного, или, как говорит наш заведующий, «пацента» я трачу в два раза больше, чем доктор Шура.

Если у доктора Шуры есть план, а план нужно перевыполнять... но, кажется, этому доктор Шура только рада, потому что все её больные — её знакомые.

2

Вся их жизнь — её жизнь, её — и их. Каждый приносит ей частичку своей жизни и забирает частичку её... А её жизнь — это непрерывные «случаи, случайности, впечатления, и неудачи», которые гонятся за ней, как борзая за зайцем, и порванные чулки, поглощающие львиную долю её зарплаты.

А мне зарплаты не платят, мне платят стипендию — 35 рублей — пол-зарплаты врача! — чулки у меня не рвутся, знакомых я во время приёма не завожу, а мои ко мне не ходят...

Про мой план можно сказать, а можно и умолчать, и работаю я в два раза медленнее доктора Шуры.

У меня нет её стажа, нет её опыта... Я стараюсь делать всё предельно точно и максимально аккуратно. Я люблю красоту обточенных зубов, если уж они торчат, как два обструганных пня, то торчать они должны красиво и обструганы должны быть гладко. Мне жалко переточить зуб хоть на одну десятую миллиметра, и подобные случаи я переживаю до боли в душе; совесть грызёт меня, как собака, хотя эти доли миллиметра не имеют никакого значения ни для «работы», ни для больного.

— Але, мастер! Если коронка одиночная, её надо отбелить! Я поднимаю голову и вижу в дверях стоящего Митю. Его белый халат одет на голое тело, а круглая физиономия выжидательно и как-то сбоку смотрит в мою сторону. Правая рука упёрлась на пояс, а левая — в косяк двери. Весь его здоровый, румяный вид, ещё более здоровый, чем полчаса тому назад, красноречиво говорит, что он доволен сам, самим собой, своей собственной... работой и состоянием.

Если вы видите перед собой Купидона или маленького бога любви, ставшего большим дяденькой, то я — служителя пушкинских бань, который напоминает запарившимся, что общие шайки (тазики) для мытья незачем нести в раздевалку, а коль притащил, то извольте вернуть обратно в мою-щуюся залу...

Я иду в техническую, или, как говорит наш заведующий, в «лабораторию».

— Как отбеливать, знаешь?

— Нет, — отвечаю я.

Митя наливает мне в пробирку какую-то «47» смесь соляной кислоты. Говорит: «Это солянка, азотная с водой» — бросает туда гильзу и зажигает спиртовку.

3

— Когда закипит, сосчитаешь про зайчика 2,5 раза. — Митя уходит.

— Какого зайчика? — кричу я вдогонку.

Он поворачивается и смотрит на меня, как бык на светофор.

— Какого зайчика?! — вновь интересуюсь я.

— Раз, два, три, четыре, пять, — отрывисто произносит Митя, загибая пальцы в кулак, — и так далее 2,5 раза, — и его широко раскрытые серые глаза грустно и недвусмысленно смотрят на «современную молодёжь».

Конечно, «зайчик» — это не школьная истина, не письмо Евгения к Татьяне, и я никак не мог предположить, что для определения времени Митя пользуется именно этим способом...

Я только ответил, растягивая первый слог: «По...нятно «— и пошёл считать про зайчика.

Митя — человек простой и прямой, если Митя чего надумал, то обязательно скажет.

Глядя на меня, рвущегося к креслу, Митя сказал: «Ты, парень, должен здесь хлебнуть обстановки, вот твоя основная комбинация».

Хороший парень Митя, прямой, жаль лишь, что иногда говорит «чего... ещё не надумал». Только не подумайте, что я обиделся (не такой я человек,

чтобы обижаться на старших...) — может, он и прав, а может и нет..?! «Тебе, парень, нужно хлебнуть обстановки», и я хлебаю её, клею слепки, много слепков, отливаю модели и ...принимаю больных. Доктор Шура, ваша женская душа чувствует больше мужской, хоть боитесь вы за моих больных ещё больше меня. В конце рабочего дня пришла старушка, больная, пациентка. Выглядела она моложе своего возраста. Я ей дал 76, оказалось 77. Она была польщена и весь приём кокетничала.

— Кокетка, — заметил я вполголоса.

— Кто? Я? — спросила сидящая здесь же доктор Шура.

— Вы?! — Есть немного, как и всякая женщина, но вы своего кокетства боитесь.

— Конечно — 38!

— Да, а ей — 77 и она уже ничего не боится.

Чтобы предупредить возможные «уяснения» или поставить все точки над «и», сделаем маленькое уточнение.

4

Существует три вида читателей.

Первый: прочитает, отложит в сторону и похоронит в небытии своей памяти.

Второй: прочитает, хмыкнет или бросит фразу в любую из двух сторон.

Третий: всегда докапывается до истины, борец за идею. Спросит: «О какой, собственно, практике идёт речь?!»

Боюсь, что вопросительных и восклицательных знаков будет больше, чем букв в рассказе; я бы посоветовал ему обратиться в любую зубоветеринарную поликлинику и спросить там, как стать такими, как вы?!

ОПЕРАЦИОННЫЙ ДЕНЬ

Если вы не учились ни в каком медицинском учреждении, вам не понять того тонкого и специфического аромата, который звучит в слове «клиника». Но, как и любой особенный и незнакомый аромат, он полностью окутывает вас в начале. Вы дышите им, пьёте его и стараетесь осознать. Это длится сравнительно не долго, не более семестра, затем вы привыкаете и перестаёте замечать его. Но всё равно, многие годы спустя, даже не будучи связанным с истинно клинической медициной, вы прекрасно помните и отчётливо представляете этот первый аромат клиники, но это уже комплексная ассоциация. Вы представляете себя в белом халате, идущим по широкому и чистому, выложенному плиткой клиническому коридору. Все врачи и сёстры куда-то спешат, мимо ковыляют больные в цветастых фланелевых халатах; один врач примостился за белым круглым столом у стены и что-то строчит в истории болезни.

Только что окончился обход, профессор направляется в свой кабинет «консультировать» двух-трёх неопытных врачей, остальные разбегаются по своим палатам. А вы никуда не разбегаетесь. Вы только что пришли, опоздали, все пропустили по клинике заболеваний, но вам всё равно, у вас всё впереди — вы студент. Вы идёте не спеша, лицо до глаз закрыто маской.

Вы уверены, сейчас по коридору лучше идти в маске. Во-первых, потому что опоздали, а если опоздали, то будет неприятность, а в маске могут и не

узнать. Во-вторых, если, предположим, вы вышагиваете без маски, а вид у вас чужой, ещё не клинический, вы прекрасно понимаете, это сразу видно. Вдруг проходите коридор, а в нём карантин. Все-то знают, они здесь работают, если не сами этот карантин установили, а вы о нём слыхом не слышали. Вас тут же останавливают, делают замечание, кто такой — студент, а почему в это время здесь, опоздали, гребут к профессору... и пошло и поехало.

2

Профессор не пускает вас в клинику, ректор в институт, а родители домой, но — стоп! Вы идёте по коридору в хирургической маске, закрывающей вам нижнюю половину лица, которая, я вам открою страшный секрет, одета совсем не от этих всех бед.

Вы идёте и смотрите на всю эту пахнущую лекарствами медицинскую жизнь, внимательными глазами, если уж не профессора, то доктора наук или на худой конец молодого, но подающего необыкновенные надежды аспиранта.

Больница эта вам не больница, а какая-то сверхнаучная клиника, и вы идёте на операцию, которая начинается через 15 минут, о которой вся клиника говорит уже 3 дня, всё уже готово, и ждут только вас. Вы подходите к широкой выкрашенной белой краской двери, над которой горит фонарь с магическими словами «Идёт операция». Уверенно открываете её и попадаете в первую предоперационную раздевалку, длинную комнату со шкафчиками и скамейками по бокам; снимаете сапоги и надеваете тапочки — хорошо, что вы их не забыли, а то бегали бы по палатам, выклянчивали какие-нибудь рваные, 49 размера, у медсестёр-хозяек.

Снимаете шерстяную рубашку: профессор предупредил, «шерсть, накладные волосы, сапоги и портфели оставить здесь!» Раздеваетесь вы не один, ещё трое студентов из параллельных групп делают то же. Вот одна студентка повернулась к вам спиной и прячет парик в сумку. Парень, это студент Гуткин, снял сапоги, в которых он приехал «из-за города» и быстро запрятал их под скамейку, поглубже к стене, чтоб никто не видел. Гуткин типичный студент, немного чудаковатый, рассеянный, белобрысый, с добрыми, немного испуганными серыми глазами. Он опоздал и спешит: боится, не пустят. Чудак, всех пустят — сегодня показательная операция, в крайнем случае — последний ряд в зале-операционной. «По... по... жалуйста», — Гуткин немного заикается, застёгивая халат.

Я помогаю ему, завязываю завязки хирургического халата на его полной спине, на шее. «Не... не... не... надо!» — на шее Гуткин не завязывает, душно, ещё раз на спине, внизу... Гуткин купил новые тапочки — школяр! Потом закатываю ему рукава халата.

3

«С...с...с., — брови Гуткина ползут вверх, — ...пасибо. Давай я тебя завяжу!» Мы проходим во вторую предоперационную. В этой большой и просторной предоперационной, светлой от булоснежного кафеля, ламп дневного света, зеркал над мраморными раковинами и белых халатов; льётся вода — студентки уже «моются». Гуткин стоит в углу около медсестры: «Па... па... жалуйста...»

Медсестра корцангом — это такие длиннющие, наподобие ножниц щипцы, подхватывает из стерильной кастрюльки две стерильные щётки и бросает их Гудкину в ладони.

Мы «моемся», — моем руки. «Ка... ка...я операция?».

«Не знаю, — отвечаю я, — сам, опоздал!». Мыло летит во все стороны, но мы не замечаем этого.

Мы трём щётками руки, начиная с тыльной стороны поверхности, потом ладони и ногтевые ложки, вычищая все бактерии и организмы из мелких пор на коже.

Гудкин трёт руки, сопит и ничего не чувствует. А по операционному блоку уже плывёт запах нашатыря. Не волнуйтесь, ещё никому не плохо, плохо бывает только в операционной... Просто студентки, опережая нас, мочат руки в растворе с нашатырём 5 минут, по «Спасокукоцкому—Кочергину».

Мы тоже опускаем руки в тёплый 0,5 % нашатырь и видим в открытую дверь следующую, самую главную предоперационную. Это небольшая квадратная комната. Справа у стены стоят 4 табуретки, рядом хлопочут две медсестры. На табуретках биксы — большие кастрюли. Одна кастрюля открыта. Из неё извлекают стерильные халаты и одевают студенток.

Их руки подняты кверху. После мытья руками прикасаться ни к чему нельзя и помогать медсестре одевать себя нужно так, чтобы тоже ни до чего не дотрагиваться. Это целая наука, которая приходит с опытом и не ранее чем через год.

Слева у стены под тремя яркими лампами дневного света стоит столик.

4

Уже «одетые», мы подходим к нему, и третья медсестра откидывает, ухватившись за два небольших зажима, тоже как узкие ножницы, салфетку со столика. Столик уставлен пузатыми склянками с густой бурой жидкостью и жидкостью прозрачной. Вдоль наружного края лежат лучинки, на концах обмотанные ватой. Мы протираем руки спиртовыми марлевыми тампонами, а потом лучинками, смоченными в йоде, обрабатываем йодом ногтевые ложки и суставы. Путь в операционную свободен. Огромная, неравномерно освещённая комната, скорее зал у дальней стены под тремя безтеневыми лампами, три операционных стола.

Мы идём к одному из них — самому левому. Ещё левее от него, полукругом выстроились две группы студентов.

Во главе стола спиной к нам на высоком табурете сидит операционная сестра. Справа от неё стоят два оперирующих хирурга. Больная уже на столе. Вы проходите эти двадцать метров комнаты, отделяющей вас от операционной, и думаете, — с какой легкостью жизнь распоряжается вами, вашей жизнью и, конечно, мыслями. Идёте вы по клинике и вы — «свет в окне». В раздевалке предоперационной вы уже что-то среднее между профессором и студентом. Моете руки, и вы известный оперирующий хирург. Но одеваете халат, и медсестра вашей некомпетентностью возвращает вас... до уровня студента. А в операционной вы просто мальчик «с улицы», у которого знания остались в портфеле, а душа опустилась до уровня больничных тапочек.

В этом огромном, с высоченным потолком, бурый в плитку полом зале, вы не знаете где встать и как встать. Встанешь спереди — интересующийся студент, — это хорошо, но оказывается, что своей полной нестерильностью студенты крайне редко принимают участие в операциях, вы слишком

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

близко приблизились к операционному столу и вам, к бесконечному вашему стыду, резко крикнут: «Отойдите! Отойдите от стола, — вы же не стерильный!» Встанешь сзади всех, и там видишь только спины своих же студентов, и какая скука топтаться так два часа на одном месте.

5

А два участвующие в операции хирурга шутят, подбадривая больную, настраивая себя и укорачивая предоперационное время. Шутят с солидным достоинством. «Вы, Лев Васильевич, море спокойствия». — «Только подле Вас, Геннадий Адамович». Больная хлопает глазами, чувствуется, что так ей легче, чем молча. Под ярким направленным на неё светом видно, как она чуть сжимается, голая под простыней, и расслабляется вся снова.

В арке широкой двери операционной, способной одновременно пропустить две тележки больных, показывается профессор. Он идёт к нам твёрдым шагом спокойного и уверенного человека. Он знает, что сейчас на него смотрят все, и больная; и всё, что в нем есть уверенного, твердого и спокойного, должно в этот миг передаться нам всем. Профессор небольшого роста, широкий. Халат одет у него на голое тело, шапочка открывает широченный лоб, а засученные рукава волосатые до кистей руки. Он сухо здоровается, обводит всех внимательным взглядом. — «Вы готовы?» Все молчат — все готовы.

Работа закипела. Больной дали наркозную «маску». Она два раза содрогнулась и затихла — наркоз! Операционная сестра из пробирки насыпала хирургам «тальк» (стерильный порошок для натягивания перчаток) на подставленные ладони. Они растёрли его — «вымыли руки» и, медленно подводя их к перчаткам, как бы прицеливаясь и... раз... рука в перчатке, и ещё раз, другая в перчатке. «Фиброма груди правой! С подозрением на... При подтверждении диагноза... — профессор остановился... и все поняли «биопсия», — там увидим!» В его голосе звучала надежда. — «Скальпель!» — Операция началась.

Розовая, с наворачивающимися капельками крови, на нас, сквозь окошко простыни, смотрела человеческая «ткань». Раздвинулась вместе с кожей жировая клетчатка, разошедшаяся О-образно вдоль разреза, вскрыты мышцы. Работа кипит в следующем тёмно-розовом слое молочных желез.

6

— Тампон, зажим, зонд, зажим, перевяз... Зажим, тампон, вязать, салфетку!

Уже отослан кусочек железы на «биопсию», — биохимический анализ. Прошло более полутора часов. Все заметно устали. Ноги становятся чужими, их хочется отбросить куда-нибудь в сторону и присесть. Мы с Гуткиным стоим, как ни странно, в первом ряду, и держим согнутые в локтях руки с сомкнутыми пальцами у самого подбородка, ни до чего не дотрагиваясь. Мне уже давно стало ясно, что наша стерильность, через полтора часа уже не стерильность, никому сегодня не потребуется, и вообще это какая-то ошибка. Я оглядываю ещё раз операционный стол, застывшего рядом студента Гуткина и опускаю руки, стерильность закончена.

— Скальпель!

Медсестра мешкает с зажимами, кто-то просит тампон. Бегут секунды, дорожке золота.

— Даст мне кто-нибудь скальпель?! — взрывается профессор. Секунда, другая... и тут происходит совершенно неожиданное.

Гуткин, который до сих пор тупо созерцал яркое от света и красок операционное поле, вдруг «проснулся»; устремляет взгляд на сестру, разжимает пальцы и протягивает правую руку к разложенным перед ней стерильным инструментам. Криво выуживает первый подвернувшийся скальпель и подает профессору.

— Па... па... жалуйста!

Все ахнули: «Господи!» «Руки..!» — вскрикивает операционная сестра... И машинально, почти протянутая рука профессора в резиновой перчатке, отдёргивается назад. На мгновение операционную окутывает шоковая тишина. До сознания каждого в этот миг долетает, что всё мчится к чёрту, всё. Всё нужно заменять, стерилизовать заново, дополнять; кровь идёт, рана зияет — какое безумие! Профессор вскидывает глаза на оторопевшего студента...

— Вы?! — подавился он.

7

Вытаращенные глаза Гуткина падают, за ними падает на грудь его голова, мы видим сзади, как дрогнули его плечи. «Провалиться бы ему сейчас куда-нибудь и нам бы за него провалиться, бедный Лёва! Гудкин резко захлёстывает рукой глаза и быстро нетвёрдо шагает вон. На середине расстояния до дверей от него, бледного, как смерть, шарахается в сторону лаборантка, прижимая к груди листок с результатами «биопсии». Сквозь густую неподвижную тишину неожиданно и властно гремит голос профессора:

— Студент! Пойдите! Покажите руки!

Гудкин вздрагивает от неожиданности, медленно вытягивает вперёд руки с растопыренными пальцами.

— Откуда йод? Вы мылись?

Гудкин весь иссиние-бледный с трясущейся нижней челюстью закрывает глаза, рот его как-то нелепо кривится, он весь напрягается, краска бросается ему в лицо и он заикаясь, выдавливает:

— Т... т... да!

Вздых облегчения и слабой надежды заполняет операционную. Профессор медленно отворачивает голову от Гуткина и, стараясь казаться спокойным, одними глазами обращается к подошедшей лаборантке.

— Всё хорошо, — мягким, немного встревоженным голосом отвечает она, показывая на лист бумаги.

— Нитки! Шить! После операции курс антибиотиков, — профессор сдёргивает маску и идёт к выходу.

ОПЕРАЦИОННЫЙ ДЕНЬ ЗАКОНЧЕН.

ИРИНА УРАЛЬСКАЯ

г. Уральск

Шорох дождя

А в шорохе дождя... вина и капли гнева...
Сквозняк остывших душ и нежности

тоска...

И яблочный аромат и сон забытой Евы...
И перестук копыт, скрипящая доска...

А в шорохе дождя оконная преграда
Меж мокнувшей травой и зябкая печаль...
Такая милая, зелёная услада...
Что хочется реветь... закутав плечи в шаль...

Дочке Лоре...

Нержавеющий остров надежд,
Отправная точка июнь...
Дождь на время меня утешь,
Пестуй зелень распутных нюнь...
На запутанных травах тля
Уже поедом соки пьет.
Дай нам, солнце, с небес угля...
Жарь, бери землю в оборот...
В месяц ей доносить плод,
Не тягать, не впрягаться в дела...
Продолжая яикский род,
Матка-пчелка дела сдала...

С добрым утром, мир!

Бубенчиком звенит будильник.
Ямщик. Дорога в сон. Ноябрь.
Компьютер – милый собутыльник,
Ночной портье и канделябр.

Сервант стоит с набитым брюхом,
Все мысли списаны в тетрадь.
Бубенчик тренькает над ухом...
Пора... хватать дурочку валять...!

Обманкой ночь. Разлукой дождик.
За серым домом снова дом...
А ты лежишь, холоднокожий,
Весь мир в головушке несом...

Южное утро, или завтрак на море.
Юга, юга... а вьюга после...

Потом холодный дождь со льдом...
Сейчас на завтрак Рислинг... тосты...
И думы только о былом.

С утра на море взгляд, за далью...
Невосполнима из утрат
В веселой шляпке и с вуалью...
А ты был друг, поэт, пират...

Спартанцы, Рим, иезуиты
Стучались по ночам из книг.
Такая вера в манускрипты!
И век – не верящий старик...

Веселая морская беззаботность
Любовные болезни сон-трава.
Все в бытности моей ... всё в нотность...
Всё повилики кружева...

Зари безгрешная сонливость,
Высокий запах тополей...
Напротив – крыши красногивы...
Пора... Ура... Му Гарри Дау.

Болящей

В сотом ряду спросят имя твое.
Сорок ада кругов – смерти жнивье.
Словом убита третья глава,
Добрый поэт не щадил головы.

Крайняя справа, бесплотность и дух.
Матери божьей помолимся вслух.
В ленте бегущей строкою года.
Тонкая, видно, прослойка стыда.
Волос не долог, но долог твой путь.
Дайте же Боги ей передохнуть!
Сыпьте на раны ей благодать земли.
Пенная ванна позор отбелит.
Боль перекатную вынесем вон.
Свято водою омоем под звон.
Встань же! Любимая – имя твоё!
Мучениц святых восполни живьем.
В книге судьбы второю главой,
Первые дни с девичьей судьбой.
Сладко баюкает сонный наркоз,
Плачьте! Не видит она наших слёз!

*В память деду...**(Виктору Игодеву, к 9 мая)*

– Побереги себя.
 – Побереги себя ведь ты у нас один!
 Весна сбивается со счету,
 Погибших тьма, окрашенных седин
 – Да может, мама, я по счету, сотый!
 Японская война! Еще один форпост.
 Туда собкоры мало наезжали.
 – А можно, мама, мне один вопрос?
 Ты девушку мою не видела?
 Ну, Олю...
 Тут море близко, с моря и придут.
 Всё ждем чего-то. Трудности достали.
 А ты сказала, наших немцы жгут.
 Не бойся, мама, нас не побеждали!
 Пройдет война!
 Вернусь.
 Мы на потом
 Отложим наши яростные споры.
 Отремнтируем наш старый дом.
 Женюсь!
 Не плачь, вот только если что...
 Я скоро!

Ещё холода не отпеты, суровости стужи,
 Бед лохматых страхи, сновидений ужас.
 Одиночества канут в пропасть будней.
 Заледенеют души в ожиданиях студнем.

Навеет усталость...алость в песни подруг,
 Нотки страданий, маний, медный испуг,
 Червонного золота осень с лени отмерит
 Всем поровну рваных, парчовых материй.

И я горю

Вы видели, как плачутся берёзы,
 Сгорая на ветру?
 И я горю,
 Вплетая в косы
 Небесную зарю...
 За дальним, ещё черным, полем,
 парило ленью.
 Взметнулась пара дроф.
 У них,
 вы знаете,
 весеннее скрещенье...
 Правдивая любовь.
 И может быть в машинном
 царстве
 Какая-нибудь старая модель
 Вдруг зарычит
 и тронется со старта...
 Чихая под капель.

Весна, однако, в каждой капельке крови...
 в истоме утра, в неге ветра,
 Мне вечер шепчет: для него живи...
 Надев так мало, юбку, на резинке гетры...
 Прозрачный день парит мечтой,
 И будоражит чувства запах,
 Пост кончится, и вечности застой,
 Любви хочу, без боли и без страха...
 Прижавшись, наконец, принять
 Набухших губ малиновые страсти...
 А время повернется вспять и
 не угаснет...

Неизвестные города...
 Где они неизвестные икс,
 Города с бормотанием улиц
 Их кошачье протяжное kiss...
 И улыбки блондинок-блудниц...???

Заводные «Ролексы» в час,
 Помнят, строго – любовь в воскресенье.
 Колокольню-красивый бас,
 Шепчет в ушко: – «mersi» без стеснения...

МОрок чёрных фабричных труб,
 На задворках отходы зим.
 Город – розовый сад, город – губ,
 И рекламных плакатов дым.
 Растекаются по кварталам
 Полицейских машин гудки.
 Заграница липнет к мешкам,
 Пахнут долларом им с руки.
 Где магнолий пушисты цветы,
 А у женщин тысячи пут,
 Разевают дельфины рты,
 По ночам, тоскуя, поют...

Подругам

Я всё в охапку соберу...
 Гобсеком буду будьте-нате...
 В сосновом солнечном бору...
 Расположу я, тебе палати...
 Пойдём, подруга, звон капель...
 Напиток росный и пьянящий,
 В тумане ждущем колыбель...
 И сновидень животворяща
 И малахитов светляки...
 Подсветят лунную тропинку
 Вулкана кратны маяки...
 Курятся пенно... на картинку...

Не жди, не помни, не проси...
 не поминай, как зван...
 Ушел осенним кораблем небесный
 караван,
 Ушла беспмятная дрожь любовного
 тепла,
 Ушла, а ты всё ждешь, и ждешь,
 и не приемлешь зла...
 А кто-то плачет за тебя, покашляв
 промолчит...
 И тишина, наполнив зал, простужено
 ворчит...
 С размаху выключаешь свет, не смят
 дивана плед.
 На улице счастливый смех её, звучит
 вослед.
 И тещу «мамой» назовёшь, в надежде
 на тепло...
 –Ну что ты приезжай сынок, коль сильно
 припекло!
 Пока ещё приходит дочь, по воскресеньям
 цирк.
 Свобода проклята пока, и гложет слово
 «МИР».
 Плевать на всех, чума любовь и свят её
 портрет,
 И стыд, и горечь на губах, от познанных
 побед.
 Соперник жалок и смешон. Да трижды бит
 судьбой!
 Мой приговор: Будь счастлив вор!
 До койки гробовой!

Едкая мысль

*Как будто все мы – только гости поздние,
 как будто настпех поправляем галстуки,
 как будто одинаково – погостами –
 покончим мы, разнообразно алчущие.*

Иосиф Бродский

Всегда Иосиф Бродский, гость заблудший,
 и Осип Манделштам за ним, от голода
 опухший,
 А там и Пастернак... с веревочкою, поздно,
 Несёт тот самый чемодан, не мне
 пригодный.
 Цветаева точёным профилем вонзается
 в березы...
 – Не посылайте нам безудержного Оси...
 Распушенные косы Ахмадуллиной
 черны и кротки

нежнейши руки, что писали письма
 – тётке
 Ахматова к окошку отвернулась, машет
 Блоку...
 И Северянина, повёрнутого к жизни боком...
 Не разглядеть сияние, развеяны со
 прахом...
 И веет орхидеи южной запах...
 По нам ...таким же поздним... и ненужным...
 Гортанным, раскричавшимся... на лужи...
 Таким же сумасшедшим, и смущенным...
 Пришедшим кучками на ужин в вечер
 божий!

Колесо САНСАРЫ*

Дни отсидели сычами.
 Ночь догорает синяво.
 За шлакобетонной стеною
 Клянусь и молчу коряво.
 Витийствуют рифмы и фуги.
 Мне снится то холод, то пламя.
 Единственность дальнего друга
 Под кроною псевдоплатана.
 Залётные сны – гусары.
 Где он? А где я? Неизвестно.
 Тибет. Колесо Сансары.
 Проклятьям и чувствам место.
 Мы жизни еще не прожили.
 Хотя прожжённого много.
 Меж нами потопаы Чили.
 Меж нами Урал и Конго.
 Дорог полинялые дали.
 Степей неуёмная серость.
 Жаль, листья мои опали.
 Ты – солнце моей Ривьеры.
 Пока паутиной имя ...
 Свисает на ниточке слева
 Не бойся родиться сильным.
 Не радуйся переменам.

**Разное значение имеет КОЛЕСО САНСАРЫ..., мне понравилась трактовка из книги Харуки Мураками...*

«Тысяча Невестьсот Восемьдесят Четыре»

«... – а ты слыхала про тибетское колесо Сансары? Оно постоянно вращается, и все чувства и ценности оказываются то наверху, то внизу. То сверкают на солнце, то утопают во тьме. И только настоящая любовь – ось этого колеса, а поэтому не движется с места!...»

**Егор Летов – певец.*

Летовым – имеется в виду, его песнями.

АНДРЕЙ-ВИКТОРИА-АНДРЕЕВ

Санкт-Петербург

На доньшке бокала

На доньшке бокала свет
Оставлен на глоток.
И на плече оставил след
Изящный ноготок.

Она была... из-за небес,
Улыбчива-мила.
И пили свет на интерес,
Пока зудела мгла.

Пока стелила ночь постель,
Свободно лилась речь.
И строгий скрип дверных петель
Не смог двоих извлечь...

Из полу-яви, полу-сна...
Крик шастал по губам...
Пока рассветная труба
Не спела у окна...

Не решкой

На дорожку брошу жребий,
Серебристый пяточок.
Он зацепится на небе
За косых лучей пучок.

Я загадывал на «решку»
Беспокойства на пути.
Из-за облака усмешку
Солнце выдало в горсти.

Топну в ярости ногою,
Соберу ладонь в кулак.
Как за радугой-дугую
Отыскать теперь пятак?

Хохотнуло небо громом,
И свалился пяточок.
Но не «решкой»... Сиди дома,
Колченогий старичок...

Без тени смущения

Без тени смущения лгут зеркала,
Упорно считают морщинки.
Тебе сорок пять... Ой, прости, не со зла!
В глазах закололи песчинки...

Не надо, не плачь, ещё очень мила...
Ещё тело просит ТАКОЕ!
Душа закусилась игры удила,
И нет днём и ночью покоя!

Живи! И живу! Годы мне не беда –
У ног необъятное море
Событий и чувств... и любовь навсегда...
В твоём её вижу я взоре...

У Казанского собора

В распутившемся бутоне капелька росы...
Неотрывно, непрерывно тороплю часы...
И на выдохе и вздохе разные тона:
«В повседневной суматохе вспомнит ли она?»

Угловатого мальчишку с томиком стихов,
Что ходил за нею следом в облаке духов.

Очарованный, изъятый с улицы времён,
В одночасье изменивший цвет своих знамён.

Умолял о личной встрече и – назначен час...
У Казанского собора ожидаю Вас...

Прорастаем

Голос высоких небес
Спрятался за облаками.
Тихо звучит полонез,
Где-то плутовавший веками.

В свете ночных фонарей
Вижу дрожащие ноты.
Лёгок июльский борей,
Звонче с ним запах субботы,
Что упадёт через час
На городские постройку.
И у гостиницы Вас
Встречу я в шляпе и «тройке».

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Будем гулять до утра,
Складывать в память моменты.

Славен сей город Петра
И на века монументом
Встал средь лесов и болот.
Мы прорастаем в нём парой...
Небо подкрасил восход,
Рядом всплакнула гитара
И... поцелуй у двери...
До неизбежности встречи...
Громче аллегро зари
И рассудительней речи...

Откровение на кончике пера...
Написать или сказать словами?
Разнесут слова беспечные ветра,
А листок уложат в оригами
И в безвременье провалится порыв...
Откровение... уже не до игры...

05.07.2012 г.
А-V-A

Утешу

У ног моих присела Тишина
И руку положила на колено.
Уставшая, холодная спина
Под тонкою накидку вселенной
Расслабилась... Укутаю в тепло
Дыханием и нежными губами
Скиталицу... ей в тягость ремесло...
Расплачется и выскажет глазами
Обиды и желания души...
Утешу, как умею – добрым словом...
И в сон уйдём по чехарде вершин
За звуком ослепительным и новым...

04.07.2012 г.
А-V-A

В дождливый вечер

В дождливый вечер у камина
Присядем с милой, помолчим.
Витают запахи жасмина

И мотыльком огонь свечи
Порхает над притихшим мигом...
Листаю памяти альбом:
Цветущий сад, у края – рига*,
И словно птица в голубом
Сидела девушка на крыше,
Из васильков плела венок,
И тихо пела... слов не слыша,
Скрывая шорох трав и ног,
Я подобрался ближе... тенью,
Застыл и слушал голосок...
И прикоснулся к откровенью
Бродячей жизни... Кровь в висок
Ударила раскатом грома;
Я предложил ей хлеб и кров...
Она вошла и тени дома
Притихли мимами... нет слов,
Чтоб описать родство... волною
Тепла заполонила мир...
А дождь всё стонет за стеною
И жаждет жалости... жуир**...

* рига [рига] ж. большой крытый сарай для сушки снопов и обмоота. Современный толковый словарь русского языка Т.Ф.Ефремовой.

** жуир – тот, кто ищет в жизни только наслаждений, любит жить весело и беззаботно. Современный толковый словарь русского языка Т.Ф.Ефремовой.

Заговорят

Заговорят деревья в мае
Зелёной клейкою листвой...
И небо в душах заиграет,
И мир закрутит головой,
Случайно подбирая пары:
По вздохам, взглядам и словам...
На клумбах вырастут пожары
Тюльпанов, крокусов... Нева
Увидит первые загары –
У Петропавловки песок...
И вечерами плач гитары
Поддержит юноши басок...

23.04.2013 г.

НАТАЛИЯ РЯБУХИНА

г. Липецк

Просто стихотворение

...И день ещё на выдохе растерян,
И дождь ещё не загнан на бегу,
Но как-то по-осеньевски не лгут,
Деревья, выгнув утренние тени...

От ночи снисхождения не ждут,
Весной она им жертвовала память,
А завтра бросит шёлковую наледь,
И соберёт листом последним мзду...

...А день ещё на выдохе растерян,
Ветров голодных сдерживая гул,
Но он уже у осени в долгу
За всполохи нечаянных цветений...

Выдох

...Ты для меня жизнь.
Я для тебя... путь?..
Выйдешь у дальней обочины
за кольцевой где-нибудь,
случаем, между прочим, ну...
просто так – вы-дох-нуть...
Будет листва кружить,
а тут и я – скажи?..
Что ж,
ну давай заблудимся
в ягоды, знать тропу б,
в яблочки вещие в блюдице,
чтобы вели стопу...
...Ты для меня – путь.
Я для тебя – «пффф...»

...Эхом прошитая чашка,
нежная сбита эмаль
ложечкой...
Чёрствая сталь!..
Чашка к ней дном –

нараспашку...
Осень приветит листвой,
капнет рябиновой вести –
кто-то захочет присесть
и
кто-то начнёт разговор...
Из за такой ерунды
можно ещё лет пятнадцать,
прежде чем
ложечке сдаться...
...Кто-то попросит воды.

Иньяньское

...Вот это заглядыванье
в глаза,
вот это догадыванье
желаний...
Вот это:
– На газ-да-вить?..
– То-рмо-заааа!!!..
При всём старании...
При всём старании...

Идут с запевами,
«...тяни носок!...»
колонны...
Взглядами
сжигая здания...
– Вон та...
– Со стервами!..
ЗавИт висок...
– А эта?
– С гадами!..
...При всём старании...

...Крылья ж,
крылья ж не просто "Хха!.."
Нету воздуха,
нету воздуха...
Бьётся пустошь о потроха,

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

нету воздуха,
нету воздуха...
Дождь накрапывал
в листья всполохи...
Я под-кра-ды-ва-
-лась за воздухом...
...Раздражало осенние листья,
как ползла я,
как рук плети висли.
Кто-то, в помощь мне, рядом поржал...
Мог – без воздуха...
Мог – без воздуха...

Чаепитие

...А это не про то,
про что хотите...
Всегда без двух ничтожнейших минут,
и стаи мелких вымышленных пут
вгоняют чувства в краски чаепитий...
И ка-па-ет
и капает вода,
и что-то раздражается и злится,
и что-то выдаёт тоску на лицах,
и что-то жизнь стесняется отдать,
и... так скрипит песок на половицах –
их так противно медленно топтать...

...Потом – проветрить комнаты получше,
плеснуть ваниль на скомканный платок,
смахнуть с плеча заблудший лепесток,
чтобы чужим свой кокон не нарушить...
И вот...
уже не капает вода,
и повода не видно, чтобы злиться,
и незачем пускать тоску на лица,
и жизнь одна, чтоб так её отдать,
и... выскоблен песок на половицах...
А... счастье где?..
Гадать, гадать, гадать...

Танец

...Две лозы,
два шершавых
ростка,
торный путь –
следом, шагово,
следом, шагово...
Пот с волоска –
грим их утл...
На разрыв

одичали валторны,
а флейт –
смерть легка...
Двое сорванных,
двое, сорванных
с сиженых мест –
«с молотка»...
...Зал исчез
между днями...
СтупнЕй –
шелест стих...
Время хлопьями,
время хлопьями –
правильный снег
для двоих...

...Осталось до последних "нас" –
каких-то полкуска от тела,
и всё, что маялось и тлело
растает...
Вот тебе – весна!..

И кто-то новенький послушный
по-детски вынет подкровать
и юркнет – память воровать
в смешных цветах обоев душных...

А кто-то, в иглы завернув
всё, что осталось неподдельным,
загладит «стрелки» на постели,
как надоевшую вину...

...Стойкий солдатик – всамделишный,
олово вместо крыла...
Где там пустое «ла-ла»,
что там слащавое –
«..веришь мне?!»
А он не верит – хронически,
минная с детства земля...
Минная – не у-мо-ляй!..
Бомбочки,
гильзочки,
спичечки...
...Это ОНА – не доделана,
тОнок фарфоровый слой,
чтобы вот так вот – канвой
что-то доделать...
Нигде – она...
Бабочки,
бусинки,

пАтоки...
Пряный шифоновый нимб
нЕзачем небу, над ним –
сумерки,
судороги,
каторги...

Платье

...Нет!..
Выберу красное платье
со стигмами,
с вздутыми венами,
с лощеными бирками –
рвать их!
с паршивыми, но – переменами....
Кисейное струнуто с места,
запрятано, как нерабочее...
Со стервами,
жжёною, корченной –
но выжившей, чёрта невестой!..
На выкрике зеркало крошится
и что-то седое в осколке –
е-ро-ши-т-ся,
пальцам так колко...
...Нет,
выберу с ситца, простое...

...Покорми наших бабочек,
если уж выжили,
мы ведь сроду не чаяли...
Стра-а-анный ноябрь.
А моя-то, моя –
даже нА кол наниженной,
даже сбитой нечаянно,
ждёт...
А твоя?!
Покорми наших бабочек...
Небо сутулится,
улетели все певчие...
Что-о-ты, инстинкт!..
Мальчик стих твой,
а самочка яркая – девочка,
бьётся, бьётся на улицу...
Видишь?!
Летит...
Покорми наших бабочек...

Сказка для взрослых

«– Како-о-ов был вдох реанимаци-
онный – с открытым лёгким, с пульсом,
со зрачком...
Так что ж ты снова, острым кулачком, сжи-
маешь рот засохший...
Где, где больно?!..
Ну... Привыкай. На Марсе ж нет воды?
Чем ты там дышишь, серой или верой?..
Здесь тоже гонят кондиционеры
табачный выхлоп с точностью «под
дых»...
Лети, пока не видно пепелищ, пока стре-
коз слюда не смята сажей,
пока мотыль последний не насажен...
Лети, пока твой космос виден с крыш!..

– Боюсь, билет был пафосом, подвохом.
В один конец налажен перелёт...
Ну кто же знал, что здесь никто
не ждёт?!..
И этот вдох, боюсь, был крайним вдохом...»

...Ревел реактор, врач был с толку сбит...
Стальные боги сложными руками
забрали тело... И под облаками...»

...А, впрочем, хватит.
Спи, мой милый, спи...

...Открещивайся.
Ну, действительно,
случись чего – с разных вех,
я – память, а ты – человек,
я – птицей, ты – полднем, в окно...
Открещивайся...
Что там прошлое,
тату даже сводят на нет,
я – горлом, а ты – в божий свет,
я – кровью, ты – крошевом, крошевом...
...Открещивайся.
Не порви рукав
о мой наспех вбитый гвоздь...
Я – вспоротое, а ты – вскользь,
не освободившись,
не став...

АНДРЕЙ ПАВЛОВ-АРБЕНИН

Окончен путь...

Закат мой близится...
Скоро
Настанет ночь...
Сквозь сон благоуханный,
Стремясь негу превозмочь,
Я вспомню жизнь...
Рассветы...
Мечты и устремленья,
Души молодой горенье –
Всё, что влекло:
И сумрак,
И тоску,
И радость,
И надежды...
Теперь всё это позади,
Душа моя молчит...
За ней пришёл Харон,
Но, удивясь,
Рассвету внемлет он.
Рассвет всё яростней,
Всё ближе!
Как когда-то
Я слышу звон колоколов!
И смерть поправ,
Душа ликует!
Снова, как в былые годы,
Тоска ушла!
Здесь места нет Харону,
Здесь места аду нет!
Бессмертие Души –
Вот мраку мой ответ!

Листья дрогнули,
Чуть слышный ветерок –
Посланец вечного Борея
Вздохнул.
И ожила Природа!
Вот оживился муравейник,
Вот яблык

Песнь свою нехитрую пропел.
В моей душе возникла благодать.

Тяжёлый сумрак лёг
На воды Финского залива...
Природа замерла...
Вот гром пророкотал далёко.
Ближе, ближе!
Разверзлось небо,
Молнией Зевеса
Рокочет воздух!
Дождя серебряные струи
Целебной влагой
Напоили исстрадавшуюся землю!
Умчалась вдаль гроза.
Снова
Сверкает гладь залива
Тишиной покоя...
Бегут по небу облака,
Бегут куда-то вдаль...
Природа внемлет небесам...
Природа внемлет Богу...

Рассвет уж близок зок...
Ещё дыханье ночи ощущаю,
Но вот Заря блеснула!
Лёгкий солнца луч
Пронзил ночную мглу
И гимном Жизни
Церковные звонят колокола
Во славу человека, разума
Во славу Бога!
И радуясь душой,
Иду во Храм
Там встречу я радушие и благо,
Зажгу свечу
И, помолясь,
Услышу хоровое пенье.
В нем благодать и зов к добру,
К добру, где места нет
Предательству и сребреников звону,
Где властвует любовь к Всевышнему,

Где властвует покой,
Где нет вражды и зависти,
Где Мир, Душа и Свет!

Тропа вела меня
Всё дальше в лес.
Она всё уже становилась
И вдруг исчезла.
Вкруг меня столпились сосны,
Исчезло солнце,
Хлынул ливень.
Чернеющие небеса
Сгустились надо мною...
Подумалось:
Ужель так и останусь
Под ледяными струнами дождя?
В тот же миг
Разверзлись тучи,
Словно Кто-то
Развел их мощною рукой
И яркий Солнца Луч
Блеснул,
Развеяв мрак
И озаряя землю
Горячим Светом
Веры, Радости и Блага!

Скажи мне:
Что такое Жизнь?
Рассветы и Закаты?
Реки таежной перекаты?
Озёрной глади тишина?
Иль буря?
Иль гроза?
Иль чьи-то милые глаза?
Угрюмый вал кавказских рек?
Родной иль близкий человек?

Ответа дать я не могу...
Не знаю, как и почему
В душе рождается сомненье.
В душе смятенной наважденье...
Так что ж такое Жизнь?

*Душа обязана трудиться
И день и ночь*

Окончен день...
В больничном коридоре
Повисла тишина...
Лишь гулкие шаги
Дежурного врача
То приближаются,
То снова затихают...
Я думаю:
За что
Страданиям предан человек?
За что мученья разрывают душу?
Неровный тусклый свет
Больничных коридоров
Наводит страх.
Сомнения всё ближе,
Увижу ли рассвет?
Услышу ль снова
Грохочущий трамвай?
Всё это Жизнь.
Когда-нибудь,
А может быть и скоро
Всё для меня затихнет.
Исчезнет день,
Исчезнет ночь,
Исчезнут звуки,
Воцарится немая тишина...
Да! Это так,
Но не сейчас,
Когда
Душа обязана трудиться.

ЭДУАРД ДЕЛЮЖ

г. Тверь

Во имя Слова

Всей слабостью клянусь остаться в Вас
И каждую пылинкою живого!
Меж рукописью и пожаром – судный час;
Во имя слова «Есмь»,
Во имя Слова.

Нет, не умру я! Я родился умирать
И воскресать за сотню верст от Дома;
Гость времени, отпущенного мне;
Во имя слова «Быть»,
Во имя Слова.

Оруженосцы Роз, без вас мир пуст!
Вы первая любовь земли, её основа.
Молитвой Воздуха дышу я наизусть –
Во имя Имени Любви,
Во имя Слова.

Соль обретений и утрат...
Всё меньше вес, всё чаще невесомо!
Всё – «сон», всё – смерть, всё – Благодать!
Во имя слова «Тишина»,
Во имя Слова.

Малы слова, я приручаю утра полный цвет...
О, длись, Любимая, над безымянностью
земного –
Нежнейшая из всех моих смертей
Во имя слова «я Люблю»,
Во имя Слова.

Мы дожили, мой звук

Мы дожили, мой звук!
Мы дожили с тобой –
До сонастроя, где изменчиво лекало.
Так долго шли окраиной пустой,
И ночь, черней диеза, нас встречала!
Мы отбивали десять сумасшедших Па

На мостовой беззвучного терпенья,
И ритм пришёл, пришёл такой Живой –
Как будто бы случилось Воскресенье!
Пришёл и устоял,
И ведом стал,
Испепелённые тетради разметая.
И будто Паганини заиграл
Одной струне несорванной внимая...
А эта стынь смотрела нам в глаза
На перекличку лирики и драмы;
КАК пела высь осколками звеня,
КАК тишина от музыки дрожала,
КАК белоснежный чтец ронял псалмы
И ударял в прозрачные литавры...

И было громко у подножия строки
И было утро у преддверия начала.

Мотыльковое

Казанова бессмертен, смертен плач Казановы.
Кто учил Тебя розам, тот шипам научил.
Тени, блики, слова, лепестки, невесомость...
Кто учил Тебя крыльям, тот и падать учил.
Это только попытка стереть Твоё имя –
Ледяная, блистательная тишина...
Птицы чёрных волос, плечи, пальцы – бессилён.
Кто учил Тебя звукам, тот давал имена;
Мягким звукам, бесслышным,
И острым, и встречным
Вдоль Тебя полыханием шёпота плыл...
Кто учил Тебя смерти, тот знал бесконечность.
Кто учил Тебя встречам, тот разлукам учил.
В этом свете серебряном в чёрной оправе,
Собирая взаимности раскалённую дань,
Кто учил Тебя песням, тот был ими отравлен.
Кто учил обнажёнью, тот искал его сам.
О влюблённое время для взимания
нежных –
Встать на то остриё, где Твой медленный
взгляд,
Распечатать губами мотыльковую

нежность...
Кто учил Тебя радости, тот печаль
понимал.

AVE

«Ave! Morituri te salutant!»

Где ночь превысит замысел свечи,
Где тень преувеличит смысл жеста –
Сонеты белые в транскрипции руки,
Сонеты чёрные в транскрипции просветов.
Мне этих знаков родственно письмо!
Безлюдье вырвалось на волю –
Так – Много, Мало, Всё и ничего!
Произнесённость, болен я тобою.

В озябших пальцах музыка и речь
Всего, что пишется собою,
Всего, чем не сумел я пренебречь,
Всего, за что заплачено строкою.
Всего! – сквозь дыры тишины
Зачитывая черновую вечность
В присутствии стареющей луны
Заштопать тьму и выйти в бесконечность!

Ударит тишина в свой камертон
Возвышенно, и будет громче, громче!
Сквозь шепот AVE
В тесноту вплетённый хор
Жжёт звуки симфонических агоний...

Хмель вечен и глоток глубок...
Ритм призван в сердцевицу круга...
Виток беззвучия, за ним созвучия виток –
В золье и радости кровотоком звука –
Ди форте, Ди адажио, Ди скерцо –
Сквозь эти возгорания в крови...
Последний
Желтый
Милосердьем сбитый –
Ложись в ладони,
Я всё слышу.
Говори!

Последние из эры мастодонтов

Без веса те, кто воспарил над суетой.
Без меры те, кто дальше горизонта.
Последние из эры мастодонтов
Идут за путеводною звездой.

И наблюдая за игрой во Тьму и Свет,
В пространстве, что больно смертельной
дрожью,
Мы вымолчим стихи, которым толщи лет,
Их выносив под выгоревшей кожей.
Выскальзывая из самих себя,
Испытывая сотый раз Весну и Зиму,
Проснёмся в Красоту, заговоря
Пронзительно невыносимо.
Где слёзное вращается в Тишину,
Обменивая бранный вес на Свет,
Словами меченный, ты видел Красоту,
Она и нарекла тебя «Поэт».

Непостижимые сердца

Три Дара есть у всего живого:
Свет, Любовь и Покой Души.
Я люблю цветы...
Не мёртвые магазинные,
А те свободные, дикие, вольные;
Те, что учат меня науке о трепете жизни.
Ты знаешь все истины.
Ты знаешь их до тех пор, пока молчишь.
Непостижимые сердца,
Мир обесцвечен без вас.
Всё, что вам нужно –
Мгновение цветущего
Где-то между «трогайте» и «не троньте»,
Мгновение, что вдыхает и выдыхает
Солнце.

Всё, что вам нужно –
Чтобы мы знали, что вы существуете.
Вы растёте и не считаете дни.
Вы знаете, что Ожидание всегда расцветёт.
Вы учите, как надо поступать в минуты
разочарования –
Вы говорите: познай себя не отрицая
ничего!
Вы говорите: всё что ты видишь –
лишь единожды,
Всё однажды,
Не отрицай ничего!
Ты сказал «Смерть»?
Это полезно знать, что всё может
исчезнуть.

Ты сказал «Пустота»?
Во все пустоты всегда что-то укладывается.
Пустота разрушает, Пустота наполняет.
Жизнь движется и наполняется лишь
в те мгновения,
Когда ты чувствуешь и ощущаешь!

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Сколько жизни прошло меж вами?
Сколько около вас... сколько мимо?
Не все готовы БЫТЬ СОВСЕМ...
Не беги ни от чего в жизни –
Может чему-то научишься.
Научившийся выдохам убывает и учится
вдохам.
Научившийся вдохам прибывает и учится
выдохам.
Есть вода, что становится мёртвой.
Есть вода, что становится живой.
Ты сказал «Тени»?
Тени ходят по миру,
Тени ищут свои Тела,
Приходят и просят продать им Цветение,
Приходят и просят продать им Смысл
существования.
Их сердца наполнены равнодушием,
Они лишь учатся Цвести.
Боль падающих листьев,
Тени, Ливни, Ураганы, Снега, Солнце,
Цветы –
Мы есть лишь для того, чтобы объяснить
тебе, что есть Жизнь.
Ты спросил «что есть Жизнь?»
Жизнь — импровизация...
Чем ты жив, когда тебе нечем Дышать
и Жить?

Модильяни

*Ты всегда был мечтателем, матадор.
Никассо*

«Добрый вечер всем!
Сегодня прошёл я по мосту,
По мосту, которого нет.
Мои карманы набиты доверху Любовью,
Которую мне не с кем делить.
И тогда вспомнил я о вас»...
Ведь вы меня сильнее любили
За мой июньский аромат.

Прирождённые к Небу,
Наречённые Нежностью,
Всё – ничто, если оно не написано в твоём
сердце!
Изящество полёта голубого снега,
Звучание красок, пчёлы ветра, соль
жажды,
Пыль гордости, обет молчания неба,
Бледная пустота перед вспышкой
цветения...

И Ты...
Ты – моя женщина,
Моя единственная вера!
Когда я узнаю твою Душу, я напишу твои
глаза.
В нашей выцветшей комнате прерывистым
дыханием,
Кистью живой тишины напишу все
движения лёгкости твоей.
Всё виденное мной несётся по крови...
Две руки, чтобы обнять тебя в сговоре
с кровью,
Две руки, чтобы писать тебя в сговоре
с любовью.
Ты пахнешь оттенками солнца и неба.
Запах твой проходит сквозь пальцы,
Краски влюблены в твои движения,
Краски становятся живыми.
В дали твоих глаз качается небо.
Прочувствовавший синь
Язык любви всегда жаждет простора.
Любовь уже спрятана в картинах мира,
Любовь уже спрятана в женских чертах.
Любовь — быть собой настолько, что уже
не быть.
Вся любовь мира всегда будет с тобой.
Твои ладони, наше дыхание, моё сердце –
То, что птица поёт крыльями.
Ты – моё утро. Ты – моя ночь,
Где считываю с твоих губ темноту
и краски...

Они беззащитны.
И где бы твои руки не проснулись на мне,
Поцелуй меня.

«Добрый вечер всем!
Сегодня прошёл я по мосту,
По мосту, которого нет.
Мои карманы набиты доверху Любовью»...
Я ведь только люблю –
Это всё, что умею.

Лунная соната

Я – лишь недолгий стих, любимая моя,
Я – лишь недолгий звук, возможно, самый
малый,
Исповедимый путь до переправы,
Наречие скупого бытия,
Случайный ряд случайных величин,
И звук вещей, и их перемещенье,

И смысл букв в патетике вращения,
Так смертно ищущий причину всех
причин.

Дождь, клавиши и ночь
И тридцать восемь фуэте листа,
Соната Лунная и тень над пятой строчкой.
Изнанку нот не запечатать точкой,
Тропарь к тропе,
К звучанью пустота.
А ночь так непростительно длинна.
Как много ночи! Память – тише, тише...
Всхлип клавиш к пальцам жмётся,
слышишь?
О, не развязывай мне перед сном глаза.

Играющий Любовь

Так приходит всё самое необыкновенное
в жизни.

Прозрачной лёгкостью мгновения...
Неожиданно и просто...
Одним касанием.
Так летит бабочка.
Так приходит Любовь,
Одухотворяя соло души.
Так появилась она...
Возникшая из ниоткуда,
Чтобы зазвучать в моём сердце
Самой долгой нежностью...
Всеми оттенками жизни
В каждой ноте её скользящих движений,
Пришла... и потекла музыкой,
Чёрно-белой поступью забывшихся
звуков.

Не сдерживаясь в недостатке воздуха,
Вырисовывая каждый изгиб,
Стекающая в бесконечность
Сердца, говорящего внезапно.
Любовь – мелодия, которую не сыграть
отточенной техникой.
Любовь – то, что не потеряло дыхание.
Обнажённые руки, летящие на край света,
Чтобы прикоснуться к твоим,
Проникнуться твоей тишиной,
Сохраняя молчание до конца... до мгновения,
Бессознательно дыша, где только она и я
И полное отсутствие всего...
Когда звук, не решаясь стать словом,
Замирает на полпути к чьей-то душе,
Горизонт распял выразительную ноту,

Подчеркнув чёрной клавишей
встречу наших глаз...

По мотивам фильма
Д. Торнаторе «Легенда о 1900»

Уповаю

Говорят, что Война закончится тогда,
Когда будет похоронен последний павший
солдат...

Взрывы и крики в ушах...
Не помнить об этом ни взглядом,
ни слухом!
Все пули достигнут цели, все пули просви-
стят мимо.
Все пули - лишь сердцебиение...
Скатываясь по окопу забвения,
Захватываю губами последний воздух
любви...

Я умер?... я жив?
В ослепительных вспышках смерти
Среди брошенных душ, многоэтажных
могил
Взрывы и крики...
Возможно, кого-то спасут, но выживших
не будет.

Господи, «прибежище мое и защита моя,
Бог мой, на Которого я уповаю!»,
время бежит мной,

Счётчик мгновений,
Крик в транскрипции смеха...
Господи!
И закаляется молитва в горле:
«Живый в помощи Вышняго...
Живый в помощи...
Не убоишься ужасов в ночи,
стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во
мраке», –

Собираю я из мёртвых звуков
пульсирующих вокруг...
«Живый в помощи...
Падут подле тебя тысяча и десять тысяч
одесную тебя;
но к тебе не приблизится»
Дотла... Пел пепел...
В том аду йота зла спалит всю кровь...
И нет иллюзий в сколоченных грязных
дощатых...

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

«Господь – упование мое»
«Живый в помощи»

Мы умерли, но мы ещё дышали
«Живый в помощи...
на руках понесут тебя,
да не преткнешься о камень ногою твоею»
И у смерти нет больше власти!
«Живый в помощи...
Воззовет ко Мне, и услышу его».
Соберите меня из множества виденного
и несказуемого,

Из воспоминаний – дотла.
«Живый в помощи...
с ним Я в скорби; избавлю его
и прославлю его,
долгою дней насышу его, и явлю
ему спасение Мое».

Я до сих пор храню в себе осколок того неба,
Живого над чёрным фитилём судьбы,
Будто последний слог Всепрощения...
Безымянные...
Я выйду к вам, когда мне снимут швы
Красных титров на белом ветру.
Уповаю...

Послевкусие

*Моему другу Татьяне Коулатер
с теплом и благодарностью.*

Предзвучание
Читает белый лист...
Буквы – иероглифы слов,
Слова – иероглифы звуков,
Ароматы – иероглифы красок,
Краски – иероглифы чувств.

Там, где рождаются иероглифы созвучий,
всегда раннее утро...
Каждый звук исполняет себя,
Каждый звук переполняет тебя, словно
Все четыре времени года одновременно
пришедшие,
Способные оглушить, пронзить, растворить,
разлить;
Единым потоком существующего!
Врывается нездешний ветер

И порыв обретает вдохновение раннего утра...
Ёмкие оттенки мира распоряжаются
жизнью твоей души,
Чувствуя вращение земли и тебя в этом
полёте «НАД»,
Обнажаясь и обнажая в невозможности не
звучать!
Через край тебя к краю листа,
Где вначале было слово, произнесённое
в себе...

Твой словарный запас –
лишь маленькая толика из Словаря слов,
Капризом вырванных звуков из запасов
Словарных;
Срывающихся алфавитов из запасов
Словарных;
Интервалы, пробелы, многоточья из запа-
сов Словарных;
Неухоженные зигзаги фраз из запасов
Словарных;
Тени чувств из запасов Словарных;
Мучается черновик рифмой, полыхая в огне.

Ускорение и замедление пространства
Словом, входящим в слово,
Нанизывается на тонкую грань строки
Тайной игрой светотени.
Цвет, полутона, яркость,
Вдруг обрываются где-то в долине
бесцветия,
Замолкающим звуком унося и множа
иероглифы тебя самого.
И каждый звук, каждая строка
Заканчивается эхом,
Будто ударом сердца.

Ветер вымел слова...
Не изменить ни чёрточки, ни мгновения
настоящего,
Оно уже закончилось там, где только что
началось вновь.
Безупречная тишина из запасов
Словарных.

ПОСЛЕВКУСИЕ...

Евгений Мюллер
(г. Москва)

КЕРОСИНОВАЯ ЛАМПА АЛАДДИНА

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

— Говори, кто победил в поединке — Ахилл или Гектор?

Двое мальчишек прижали меня к стене на углу возле подворотни. Оба учились теперь в моем классе. Верней, это я учился теперь в их классе, потому что мою школу летом, пока я был на даче, расформировали. Что ее расформируют, было известно еще до каникул. Об этом объявили на одном родительском собрании. И потом отец ходил в школу и написал в канцелярии заявление — о том, чтобы меня перевели в другую школу. Ту, что построили недалеко от нашего дома. «Это ж надо! — сказала мама отцу. — Получилось, что это по нашему хотению его переводят».

Широкий серо-розовый фасад. Посредине — выступающее на тротуар высокое крыльцо. Длинный турникет вдоль края тротуара, совсем близко от которого громяют трамваи. Входишь — направо и налево тянется коридор, с обеих сторон выходящий на лестницы. И так на каждом этаже. Во дворе — спортплощадка. Ни сада, ни ботанического участка. И еще — ни Сережки Рунышкова, ни Марины Стасько, ни Иры, ни Ады, ни Ленки Бокши. Зато — если бежать через проходной двор — до моего дома всего три минуты.

Первого сентября я стоял на линейке на спортплощадке этой новой школы. Я оглядывался вокруг, но за несколько шеренг от себя увидел только два знакомых лица. Это был Вовка Веселов, которого тоже перевели в эту школу, и Витька Полуянов, хулиган из стопятидесятого дома. О том, что в стопятидесятом доме живет хулиган, знали почему-то все — даже те, кто никогда не видел, как он хулиганит. Однажды, когда мы проходили с мамой по Конной улице, я взглянул на нарисованный мелом на воротах одного дома нехороший рисунок. «Это Полуянов нарисовал», — сказала мама. А однажды, войдя во двор стопятидесятого дома, я увидел убегающего Полуянова и махающего вслед ему кулаком дворника Ибрагима. Было видно, что Ибрагим страшно рассержен. Он словно искал слова, чтобы крикнуть их Полуянову вслед, но прокричал почему-то не какую-нибудь ругань, а вот что: «Подожди, ты еще вырастешь!»

О том, кто победил в поединке Ахилла и Гектора, я не имел никакого понятия. Я даже не знал, кто это — Ахилл и Гектор.

— Ахилл, — сказал я наобум, и, видимо, отгадал, потому что мне ничего не сделали.

Одним из мальчишек был Сашка Шилов из нашего класса. На уроках он сидел слева от меня, на соседней колонке. Сашку трудно было не заметить. Он был рыжий, кудрявый и в веснушках.

Та подворотня, возле которой меня прижали к стене, вела во двор, где жил Сашка. До этого я в этот двор почти и не заходил. С Сережкой-то Рунышковым, моим товарищем по старой школе, мы гуляли или в школьном, или в его дворе,

а то — бегали в Лавру. Серезжку, кстати, перевели в ту, бывшую испанскую школу, о моей учебе в которой еще с первого класса мечтал отец, и с Серезжкой теперь я и не виделся.

В первые же дни в новой школе, идя домой после уроков, я заметил, что ватага мальчишек из нашего класса сворачивает в эту подворотню, направляясь за Сашкой.

Сашка жил на первом этаже. «Вон, твоя мамаша в окно смотрит», — говорили мы потом, когда в окно ей смотреть не следовало бы. По вечерам под окнами Сашки стояла машина его отца — бежевая «Волга» с фигуркой оленя на капоте. Потом, в конце лета о том, что Сашка приехал с Юга, мы узнавали по появлению под их окнами «Волги». Других машин во дворе ни у кого не было.

— Ты про Ахилла и Гектора откуда узнал? — спросил я Сашку на следующий день на перемене.

— Книжка такая есть, «Мифы и легенды Древней Греции» называется. Читал? Мне отец все время какие-нибудь книжки на стол или на диван подкладывает. В основном — по радиотехнике.

— Почему — по радиотехнике?

— А он — доцент, в институте ее преподает. А у тебя отец кто?

— Технолог. На заводе работает.

— А-а...

После уроков, пойдя гулять, я свернул в Сашкину подворотню.

Войдя во двор, я почти сразу увидел и Сашку. Отталкивая ногой дверь парадной, он выкатывал во двор велосипед — зелененький «Орленок» с двойной, плавно изогнутой рамой и хромированной фарой.

— У тебя велосипед есть? — спросил Сашка.

— Нет.

— А кататься умеешь?

— Умею.

— А без рук?

— И без рук.

— Врешь. Покажи.

Я перенял руль из рук Сашки, приподнял за сиденье заднее колесо, крутанул педаль, чтобы она перешла вниз, поставил на нее ногу, оттолкнулся и сходу сел и покатил по двору. Разогнавшись, я отпустил руль, откинулся назад и заложил руки за спину, взявшись ими за две никелированные пружины под сиденьем. Легонько наклонив туловище, я повернул влево, огибая двор, и сделал еще один круг, соскочил возле Сашки.

— Где научился?

— На даче. Там у соседа моего, Тольки Глобы, «Орион» черненький.

Когда я катил без рук по двору, из подворотни вышли еще несколько мальчишек из нашего класса — Витька Суворин, Колька Газин и Мишка Лукьянов.

— Лихо! — сказал Лукьянов.

Сначала все подошли к Сашке, потом перешли к скамейке, стоявшей в маленьком скверике посреди двора. По краям сквера с узких газонов поднималось несколько ясеней, кроны которых смыкались над песочницей и тумбой бомбоубежища. Ничего больше-то в этом сквере и не было. Сашка тоже подошел и приставил свой велик к тумбе.

— Чего делать будем? — спросил Газин.

– Может, в слона поиграем? – предложил Суворин.

– Можно. Кто первый к стенке встанет? Может, «кинем на морского»?

Ну, тогда давайте. Раз. Два... Три!

Как только Газин сказал «три», все выставили, кто сколько, пальцы на обеих руках. Сосчитав их – получилось двадцать четыре пальца – Газин начал считать по присутствующим, тыкая в каждого ладонью. Двадцать четыре выпало на Лукьянова.

Мишка подошел к тумбе, нагнулся и уперся локтями в тумбу, уткнувшись в них головой. Так стоят, если кого-то рвет. Газин отошел на несколько шагов, разбежался и запрыгнул Мишке на спину. После этого Суворин, отойдя еще подальше, чем Газин, наскочил на Мишку, обхватив руками Газина.

Мишка зашатался под ними, но все же устоял, только ноги его немного разъехались.

Теперь Сашка отошел и встал, как стоят на старте. Часто махая вдоль туловища руками, он разбежался, подпрыгнул и, как рюкзак, прицепился к спине Суворина.

Ноги Мишки еще шире разъехались, все закачались, сидя на нем, и Сашка, повернув ко мне голову, крикнул:

– Давай!

Я встал там, где стоял перед разбегом Сашка, пригнулся и уже оттолкнулся, чтобы бежать, как вдруг ноги Мишки окончательно разъехались, он осел на землю, и целая куча ног, спин, рук и голов скрыла его от взгляда.

– Жалко, что ты не успел, – сказал мне, вылезая из-под других, Сашка. – Кидаем еще?

В это время раздался стук резко открытой форточки, и мы услышали:

– А ну-ка, прекратите!

Я повернул голову и увидел: встав коленями на подоконник и высунув в форточку голову и руку, нам грозила из Сашкиного окна женщина.

– Вы что это придумали? – кричала она.

– Мамаша твоя! – произнес Газин.

– Это что, вас новенький, что ли, этой дурацкой игре научил? – продолжала она, облокотясь на низ форточки.

– И без него знали, – буркнул себе под нос Газин.

– А велосипед почему на земле валяется? – продолжала кричать Сашкина мать. – А ну, подними!

Сашка поднял велик и снова приставил его к тумбе. Мы опять расселись на скамейке. Помолчали, болтая ногами.

– Ну и как тебе наша школа? – спросил меня Мишка Лукьянов.

– Нормально, – пожал я плечом.

– А училка наша, ну – Мария Тимофеевна, руководительница классная?

– Вроде, она построже, чем в той школе.

– Да придирчивая она, вот и все, – вставил Газин. – Хорошо еще, что русский и литературу ведет, а не математику. А то бы – крышка.

И я вдруг почувствовал, что моя первая школа была давно-давно...

ДО УПАДА

– Ты «Крестоносцы» уже смотрел? – спросил Сашка, нагнав меня по пути в школу и прокатываясь рядом по узкому длинному ледку на краю тротуара.

— Нет еще. Если замечаний в дневнике не будет, родители сказали — в воскресенье деньги на билет дадут.

— А я смотрел. Вчера. Обе серии. Меня Валерка с собой брал.

У Сашки был брат, намного его старший — Валерка. Он уже учился в медицинском институте. Иногда, придя к Сашке, и если Валерки не было дома, мы стаскивали со стола на диван его медицинские атласы и подолгу их разглядывали, а потом аккуратно укладывали на место. Потому что однажды, когда Валерка застал нас за этим занятием, он отобрал атлас и сказал: «Малы еще. Знаю я, что вы там рассматриваете». «И вообще», — добавил Валера, — запомните: от страниц, на которых изображены кожные болезни, можно даже заразиться». Ну, это он наврал, конечно. Чтобы попугать.

— Знаешь, на каких они топорах дрались? — продолжал Сашка. — Ручка — как зигзаг, а топорщице — сверху обычное, а снизу — длинное, как язык. Там один рыцарь как махнул им, так крестоносцу руку и отсек.

— Прямо так и показали?

— Ну, не совсем, конечно, но потом стало ясно, что руку он отрубил.

На уроке, поглядывая, кто, чем занимается на соседних партах, я увидел, что Витька Суворин рисует на бумажке, выдвигая ее из-под тетрадки, рыцарский шлем с перьями. Значит, и он уже посмотрел.

Замечаний на неделе я не получил. Правда, в четверг — еще бы немного, и одно бы мне точно вlepили. Выйдя утром из дома, я вдруг почувствовал, что в руке, в которой держал портфель, чего-то не хватает. Тапки для физкультуры! Опять я забыл мешок с ними на столике в коридоре! Хорошо еще, что вовремя вспомнил.

— Ну как? — спросил меня Сашка в понедельник. — Смотрел?

— Смотрел.

— Здорово, да? Тебе у кого доспехи больше понравились — у поляков или у крестоносцев? Мне — у крестоносцев.

— Доспехи-то, может, у них и ничего. Да только зачем они балахоны белые напяливают? На куклуксклановцев похожи. А лошади в этих балахонах — вообще, как привидения.

— Да ты что! Наоборот — классно! Пойдем после уроков в стопятидесятый? Там во дворе, у магазина, ящики навалены. Выберем доски, что длиннее, обстругаем — и будем на мечях драться.

Так мы и сделали. Ящик, который нам приглянулся, был, наверно, из-под кур. От него все еще пахло куриными тушками. Мы оторвали пару досок, а когда шли обратно, Сашка говорит:

— Я сегодня, когда мимо помойки шел, гляжу — там еще елки новогодние валяются. Совсем сухие уже, правда. Если ветки обрубить — вот тебе и копыя. Не знаю только, из чего шит сделать.

— А я знаю.

Еще осенью в нашем доме начали чинить крыши. «Спохватились! — сказала моя мама. — Летом некогда было!» В углу двора поставили большой стол-верстак, обитый по краю железным уголком. К столу были прикручены большие кровельные ножницы. Кровельщики подрезали на них листы железа, обивали их на краю стола и потом связками, на лебедке, поднимали на крышу. И целыми днями над двором стоял стук молотков. Вечером снег вокруг стола был завален скрученными жестяными обрезками, а под столом иногда валялись целые листы.

— Точно, — сказал Сашка. — Кстати, у нас в кладовке я видел небольшие ножницы для железа.

Вечером мы затащили в парадную железный лист, Сашка разрезал его пополам, и каждый унес домой половину. У нас дома кровельных ножниц не было, поэтому первым свой щит сделал Сашка — прямоугольный, с прорезью наверху, чтобы можно было упереть копьё. Я же свой щит сделал к низу острым. Для ручек я использовал два старых лыжных крепления в виде кожаных колец. Я снял их со своих детских лыж, которые зачем-то все еще стояли у нас между дверей. Я прикрепил их к щиту так, чтобы в одно кольцо просовывалась рука до локтя, а другое я мог сжимать в кулаке. Поэтому мой щит плотно прилегал к руке. Сашка же сделал только одну ручку, посередине, и потом, когда по его щиту колошматили мечами, он вихлял у него взад-вперед.

Под шлем Сашка выпросил у матери старое пластмассовое ведро. Оно как раз влезало ему на голову с надетой лыжной шапочкой. Для глаз он выпилил прорезь в виде креста. Такие шлемы сделали себе еще Витька Суворин и Колька Газин. Я же и Мишка Лукьянов сделали шлемы из папье-маше. Для формы мы использовали трехлитровую стеклянную банку. Вырез для лица мы прикрыли забралом. Оно было вырезано из толстого картона и согнуто в виде клюва. Крепилось оно на двух болтиках и поднималось вверх, как настоящее. Павлинных перьев, чтобы украсить шлемы, у нас, конечно, не было. Но Мишка Лукьянов придумал: куски толстой проволоки он обвил разноцветной елочной мишурой и потом веером закрепил их сзади шлема.

На перемене я услышал, как Людка Гущина говорила Ленке Шамраевой:

— Видела вчера, как наши мальчишки вырядились? Я слышала, они сегодня рыцарский турнир будут устраивать. Пойдем, когда гулять будем, посмотрим?

Турнир мы решили устроить во дворе у Сашки. Дело в том, что он немного напоминал тот двор в замке в «Крестоносцах», где польский рыцарь отхватил топором руку крестоносцу, особенно — высокое крыльцо парадной: на таком и сидели во время поединка князь со свитой. Даже снега было так же много, как в фильме. Когда Сашкина мать выпустила днем гулять их белую болонку Пульку, ее из-за снега и видно не было, только твюкала всюю.

Вот когда пригодилась труба, стоявшая у Суворина в его комнате на шкафу, в которую мы, приходя к нему, всегда дули. Это был найденный им на помойке пионерский горн, помятый, но, после того, как он его почистил, еще хорошо дудевший.

— Его-то ты зачем притащил? — спросил я, когда во дворе показался Суворин — со шлемом под мышкой, мечом в одной руке и горном в другой.

— Как зачем? О начале поединка должен герольд протрубить. Все должно быть — по-настоящему.

Тут в дверях своей парадной показался Сашка. Я побежал помочь ему, потому что он тащил сразу два копья, санки и свои доспехи. Доспехи — это громко сказано, но молчком Сашка вырезал себе из жести еще и нагрудный панцирь. Скоро подошли Колька Газин и Мишка Лукьянов. Газин тоже тащил за собой санки.

— А ты чего — в шлеме, с мечом и со щитом? — спросил Суворин Мишку. — Тебе ведь нельзя.

Мишка, хоть и притащил все с собой, в турнире участвовать не мог. Три дня назад он подвернул ногу на физкультуре и еще довольно сильно хромал.

— Во! Тогда герольдом будешь, — сказал Суворин. — Вот, держи горн. Залезай на крыльцо и труби перед началом каждого поединка.

Сашка приложил к груди свой панцирь, и попросил меня завязать на его спине тесемки, которыми он крепился. Все надели шлемы, и тут Суворин говорит:

— Надо, чтобы какие-то правила были. Мы сражаться — до чего будем? Предлагаю, до первого попадания в грудь.

— Согласен, — сказал Сашка. — А если по руке или по ноге — то это просто ранение.

— Тогда уж лучше до десяти очков, — предложил Газин. — А то поединок слишком коротким получится.

— Каких очков? Мы тут что, в пинг-понг играем? Да ну вас. Короче, сражаемся — до падения, — заключил Суворин. — А начать предлагаю — с конного турнира. Ты концы копий тряпками обмотал? — спросил он у Сашки.

— Еще и губку подложил.

— Правильно. А то как кто кого шибанет, так Мишкин вывих ерундой покажется.

Тут во двор вошли Гущина и Шамраева. Сначала они молча походили вокруг, внимательно нас разглядывая. Дольше всего они смотрели на Сашку, который стоял в панцире, шлеме, со щитом у груди, красиво отставив руку с мечом. Увидев на крыльце Мишку, они спросили:

— А ты чего там стоишь?

— Он освобожденный, — сказал Газин. — В гипсе.

— Не в гипсе, а шина у меня, — поправил Мишка. — Поднимайтесь, — позвал он девчонок. — Отсюда лучше всего видно будет.

Ленка и Людка взобрались по ступенькам и встали, положив руки на перила.

— Шилов! — говорит тут Суворин Сашке. — Вызываю тебя на поединок!

— Вызов принимаю! — и Сашка махнул по воздуху своим мечом. — Пошли, — сказал он мне.

— Есть у кого-нибудь белый платок? — спросил Суворин, подняв голову к стоявшим на крыльце.

— У меня есть, — сказала Шамраева.

— Тогда, как только мы будем готовы, махни им. Это сигнал будет.

Я и Сашка пошли в один конец двора, а Суворин и Газин — в другой. Чуть раньше мы с Сашкой уговорились, что за коня сначала буду я, а потом он. Сашка уселся на санки и уперся ботинками в полозья перед собой. Согнутые ноги подперли ему панцирь, и он уткнулся Сашке прямо под подбородок. На колени Сашка поставил щит и, зажав толстый конец копья под мышкой, установил его в вырез на щите. Он был теперь словно танк — так все было на нем прикрыто щитом, панцирем и ведерком-шлемом. И над всем этим покачивались серебристые и золотистые перья из мишуры.

На противоположном конце двора уже сидел на санках Суворин. Ленка Шамраева смотрела то на нас, то на них. Наконец, она решила, что все готово, и махнула платком. Мишка Лукьянов тут же поднес горн к губам и издал протяжный гудок, в конце которого горн по-человечьи хрюкнул. После этого он упер горн раструбом в бок. Я сделал шаг, другой, веревка, привязанная к санкам, натянулась, и наконец, я сдвинул их с места и все быстрее и быстрее начал переступать ногами. Полозья жутко закрипели по снегу.

Мы с Газиным бежали почти друг на друга и лишь в последний момент, чтобы не столкнуться, каждый взял в сторону. И как только он промелькнул мимо меня,

я обернулся и увидел: Витькино копьё ударило Сашку в верхний угол щита, скользнуло по нему, подскочило и почти скинуло с его головы шлем. От удара Сашка качнулся и чуть не свалился с санок, но удержался и глянул вслед промчавшемуся Суворину. Тот тоже обернулся, на ходу усаживаясь получше, потому что тоже получил удар копьём. Но то ли Газин прибавил хода, то ли удар оказался сильней, чем показалось сначала, но только Суворин не удержался и повалился боком в снег. Отряхнувшись, он, как и мы, подошел к крыльцу.

Сережка снова дунул в горн и изрек:

— Бой прошел согласно обычаям и установленным правилам, — точь-в-точь, как это было показано на поединке в «Крестоносцах». — Победил — Сашка Шилов!

Людка и Ленка захопали в ладоши. А Ленка сказала:

— А еще ему присуждается приз зрительских симпатий!

Мишка зачем-то взял и снова дунул в горн.

— Правилами такие призы не предусмотрены, — крикнул им Суворин.

— А с какой стати я вообще-то лошадей заделался? — вдруг кинул в снег веревку от санок Газин. — На фиг я тогда себе меч вырезал? Теперь я тебя вызываю, — сказал он Суворину.

— Мы же в паре, — удивился Суворин.

— Какая разница! Пошли, вон пяточок утопанный.

— Тогда получается, на мечах мы с тобой деремся, — сказал мне Сашка.

Мишка Лукьянов, похоже, вконец вошел в свою роль. Он снова задудел, потом оставил горн в бок и провозгласил, копируя увиденное в фильме:

— Дерутся между собой рыцари, — и вытянутой рукой он указал на нас с Сашкой. — А рядом — их оруженосцы, — и перевел руку на Суворина и Газина. — Победитель в одной паре может вступать в бой с противником в другой.

— Это как? — повернулся Газин к Суворину. — Сначала я — лошадь, а теперь еще — и оруженосец? Не жирно некоторым будет?

— Да ладно. Боишься, что ли?

— Тебя? А ну-ка, давай, давай!

Посмотрев на начавших драться Суворина и Газина, Сашка воткнул меч в снег, поправил обеими руками на голове шлем, натянул хорошенько варежки и выдернул меч из снега. Я тоже — опустил забрало, покрепче сжал в одной руке ручку-кольцо на щите, в другой — меч и пригнулся в коленях. Сашка тоже присел и начал маленькими шажками переступать из стороны в сторону. Вдруг он подскочил и со всего размаха треснул мечом мне по щиту. Я ответил тем же. Он отскочил, но тут же снова скакнул и ткнул мне мечом в низ щита. Я отбил его меч в сторону и так махнул мечом слева направо, что он даже свистнул в воздухе. Тут мы отпрыгнули на более утоптанное место и снова заприседали друг перед другом. И вдруг я понял, что бить-то надо не по щиту, а стараться — попасть. И тут я увидел глаза Сашки. Они в упор смотрели на меня сквозь щель в шлеме. И по тому, как они блестели, я понял, что и Сашка вдруг это понял. Почему-то мне даже страшно стало. Хоть я и знал, что передо мной не крестоносец Родгер, чьи глаза также сверкали сквозь прорезь в шлеме, а — Сашка.

Теперь Сашка уже не дубасил по моему щиту мечом, а медленно поводил им из стороны в сторону, выбирая момент, когда что-нибудь на мне приоткроется. И быстро шагнув, он с размаху рубанул, метя мне в плечо. Я успел поднять щит, но он снова скакнул, направив меч мне в живот. И как ни скрипел снег, я услышал, как шумно он выдохнул, выкидывая вперед руку. Я понял, что уже не успеваю

прикрыться ни щитом, ни мечом, как вдруг сбоку на Сашку пулей налетел Суворин. Он с силой пихнул Сашку в бок, и Сашка тут же полетел в снег.

— Ты чего, тронулся? — заорал он Суворину.

— Я ж сказал — до упада, так до упада! Я Газина победил, так что право имею. Моя теперь победа! У-у-у!... — загудел он, запрыгав на месте и махая над головой щитом и мечом. — Все видали? — и он обернулся к крыльцу.

Гущина и Шамраева молча спускались по ступенькам, и ничего не сказав, двинулись к выходу из двора.

— Чего не дудишь? — крикнул Суворин Мишке. — Замерз, что ли?

Мишка выставил трубу в сторону Суворина и коротко пфукнул.

Отряхиваясь, заправляя выбившуюся одежду, мы двинулись по домам.

На следующий день на переменах мы почему-то так и не условились, как будем гулять после уроков. Сашка, сидевший слева от меня на другой колонке, все время смотрел в сторону, приподняв правое плечо. Может, просто потому, что прикрывал воротником на щеке садину от копья. Я несколько раз оборачивался к нему, но он так на меня и не глянул. А мне все вспоминались его глаза, жарко блестящие сквозь щель в шлеме-ведерке.

Скоро на экраны вышел «Гиперболоид инженера Гарина», и мы как-то забыли про шлемы, мечи и копья.

ПО СЕМЕЙНЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

В то воскресенье к нам в гости пришли дядя Витя и тетя Аня. Раньше дядя Витя жил вместе с нами, его маленькая комнатка дверью выходила на кухню. Когда по вечерам мама что-нибудь делала на кухне — варила суп или чистила рыбу, я любил прямо на кухне учить заданный на дом стих или какое-нибудь правило. Лучше всего училось, когда я ходил по кухне туда-сюда, от двери к окну и обратно, поглядывая, как мама кончиком ножа вырезает у трески скользкие шарики глаз или вытягивает из ее брюха огромный белый воздушный пузырь, который она разрешала мне проткнуть вилкой. Часто в такие вечера из-за двери дяди Вити доносился храп — такой громкий, что он заглушал и шум льющейся из крана воды, и шипение сковородки. «Ну, и храпун же у нашего папы брат!» — говорила мама. Но потом дядя Витя женился на тете Ане и уехал, и теперь по праздникам или просто так, в выходные, мы ходили иногда к ним в гости или они приходили к нам.

Мама испекла пирог с капустой, наделала винегрета и почистила огромную селедку. Ее голова и хвост даже не поместились в селедочнице и торчали с двух сторон над скатертью. Лимонад для меня был куплен мой самый любимый — грушевый. Селедку я не любил, а вот винегрет, кусок капустного пирога, да еще запивая их лимонадом, я сидел и ел с удовольствием. Дядя Витя, когда выпил примерно пять рюмочек водки, как всегда стал вспоминать Попика — свою лошадь на войне, которую убили в одном бою. Всклипнув после еще двух рюмочек, он вытер глаза и, махнув рукой, сказал:

— Не успокаивай меня, Аннушка, ты не понимаешь!

Тетя Аня вздохнула, поправила кончиком ножа голову селедки, совсем уж поникшую над скатертью, и вдруг сказала:

— Леша! А ты хотел бы быть артистом?

Я пожал плечом.

— Чего это вы решили его в артисты записать? — спросила мама.

— А вчера по радио было объявление. Киностудия «Ленфильм» приглашает мальчиков 10 — 11 лет для участия в съемках нового фильма. Нужно приехать в среду к десяти утра на киностудию, там всех посмотрят, побеседуют, а потом тех, кто понравится, пригласят. Вот мы с Витюнчиком и подумали: а не показать бы им Лешу?

— А что, Лешка — сможет! — уверенно сказал дядя Витя, уже совсем успокоившийся после воспоминаний о Попике.

Во вторник вечером отец сказал:

— Напишу-ка я заранее записку Лешиной учительнице с объяснением, почему он не был в среду в школе. А то завтра вдруг позабудем, и будут Лешу попусту ругать.

Написав на вырванном из черновой тетради листке несколько строчек, отец поднял голову.

— Что писать-то, по какой причине? — спросил он у мамы.

— Ну, напиши, что Лешу надо было сводить в поликлинику, — сказала она.

— Про поликлинику всегда все в первую очередь и врут, — возразил отец.

— Тогда, ну... Что-нибудь про родственников.

— Что, умер какой-нибудь родственник?

— Тилун тебе на язык! — воскликнула мама. — Напиши что-нибудь про водопроводчика.

— Тоже смешно. Мы что же, не сами с водопроводчиком разбираемся, а ребенка на него скидываем?

— Не надо меня ни на кого скидывать, — сказал я.

— Ну, напиши, что нас затопило водой с верхнего этажа, и Леша помогал убираться.

— Избави Боже! — воскликнул отец. — Поплужь через левое плечо! Так что написать-то?

— Пиши, что хочешь! Напиши, наконец, просто — по семейным обстоятельствам. И отец тут же радостно застрочил ручкой и закончил записку.

И вот, по семейным обстоятельствам, мы стояли с мамой на остановке и ждали трамвая, чтобы ехать на киностудию.

Трамвай подошел почти пустой. Мы зашли с задней площадки и мама тут же села.

— Пыльно-то как, — сказала она, оглядывая окна трамвая. — Вот бы ливня хорошего, чтобы все смыл после снега. Не холодно? Ничего, ведь уже апрель!

Через две остановки в вагон вошел пожилой мужчина с мальчиком. Они сели прямо перед нами, и мама сначала как-то косо посмотрела на этого мальчика — уж не везут ли его тоже на просмотр, и не помешает ли он, чтобы выбрали меня? Но мальчишка этот был еще совсем маленький, и мама снова начала смотреть в окно.

Этот вошедший мальчик оказался жутким непоседой. Сначала он захотел сесть к окну, и ринулся вперед, отгеснив боком своего деда, почти уже присевшего на скамейку. Потом его потянуло на сиденье на другой стороне трамвая, и он с трудом протиснулся между коленями его бабушки и спинкой сиденья напротив. Но и на новом месте он не успокоился, вылез в проход, прошел вперед, посидел немного возле кассы, потом снова перешел — теперь уже на сиденье возле средней двери. Понаблюдав, как она, шипя, открылась и закрылась, он пересек наискосок первую половину вагона и опробовал еще два сиденья, перебравшись к самой кабине. После этого он, наконец, вернулся назад.

— Вот если бы ты был шахматной пешкой, — зашептал ему на ухо дедушка, — а вон там стояла бы пешка противника, и ты бы, ее съев, превратился бы в ферзя и потом походил вон туда, наискосок, а затем, съев вот там фигуру, превратился бы в туру, а потом в коня (то есть так, как ты зигзагом и передвинулся к кабине), то ты мог бы смело объявить водителю-королю шах. К сожалению, к шахматам мне тебя никак не приохотить.

— А зачем — это? — вместо ответа протянул мальчишка руку к болтающимся над проходом кожаными петлям.

— Чтобы держаться руками тем, кому не хватило мест на сиденьях, — ответил дед.

Мальчишка немного подумал, все еще глядя на петли, и спросил:

— А их — для всех хватает?

Дед вздохнул и тоже уставился в окошко.

На Литейном проспекте вошло и село довольно много людей. И вот трамвай бежал уже по краю Марсова поля. Справа серел Летний сад. Лишь деревянные ящики, в которых были укрыты на зиму статуи, светлели за деревьями.

Проплыл на постаменте странный, кажущийся полуголым Суворов, и трамвай пополз вверх по мосту. Тут я увидел, что водитель трамвая привстает и привстает со своего сиденья и всматривается вперед. Трамвай остановился, дверь, которая рядом с водителем, открылась, и водитель соскочил на панель. Те, кто ехал в трамвае, стали тянуть головы, чтобы высмотреть, что там случилось. Справа от нас остановился автобус, и его водитель тоже вышел наружу. За ним стали соскакивать на панель и переходить к тротуару пассажиры автобуса.

— Плохо дело, — сказа кто-то громко на весь трамвай. — Похоже, авария! Вот те и приехали!

— Тише, тише! — воскликнул кто-то. — Что-то из репродукторов на улице объявляют.

— Батюшки! — воскликнула старушка, сидевшая возле средней двери. — Не война ли?

— Космонавта в космос запустили! Человек на орбите! — прокричал вдруг, подскочив к двери трамвая и сунув на мгновение в него голову, водитель. — По радио объявляют!

Он тут же заскочил в кабину, дернул за что-то, и обе еще закрытые двери с шумом распахнулись. Все стали соскакивать наружу и спешить и даже бежать к одному фонарному столбу, с которого торчал над мостом репродуктор, похожий на огромный цветок-колокольчик.

— Снова, снова читают! — кричали вокруг.

«12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту, — неслось над мостом. — Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника «Восток» является гражданин Советского Союза летчик майор Гагарин Юрий Алексеевич!».

— Урра!... Урра!... — кричали со всех сторон. — Держись, Юрка!

А голос из репродуктора продолжал говорить, что старт космической ракеты прошел успешно, что период обращения корабля вокруг Земли столько-то минут, что удаление корабля от поверхности Земли такое-то, и еще про какой-то перигей и апогей. Тут все под репродуктором притихли, тоже, наверно, не понимая ничего про эти перигеи и апогеи. Но зато когда диктор объявил, что с космонав-

том Гагариным установлена двусторонняя связь, что выведение на орбиту товарищ Гагарин перенес удовлетворительно и чувствует себя хорошо, «урра-а!» стало еще громче.

Когда диктор сообщил, что полет продолжается, и репродуктор замолк, все какое-то время еще постояли под репродуктором, поглядывая на него. Потом стали потихоньку расходиться, кто куда. Заурчал мотором автобус, кто-то зашел в него, но многие двинулись по мосту пешком. В репродукторе щелкнуло, и над мостом загремела музыка. И казалось, что ветер над Невой тоже — не просто теперь дует через мост, а завивается то так, то этак, словно танцует.

Мы с мамой снова сели в трамвай и поехали. И трамвай тоже, казалось, уже не ехал, а прямо летел, хоть просто убыстрил ход, потому что скатывался с моста.

Перед белыми колоннами у входа на «Ленфильм» стояли кучками люди, громко говорили и размахивали при этом дымящимися папиросками. Кто-то выбежал из дверей, и ему закричали:

— Ну как, не приземлился еще?

Мы с мамой вошли в дверь за колоннами.

— Где тут у вас?... — обратилась мама к какому-то спешащему мимо нас человеку, но он не дослушал, а махнул рукой: «Вон, у вахтера спросите».

Женщина в синем халате, похожая на уборщицу в нашей школе, привстала над стоявшим поперек прохода письменным столом с часами и чайником, сдвинула брови и подалась вперед одним ухом.

— А-а? Что? Понятно! Вон, идите по коридору вперед, потом сверните, потом снова — прямо, прямо, прямо, и там, то ли справа, то ли слева, будет дверь. Написано!

Немного задумавшись при этих ее последних словах, мама, тем не менее, потащила меня за руку.

В тот самый момент, когда мы подходили к двери, на которой на листе размером с портфель было написано: «Просмотр. Отбор массовки», из нее выскочил человек и устремился по коридору. Мама схватила его за локоть.

— Скажите, по радио объявление было, я мальчика привела, на просмотр.

Человек этот, даже чуть отшатнувшись, взглянул на маму, выбросил вперед руки и, расставив пальцы, воскликнул:

— Какой просмотр! Господь с вами! Человека в космос запустили — все отменено! В другой раз приезжайте, по телефону, что когда, уточните!

Полы его светлого плаща запорхали по коридору. Мама постояла, заглянула чуть-чуть в дверь с надписью «Просмотр. Отбор массовки» и, сделав мне бровями, пошла по коридору к выходу.

Когда мы доехали до дома, я сказал, что пойду немного погуляю.

Пойдя по привычке к Сашкиному двору, я вдруг увидел Сашку.

— Гагарин-то приземлился уже? — спросил он. — А ты бы в космос полетел?

Я пожал плечом и спросил:

— А ты что, дома был? А как ракету запускали, по телевизору показывали?

— Не знаю, — сказал Сашка. — Я только чай попил и снова вышел. Ну и тепло сегодня. Прямо жара!

Я думал, что Сашка спросит, почему меня не было в школе, но вместо этого он сказал:

— Странно, что никого из наших на улице нет. Тебе, как из школы разбегались, никто ничего не сказал?

— Так ведь я в школе сегодня не был.

— Да? А я и не заметил. Как утром, в середине первого урока, по радио объявили, что человек в космосе, так всех из школы и отпустили.

Скоро во двор пришли Мишка Лукьянов, Суворин и Газин и мы дунули гулять в Лавру. Мишка Лукьянов сказал, что большие лужи на газонах там почти все высохли.

«Зря, значит, записку писали», — думал я. И отец вечером то же самое сказал. — «Хорошо еще, что заранее ее учительнице не показали, — добавил он. — Вдруг, снова понадобится в школу не идти? А то скажет Мария Тимофеевна: зачастил!»

А на киностудию мы больше не ездили. Как-то забылось это скоро.

Жаль, что когда запустили второго космонавта — Германа Титова, были каникулы, и мы жили на даче. Мы как раз возвращались с моим дачным соседом и другом Толькой Глобой из леса. Я — с двумя большими подберезовиками в руках, а он даже с одним подосиновиком, тоже большим, но с кривой ножкой. Из раскрытых окон одной дачи мы услышали звуки позывных, а потом — «Говорит Москва!» Мы сразу поняли, что, значит, еще одного космонавта запустили. И Толька Глоба сказал:

— Эх, жаль, что каникулы! А то снова бы — не учились!

АНГИНА

Интересно, кто названия для кинотеатров придумывает? — спросил меня как-то Сашка.

— А что?

— Да странные они какие-то. Вот самый близкий от нас — «Призыв» называется. Куда это призыв? И чей? Не ясно. Или вот, на Суворовском проспекте кинотеатр «Совет». Это что — совет идти именно в этот кинотеатр? Так в нем зал — как кишка. Экранчик вдали — совсем маленький, единственное слово, которое в титрах на нем прочитать можно — это «конец». Да и то, потому что оно всегда на экране одно, да еще посредине.

— Ну а «Колизей»? — возразил я. — Потому и «Колизей», что в нем зал большой и круглый, и даже экран изогнут. «Аврора» — тоже понятно. В честь крейсера, наверно.

— А «Титан»? — не унимался Сашка. Ты в нем был? У этого «Титана» зал еще уже, чем в «Совете». А еще титаном назвали! Или — «Знание»...

— Со «Знанием» все правильно, — возразил я. В «Знании» есть зал, в котором одни только документальные фильмы показывают. И про животных, и про страны другие, и про путешествия. Потому так и назвали.

В тот день я и пошел в «Знание» посмотреть «Кон-Тики» — так фильм назывался. Это про путешественников, задумавших переплыть Тихий океан на большом плоту. Они его «Кон-Тики» назвали. Так вот, когда огромная тигровая акула поднырнула под плот, так что с одной его стороны был виден ее хвост, а с другой — голова, я в первый раз почувствовал, что глотать больно. А когда домой возвращался и ждал в парадной лифт, привалившись спиной к батарее, чтоб согреться, то уже и головой не мог пошевелить. Словно ножи в шею впились. Мама посмотрела мне горло, потрогала ладонью лоб — и только рукой махнула: «Ну тебя, — говорит. — Опять ангина. Все, ложись, утром в школу не пойдешь, врача вызову».

— Жалко, — сказал я. В смысле, не потому жалко, что в школу не пойду, а что заболел. — А вчера так, — говорю, — хорошо у дяди Вити и тети Ани в гостях посидел. И пальто мое новое им понравилось. А когда в автобусе от них ехал, то кондукторша посмотрела на меня и сказала водителю, возле которого стояла и болтала: «Глянь, какой мальчик приглядный. И пальтишко у него — модненькое».

— Вот она-то тебя и глазила! — воскликнула мама.

А у дяди Вити вчера и на самом деле хорошо было. Я теперь к ним в гости иногда и без родителей ездил. Тетя Аня, открыв мне дверь, всегда кричит дяде Вите: «Встречай племянничка!». Сначала мы играли с дядей Витей в шашки, потом я смотрел, как он выворачивает из люстры лопнувшую лампочку, верней, что от нее осталось в патроне. Держать лестницу прибежала из кухни и тетя Аня. А до этого она настояла, чтобы дядя Витя подложил под ножки лестницы резиновый коврик.

— Ты мне еще перчатки резиновые, которые до локтя, прикажи надеть, — ворчал дядя Витя.

— И прикажу, — отвечала тетя Аня. — Вот хватит током, тогда узнаешь!

Так мы и стояли: дядя Витя вверху на лестнице — его голые пятки торчали из тапок прямо перед моим носом. Тетя Аня, расставив руки и ноги, как буква «икс», стояла сбоку лестницы, придерживая ее ногами, а руками — дядю Витю. А я подавал дяде Вите то плоскогубцы, то отвертку. Потом мы обедали. Мама, конечно, вечером спросила, чем меня угощали. А тетя Аня, когда приезжаю, всегда варит на второе макароны с колбасой. Потому что я как-то сказал, что таких вкусных макарон, как у нее, я никогда не ел. Когда потом я рассказал об этом дома, мама почему-то нахмурилась, а папа и говорит: «Макароны — такой продукт интересный, что вот поставь двадцать хозяек, дай им по одинаковой пачке макарон и по кастрюльке воды — так у всех макароны разными по вкусу получатся».

Наутро я ни о Кон-Тики, ни о макаронах уже не думал. Глотать было вообще невозможно, а температура была — тридцать восемь. Правда, когда временами я засыпал, то перед глазами у меня словно что-то белое в спираль закручивалось. Может, это от жара, а может, мне снилось, как тетя Аня макароны в кастрюльке размешивает.

Дня через три мне в первый раз захотелось есть. До этого мне мама только чаю теплого да бульон на ложке давала.

«Вот бы, — сказал я вдруг, — поесть вареной картошки с сарделькой. Да еще огурчик соленый».

— Ну, значит, поправляешься, — обрадовалась мама.

А еще через три дня она уже оставила меня днем одного и пошла куда-то по делам.

Хорошо сидеть днем дома, особенно, когда один!

Мама ушла рано, а я лежал и слушал, как тикают на стене часы. Они то громче начинали тикать, то тише. Словно набирали ртом воздуха, а потом медленно его выпускали.

Пробило десять. «Хорошо-то как, — подумал я, потягиваясь под одеялом. — Все в классе сидят, на втором уроке уже, а я...». Я даже рассмеялся — не над кем-то, а уж больно хорошо было.

«Странно только, что тихо так, — подумал я. — Вроде, день уже. Только одеяло около уха и шуршит, когда ворочаешься».

Вдруг за стенкой что-то стукнуло. Почти на уровне моего уха. Я прислушался. Что-то повозилось за стеной, и снова раздался стук. Но на этот раз чуть ниже.

Неприятно это, когда ты дома один, а о твою стенку снаружи кто-то трется и стучит. Стук раздался опять, теперь — еще ниже. «Так это ж лестницу дворничиха подметает, — догадался я. — Так и идет со шваброй вниз по ступенькам!».

Скоро где-то наверху громко хлопнула дверь, и что-то быстро прошмыгнуло вдоль стены сверху вниз. «Это Ольга Васильевна своего Чесю гулять повела», — догадался я. Ольгу Васильевну и ее дворняжку Чесю знали все в доме. Выйдя на улицу, Ольга Васильевна — высокая и толстая — вставала посреди двора и так и стояла всю Чесину прогулку, лишь поворачиваясь в те стороны, куда убегал Чеся. «Чеся-Чеся-Чеся-Чеся», — кричала она, стоило ему спрятаться за машиной или кустом. «Во-от, какой у меня мальчик хороший», — говорила Ольга Васильевна подходившим соседкам, наклоняясь и трепля Чесю. «Стой, сволочь усатая, побегу за тобой, что ли?», — услышал я вдруг, прижимая ухо к обоям. И потом, тяжело дыша, Ольга Васильевна протопала за стеной.

«Может, поспать еще?» — думал я. Но тут увидел на столе пузырек с таблетками пектусина. Мама велела мне принять его, когда встану, потому что я еще кашлял. Я подошел к столу, посмотрел на пузырек, но вспомнив хоть и сладковатый, но все же противный вкус серых шершавых таблеток, решил, что приму пектусин позже. Потом подошел к окну. Прямо за нашими окнами желтела стена другого дома, вся — в одинаково серых окнах. За тюлевыми занавесками в окнах ничего не было видно. Наверно, точно так же ничего не было видно и в нашем окне. Словно чтобы проверить это, я скорчил неизвестно кому макаку, выставив вперед языком нижнюю губу, сморщив нос и оттопырив пальцами уши. Тут мне снова попался на глаза пузырек на столе. «Вот только не прими мне пектусин», — вспомнил я, как сказала мама. «Почитаю сначала, а уж потом приму», — решил я.

Я взял со стула «Всадник без головы» Майн Рида, которого начал читать два дня назад, лег на диван, засунул подушку подмышку, чтоб было удобней, и, найдя страницу с загнутым углом — меня за эти загнутые страницы всегда ругали — начал читать. Потом, отлежав бок, я перевернулся на спину, а потом вдруг проснулся от звонка в дверь. Часы показывали три. Я подошел к двери и глянул в глазок. В глазке, выставив вперед и вверх ставшую огромной и расплывчатой по краям голову, был виден Сашка.

— Привет, — сказал он. — К тебе можно?

— Заходи, — сказал я. — Дома никого. К тому же я уже не заразный.

— Грипп?

— Нет, ангина. Тебе гланды вырезали?

— Нет, только аппендицит.

— А мне, врач говорит, надо вырезать.

— Я бы и сам с удовольствием поболел. Повезло тебе. Завтра же у нас контрольная. Любишь контрольные по математике?

Ответа Сашка не получил. По привычке, он обошел всю комнату, словно впервые видел ее, разглядывая сервант, ковер на стене, полки и все, что на них стояло. Осмотрел даже подоконники.

— У вас столетник в горшках на окошках растет? — спросил я.

— На кухне, вроде. Противное растение. Чуть тронешь — ломается, да еще колючки по краям.

— Представляешь, в Мексике столетники такие огромные, что их шипы высушивают и используют как гвозди. Даже доски ими прибивают.

- Откуда знаешь?
- «Всадника без головы» читал?
- Нет.
- А знаешь, что надо сделать, чтоб змея не укусила, когда на земле лежишь?
- Что?
- Надо вокруг себя кольцом толстую веревку уложить. Змея ползти будет, ткнется в нее носом — и обратно повернет.
- Это ты там же вычитал? Ха-ха! Может, ихняя змея — кобра или гремучая — так и сделает. А наша гадюка все равно щелку какую-нибудь отыщет и пролезет.
- А знаешь, как по-испански «черт возьми!»?
- Как?
- Карамба!
- Карамба? Неплохо, запомню.
- Осмотрев все вокруг, Сашка обратил свой взгляд на стол.
- Таблеточки? — кивнул он на пузырек.
- От кашля.
- И ты что, ешь эту гадость? Помнишь, я болел недавно? Так вот, когда мать потом пол в комнате мыла и диван отодвинула, там россыпь этих таблеток была. Я их, как только она отвернется, за диван выплевывал. Так как ты говоришь, черт возьми-то по-ихнему будет?
- Карамба.
- Ну, да, карамба. А от кашля лучше всего жженный сахар сосать. Сразу помогает. Я сам его делаю.
- А как?
- У тебя дома кто-нибудь есть?
- Я ж сказал уже — никого.
- Ну, так пошли на кухню, сейчас покажу.
- Мы вышли с Сашкой на кухню.
- Так, сказал Сашка. — Давай мне миску, сковородку небольшую, да песок сахарный. В миску воды холодной налей и поставь вот тут, у горелки. Теперь смотри.
- Сашка всыпал в сковородку ложек пять песка, капнул в него чуть-чуть воды и поставил сковородку на огонь.
- Подождать надо, — сказал он.
- Что в классе-то нового? — спросил я.
- Черт его знает. Ничего, вроде. Как там, говоришь, «черт возьми» по-испански? Что-то мне никак не запомнить.
- Карамба, сотый раз уже говорю.
- А, ну да. Вот, а теперь смотри. Видишь, песок на сковородке пузырится? Скоро он темнеть начнет.
- И, правда. Один край песка стал желтеть и постепенно становиться коричневым. Сашка стал наклонять сковородку то туда, то сюда.
- Это, чтоб подгорал одинаково, — пояснил Сашка. — А теперь, — самое главное, — сказал он, когда весь песок стал коричневым.
- Он снял сковородку с огня и вылил расплавленный сахар в миску с водой. «Пш-ш-ш...», — раздался такой же звук, словно на сильно разогретой сковороде запрыгали шкварки.
- Ух, ты! — воскликнул я, разглядывая пузырчатый коричневый слиток на дне миски.

— Теперь осталось выложить его на блюдце — и лучшее лекарство от каши готово.

Сашка потянулся к сушилке взять блюдце и тут зацепил рукавом ручку сковородки. Сковородка крутанулась и полетела с плиты. Сашка попытался ее поймать, и — въехал пальцем прямо в остатки расплавленного сахара.

— Ка-р-р-рамба! — заорал он.

Он стал дуть на руку, но лепендоха расплавленного сахара размером с горошину на его пальце стала только тверже. Он попытался скovyрнуть ее ногтем, то та прилипла намертво. Тогда Сашка бросился к раковине и сунул палец под струю холодной воды. Лепендоха скоро смылась, но на ее месте прямо на глазах вздулся противный белый волдырь.

— Больно? — спросил я.

— Нормально... — протянул Сашка.

— Может, забинтовать?

— Да ну. Лопнет, так пластырем залеплю.

— Хочешь? — спросил я, — откусывая от жженого сахара. — Вкусно!

Глотая сладко-горьковатую слюну, накопленную во рту с кусочком жженого сахара, я чувствовал, что горлу моему уже значительно лучше.

ГОРЬКУШКА

Хозяйку нашей дачи отец называл Горькушкой. Весь подоконник в ее комнате и оба окна на кухне были заставлены стеклянными банками, в которых вымачивались горькушки. Это такие грибки, интересные грибки. Идешь иногда по лесу, глядишь — гриб. Шляпка — красивая, сухая, иногда совсем маленькая, иногда — с блюдечко величиной. В самом центре — бугорок торчит. А цвет — сочный, красно-коричневый. Ножку надломишь — белая капелька выступает. Только лучше этот сок не слизывать — горький очень. А рядом с грибком, что увидел — еще такие же, один другого меньше. Или больше. Если идти в лес собирать одни горькушки — то их можно быстро набрать. Только не все их и берут. Мой отец, например, никогда. Потому что возни с ними очень много: подолгу вымачивать надо и отваривать — чтобы горечь ушла. А хозяйка наша только их, кажется, и собирала. И хвалила всегда. Если их, говорит, засолить, а потом лучком и маслом подсолнечным заправить, то с отварной картошечкой — пальчики оближешь.

«Горькушка, похоже, одними только горькушками и питается, — сказал как-то отец. — Даже воздух в ее комнате стал уже горький».

Вот об этом я Тольке и рассказывал, когда мы шли с ним как-то за грибами. А грибов в это лето было много. Ходили мы и с мамой, ходил я и с Толькой, а иногда и один. Даже в дождь, если небольшой, мы за грибами ходили. Наденем накидки из полиэтилена, ноги выше и ниже колена мешками из него же обвяжем и идем. Как чучела какие-то. Зато в любой куст влезешь — только смотришь, как вода по тебе стекает.

— Странная у вас хозяйка, — сказал мне Толька. — Я как не приду — она все посреди кровати сидит, одеялом прикрывшись. Словно и ног-то у нее нет.

— Ну да — нет! Ты не гляди, что она такая старая. Мы иногда еще только завтракаем, а она уж из леса приходит, с горькушками своими.

У нас с Толькой был свой маршрут, когда мы за грибами ходили. Как-то мы свернули в лес не по той дорожке, по которой почти все с шоссе сворачивали, а раньше,

по канаве. Прошли немного — и Толька вдруг как заорет: «Нашел!» Я, конечно, сразу к нему. И вправду: смотрю — большой подберезовик в руке держит. А если в самом начале, как за грибами пошел, гриб большой попался, то ты уже — сам не свой. И никуда уже, кроме как под каждую кочку или куст, смотреть не можешь. А если потом еще раз на том же месте гриб нашел, то все: место это — грибное. И на него всегда снова приходишь. Вот и сейчас мы по этой канаве и свернули.

Теперь уже не до разговоров было. Хотя и вместе мы шли, но ведь гриб каждому свой нужен. И если тот, с кем ты вместе пошел, вдруг невдалеке от тебя гриб находит, то даже какую-то обиду чувствуешь.

Что-то не попадались нам грибы. Толька даже в канаву спустился и шел, палкой траву приподнимая.

— Был кто-то уже здесь, — сказал я. — Вон, сыроежки червивые валяются. Да и мухоморы кто-то ногами посшибал. Ты, кстати, не знаешь, что ядовитей — мухомор или бледная поганка?

— Поганка. У нее даже если только кусочек шляпки съешь — все, помер.

— Да... Поганки-то вон, издалека видны. Их и искать не надо.

Толька вылез из канавы, осмотрелся и сказал:

— Пошли-ка в сторону поля. Там лес светлей, может, чего и найдем.

Скоро на пути нам стали попадаться широкие кочки, по краям которых в траве запросто могли быть грибы. Удобных проходов между кочками было не так уж много, и иногда мы шли с Толькой друг за другом или одновременно огибали кочку с двух сторон. И этот белый мы сразу вдвоем и увидели.

— Ух, ты! — сказал Толька.

— Беяк! — подтвердил я.

И замолчали.

— Хорош грибок, — сказал Толька, ступив ногой на кочку и нагибаясь над ней. — Правда, маленький еще.

Я тоже присел на корточки и рассматривал гриб. Он и вправду, словно только что вылез из земли. К его влажной шляпке прилипло несколько сосновых иголок, и одним краем она тянула за собой спутавшиеся травинки.

Я вдруг почувствовал, что если Толька сейчас сорвет этот гриб, то будет — нечестно. Но и Толька, протянув руку, лишь отвел нависшую над шляпкой траву.

— Молодой еще, — сказал Толька. — Подрасти бы ему.

Он встал, и, глядя на гриб, сказал:

— Давай, пометим это место. А уж как вымахает, тогда...

Что будет тогда и кто тогда и что сделает, он не договорил. Ну и хорошо.

— Замаскировать бы его надо, — сказал я. — А то если кто другой заметит, то уж, как мы, ждать не будет. А грибы быстро растут?

— Сантиметра полтора-два за день.

— Говорят, что если на гриб кто посмотрит, то уж больше он расти не будет.

— Выдумки это.

— Ну и хорошо.

Мы обошли кочку со всех сторон и выяснили, что со стороны поля она хорошо прикрыта низкими елочками и травой. А вот с другой стороны наш белый увидел бы всякий. Толька походил вокруг, и вдруг вижу — тащит большую корягу. Я тоже: невдалеке рыжела на земле свалившаяся с сосны большая ветка. Ее я тоже подтащил к нашей кочке. Теперь нашего белого видно не было. Ниоткуда. Да и вряд ли кто-нибудь захотел бы пробираться через устроенный нами бурелом.

— Измерить бы его как-нибудь, — сказал я. — Ну, чтобы когда приходиться будем, знать, насколько он вырос. Линейки, жаль, нет.

— Кто ж в лес с линейкой ходит, — сказал Толька. — Надо прутик какой-нибудь взять, к земле его рядом с грибом приставить да царапнуть по нему на уровне шляпки. Потом по этой мерке и узнавать будем.

Так мы и сделали. Оставалось пометить место.

— Может, на ствол что-нибудь повязать? — спросил я.

— Ну да! Другой кто заметит, сразу поймет, в чем дело.

— Тогда надо шаги отсчитать — вон, хоть от места, где канава поворачивает.

— Правильно.

Толька остался стоять возле кочки, а я вернулся к канаве и пошел потом прямо на Тольку. Получилось ровно пятнадцать больших шагов.

Мы так обрадовались нашему белому, что даже не стали больше бродить по лесу, а пошли, болтая, назад.

На следующий день мы решили пойти проверять наш грибок ближе к вечеру. Ну, чтобы дать ему время подрасти. Толька приставил к грибу сделанную нами мерку, и тогда выяснилось, что наш белый за один день подрос сантиметра на полтора.

— Неплохо, — сказал Толька.

— Надо бы его еще и в ширину обмерить, — предложил я.

— А может, еще и взвешивать каждый раз будем?

Следующий день был весь напролет дождливый.

— Ну и хорошо, — решили мы с Толькой, когда я забежал к нему после обеда.

— Зато завтра заметней будет, как он вырос.

Наутро постепенно прояснилось, и днем мы с Толькой наконец-то побежали смотреть на наш гриб.

— Ничего себе, — сказал Толька, приложив к шляпке прутик-мерку. — Почти на пять сантиметров! А ножка-то, посмотри, какая стала. Вот, крепыш так крепыш! Скоро срезать его надо...

— Когда скоро?

— Ну, через день — в самый раз будет. — А то и завтра...

Вечером мы играли с Толькой на дороге: вырезали из кусков сосновой коры лодочки, втыкали в них мачту с парусом и пускали в лужах. Загнали в этот вечер Тольку в дом рано — у его отца начался отпуск, и он приехал к ним на дачу.

Утром Толька не показывался на дороге. Было понятно, что он проводит время с отцом, и я тоже не пошел к нему. А вот перед обедом я, выйдя на дорогу, увидел Тольку. Он шел по другой стороне дороги с бидоном в руке.

— За молоком послали? — подошел я к нему.

Но Толька почему-то не ответил, а, отвернувшись, прошел мимо.

Решив, что он дурачится, я пошел за ним следом. Но он прибавил шагу, и я, пожав плечами, еще долго смотрел ему вслед.

После обеда Толька тоже не зашел. Идти к нему после его выходки на дороге мне тоже не хотелось. И я решил сходить в лес один. К вечеру Толька все равно зайдет, думал я, и я расскажу ему, как поживает наш беляк.

Впервые я подходил к нашему боровичку один. Мне даже приятно стало. Все же гриб — он только для тебя быть и должен. Это когда чернику собираешь, можно с кем-то рядом на корточках сидеть. А гриб, когда его находишь, — он всегда твой.

Отсчитав пятнадцать шагов от канавы, я переступил через корягу и вдруг увидел в траве белое круглое пятнышко. Как раз на том месте, где раньше стоял наш

боровичок. Это все, что от него только и осталось — ровный срез в самом основании ножки. Срез, надо сказать, был абсолютно чистый. Ни единой, даже самой маленькой дырочки от червя, в нем не было.

«Гад! — воскликнул кто-то внутри меня. — Так вот, почему утром он прошел мимо по дороге! Встал, значит, утром, сходил, срезал гриб, а потом словно вообще не знает меня, мимо прошел. А я-то потом еще целых полдня на дорогу выглядывал, ждал его, думал, покажется, захохочет, и мы вместе в лес пойдём».

Я и сам не заметил, как вышел из леса. Ноги сами несли меня по дороге. Даже сердце колотилось. Это почти все лето дружили, дружили и — вот так, из-за какого-то... Ну, пусть даже из-за такого замечательного беляка.

Вот и Толькина калитка. Но я почему-то не вошел, а стрельнув глазами по его окнам, прошел мимо.

— Ты чего? — спросила меня мать, когда я пришел домой.

Но я тут же снова вышел из дома, и, зайдя за времянку, облокотился на ее горбатые доски. И дышал я так, словно долго-долго бежал.

Вдруг я услышал, как звякнул на нашей калитке крюк. Он всегда так звякал, когда кто-нибудь входил. Толька, понятное дело, уже придти не мог. И все же я резко оттолкнулся спиной от стены и вышел к дому. У нашего крыльца стоял Толька.

— Ну что, похвастался перед отцом, какой ты грибник замечательный? — закричал я. — Наверно, как ни в чем не бывало, подвел его, а потом кинулся и — смотри, папа, какой гриб я нашел!

Толька казалось, не понимая, смотрел на меня. Моргнув, он сказал:

— Шину, жила поганая, отдавай обратно, которую я у тебя после купанья оставил. Супчик-то грибной — съел уже? Или мамочку попросил с картошечкой тебе наш грибок поджарить?

Наверно, мы теперь одинаково смотрели друг на друга. И поэтому оба молчали.

— Шина — где? — словно очнулся Толька.

— На кухне, за стулом в углу стоит. Иди, бери, нужна она мне...

Медленно я пошел за Толькой.

Кухня у нас и у хозяйки — Горькушки — была общая. Дверь в комнату Горькушки была открыта, и я сразу увидел ее. Как обычно, она сидела посреди кровати. «Словно без ног», — как сказал Толька.

— Ну, что, грибнички? — проговорила, увидев нас из своей комнаты, Горькушка. — Ходите, ходите, а грибов собирать не умеете. Вон, смотрите, какого красавца я сегодня утречком срезала. Белый! Встречали хоть раз за все лето такого? То-то! А ищите, ищите...

Мы с Толькой остановились посреди кухни. На столе Горькушки, возвышаясь над россыпью небольших красно-коричневых грибков, лежал наш боровик.

— Срезала, а зачем, и сама не знаю, — продолжала Горькушка. — Не беру я обычно всяких там грибов. Зато вон, горькушечек сколько набрала! А его — уж так, за компанию. Не знаю теперь, что и делать с ним.

Мы с Толькой вышли из кухни. Шину он так и держал под мышкой.

— Ты, это... протянул Толька. — Завтра, говорят, снова жара будет. От тебя ближе до озера. Чего ее, шину, таскать-то туда-сюда?

Я кивнул головой:

— Да, оставь... Купаться когда пойдём, так и возьмем... К тебе отец-то надолго приехал?

И мы пошли по дороге.

ТЯЖЕЛАЯ ПОСТУПЬ

— Раньше на заборах горшки сушить вешали, а теперь — пакеты полиэтиленовые, — сказала Горькушка, тяжело, бочком спускаясь с крыльца и садясь на скамейку. Мама же, вымыв только что посуду в приделанной к забору раковине, действительно, надевала на рейки забора вымытые полиэтиленовые мешки. Струйки все еще сбегали по ним и повисали каплями на нижнем крае мешка.

— А мне жаль их выбрасывать, — сказала мама. — Не дырявые же. Почти каждый можно снова использовать. Но ведь мы теперь, чуть что — на помойку! Неправильно это.

— Грех это, чистый грех, — закивала головой Горькушка. — И вообще. Я вон грядки весной на краю участка вскапывала, у забора, свалка за которым, так уж и лопату в землю не воткнуть — все в мешках этих.

Кстати, Толька Глоба как-то сказал, что полиэтиленовые мешки могут пролежать в земле хоть сто лет, и ничего с ними не сделается.

— Холодно-то как, — сказала мама. — Вот тебе и июнь.

— По радио сказали, еще и снег пойдет, — сообщила Горькушка, щелкнув раскушенной семечкой.

— Хорошо, что у вас печка, и что в нашу комнату она тоже одной стороной выходит, — сказала мама. — А то на нашей первой даче печка у хозяйки была, но она ее ни разу не топила.

Горькушка раскусила несколько семечек, посмотрела несколько раз в разные места на небе и сказала:

— Сегодня печечку надо будет жарче протопить. Ночью заморозок обещали. А печечка наша, верно, хорошая. Но с норовом. Не поймешь ее. Накидаешь дров, накидаешь, а все холодная. А через час рукой тронешь — обожжешься! До вас дачники, которые жили, даже жаловались. Ничего не поделаешь. Печка — она, как человек. Как сложили ее, такой и будет. А то ломай.

— Я хочу вас об одолжении попросить, — подошла к Горькушке мама. — Мне сегодня в город уехать надо. К врачу одному еще весной записалась, так чуть не забыла. А время-то — на вечер. Завтра прямо утром и вернусь. А Лешку тащить неохота. Да и чего он в городе летом не видел? Даже товарищей никаких — все, кто в лагере, кто на даче. Не присмотрите за ним сегодня? Я уж ему сказала: гулять — только на дороге. На ужин ему творог и молоко стоят.

— Да езжайте себе с Богом, — махнула рукой Горькушка, успев выхватить изо рта только что прикушенную семечку. — Уж не маленький. Погуляет с другом своим, Толькой, да и спать загоню. У меня быстро послушается. Ну а ночью — чего нам бояться? Дверь на запоре.

И мама уехала. А мы с Толькой на дороге до вечера и прогуляли. Правда, с дороги перед домом мы свернули на другую дорогу, а потом — и еще на одну, так что почти до самого леса дошли. И после ужина тоже гуляли. Только когда ветки яблонь над заборами дач из розово-белых превратились в белые, холодные, а заросли крапивы вдоль канав стали не зелеными, а серыми, почти бесцветными, Толька поплелся к себе домой, и я тоже.

— Не замерзнешь! — встретила меня, сидя у окна, Горькушка. — Печку натопила на славу! Уж теплая. Чаю хочешь? А не то — телевизор смотри.

— Нет, спасибо, — сказал я. — Спать пойду.

Печечку свою любимую Горькушка натопила на самом деле — будь здоров! Сначала я вообще уснуть не мог. Полежу, полежу, как люблю, на боку — вдруг одна нога потеть начинает. Одеяло над собой несколько раз подброшу — вроде ничего станет, но скоро — и с другого бока весь мокрый. Наконец я вообще одеяло с себя скинул. Вроде ничего стало. Но тут — комар звенеть начал. Да так, словно в самое ухо мне влететь собирался. Стал я периодически руками махать. Вроде, стихло. Вдруг, чувствую, что-то выше колени покалывает. Ногой дрыгну — снова звон, а потом — снова тихо. И вдруг у локтя, с внутренней стороны, там, где кожа меньше всего загорелая, как кольнет! Тут я снова на себя одеяло накинул. В общем, в конце-то концов, я все-таки, наверно, уснул, потому что вдруг — проснулся.

Сначала я подумал — из-за жары. Казалось, что одеял на мне — не одно, а штук десять лежало. Только слышу вдруг — за стенкой, совсем близко от меня, тяжело так кто-то по земле — топ-топ.

Я замер. Хотя и до этого я тоже, вроде, спокойно лежал. А когда лежишь неподвижно, то первым делом — глаза по сторонам бегать начинают. Слева от меня печка в темноте белела. Прямо перед глазами — окно виднелось. В нем тоже уже светлело — ночи-то белые были. Но ничего я за окном различить не мог, потому что запотело оно. Ну а справа — стенка, обои неровные. А за ней, я знал, тропка шла, узкая совсем. Шла она между домом и забором, за которым соседский участок начинался. Вела эта тропка к сарайчику — его с улицы и видно не было, потом — к туалету и дальше — к грядкам Горькушкиным.

Стал я прислушиваться. Стихло все, вроде. Вдруг снова слышу: топ-топ. И тяжело так. А самое главное, в стороне чуть от этого топ-топ еще и другое топ-топ раздалось. Значит, не один там кто-то топал, а несколько их было. Только продвигались они вдоль стены как-то медленно. С осторожностью. Значит, чтоб никто их не услышал.

Тут за домом где-то, далеко — слышно очень слабо было — машина проехала. И эти, что за стенкой крались, вдруг как скакнут все к углу дома. Испугались, то есть. Ну, что увидят их. И тут стало ясно, по топоту, что было их не двое, и не трое, а больше.

«Неужели — банда? — подумал я. — А что делать-то? В доме — я да Горькушка. Телефона у нее нет. На улицу выскочить? Так в дом — не с улицы, а с участка вход. И от крыльца до угла, за которым эти притаились — несколько прыжков. До калитки даже добежать не успеешь — прибьют, никто и не услышит».

Слышу, один немного обратно протопал. Наверно, посмотреть, как там на улице. Потом вернулся, и, слышу по топоту, в кучку все собрались. Посоветаться, наверно, как все дальше делать.

Ждать — тоже, думаю, ничего хорошего не выйдет. Я встал, вышел в коридорчик и тихо-тихо стукнул в комнату к Горькушке.

Наверно, и она из-за жары не очень крепко спала.

— Ты чего? — спросила Горькушка.

— Там за стенкой у меня кто-то топают. Верней, не топают, а человек несколько, по-моему, чего-то замышляют.

— Сдурел, что ли?

— Вам просто не слышно. У вас-то стена в сад выходит, а они вдоль забора прокрались, а сейчас на углу стоят, у сарая.

Я услышал, как зашумело сбрасываемое одеяло, потом долго шуршали по полу подошвы тапок, пока Горькушка попадала в них ступнями, и, наконец, охи и вздохи приблизились к двери.

— Приснилось тебе, что ли? Начитался, может, чего на ночь?

— Да я и книгу в руки не брал.

— Лучше бы брал, может, меньше б дури в голову лезло.

— Вы послушайте лучше.

Горькушка первая вошла в нашу комнату. Проходя около печки, она, хоть и всматривалась уже в окно, провела по ней рукой.

— Перетопила! — услышал я.

Горькушка махнула ладонью по запотевшему стеклу, но ничего за ним не увидев, оперлась руками о столик у окна, придвинула к стене голову и замерла.

«А ну, как ушли? — подумал я. — Мама придет, обсмеет меня перед ней Горькушка».

И тут раздалось — топ-топ! Да еще так громко.

— Ходит кто-то, — согласилась Горькушка.

Какое-то время было тихо, потом снова — топ-топ.

— Эх! — услышал я. И Горькушка, развернувшись, двинулась к двери, прошла коридорчик — я за ней, — и когда проходила мимо своей двери, провела по стене рукой, пока не наткнулась ею на приставленную к углу кочергу. С ней в руке она прошла кухню, щелкнула замком, скинула крюк на двери и даже быстрее, чем обычно, спустилась с крыльца.

За первым углом, у той стены, в которой было окно нашей комнаты, мы никого не увидели. Значит, те стояли за следующим углом. Перед тем, как завернуть за него, Горькушка отошла чуть в сторону от дома.

«Наверно, чтобы кочергой было удобней размахнуться», — подумал я. Но заглянув за угол, Горькушка вместо этого уткнула кочергу в землю, а другой рукой уперлась в бок.

— Та-ак! — протянула она. — Опять у Кольки-соседа нутрии из клеток убежали. Вот чертовы звери! Не спится им по ночам. И сколько раз ему говорила — возьми проволоку потолще, чтобы дверцы на клетках закручивать.

Я вышел за угол и обомлел. На дорожке, идущей вдоль беленого фундамента дома, сидело штук пять толстых, похожих на пылесосы существ. За каждым тянулся длинный, как кусок шланга, хвост. Одни сидели, опустив небольшие мордочки к земле, другие, наоборот, приподняли их и шевелили длинными иглами-усами, поблескивая бусинками глаз. У поднявших мордочки были заметны и маленькие передние лапки, которыми они перебирали перед грудью. Задние же лапы, длинные, плоско лежали на земле и казались продолжением каких-то больших колес, спрятанных под сизо-коричневым мехом. Когда одно существо переступило на несколько шагов, раздался тот самый топот.

— Ну они и гремят, — сказал я.

— Такая уж у них поступь. Ежик — вон, маленький совсем, а пусти его по паркету, так, знаешь, как застучит? На весь дом, — сказала Горькушка. — Я однажды пригрела одного, так спать было невозможно. Ладно. Идем. По крайней мере, хоть проветрились, да и в дом воздуху запустили. Теперь уснем.

— А как же — эти? — спросил я. — Не убегут?

— Не убегут. От кормежки не бегают. Побродят, погрызут, чего в новинку, да и воротятся. Кабы еще ручей какой унюхали, так ведь тут нет ничего. А в клетке — хоть таз с водой стоит. Колька им дважды в день воду меняет. Дрызгаются, как дети малые. В природе-то у воды живут.

Утром, как всегда, Горькушка ходила по участку и смотрела, что как растет на грядках. Проходя у сарая, она остановилась и стала всматриваться за забор

— туда, где тянулся участок соседа Николая. Вдруг она подошла к забору и прокричала:

— Ко-оль! Слышишь, нет? Твои крысы опять всю ночь разгуливали и ко мне залезли. Ты уж их получше запирай.

— Не съели ведь, — отозвался с той стороны голос.

— Да и мы их не съели. Тьфу, прости Господи, только ты один и можешь их мясо в рот брать.

— Так ведь оно, как кроличье. В некоторых странах — деликатес. В войну из него тушенку делали.

— Ты показал бы лучше дачнику нашему, как они у тебя живут. А то он очень ими ночью интересовался.

— Да ладно... — крикнул я, чтобы слышала Горькушка.

— Так пусть идет. Я как раз клетки чищу.

Я вышел на улицу и свернул к следующей калитке. Обойдя соседский дом и зайдя за времянку, я увидел длинный ряд клеток, тянувшийся вдоль забора. Возле них стоял Николай — я не раз уже видел его, но сейчас он был в резиновых сапогах и резиновых перчатках.

— Заходи-заходи, — сказал он, наклоняясь и наливая из ведра воду в старый, во многих местах битый таз. Поставив таз в клетку, Николай забросил в нее несколько пригоршней разной травы, а на приподнятую над полом клетки доску насыпал горку пшенной каши из ведра.

— Церемонные зверята, — сказал Николай. — Есть любят со столика. А если траву грязную кинешь, с землей, то сначала ее в воде прополощут.

— Жарко им, наверно, — сказал я. — Мех-то — вон какой.

— Это точно. Хоть на шапку, хоть на шубу.

— А вы их зачем разводите?

— А для того и развожу. Ты чего делаешь-то! — закричал вдруг Николай, приблизив лицо к клетке. — Видал? Я ей траву эту, чтоб она жрала, кинул, а она ею щель затыкает.

— Зачем это?

— А затем, что снова, значит, похолодает.

— Почему так?

— Инстинкт. Они холод дня за два чувствуют и начинают нору свою, клетку, в общем, утеплять.

— А чего они по ночам шастают?

— А ночью и под утро у них — самая жизнь. Так что скажи мамке, если хочет шапку из нутрии, пусть скажет. Я пару шкурок заготовлю. Дешевле обойдется, чем в магазине.

Мама приехала только к обеду — не было электричек.

— Ну как вы тут без меня? Ночью хорошо спал?

— Плохо. Горькушка печку перетопила.

— Понятно...

— Мама, а почему крыс не любят?

— Противные они. Да и хвосты у них — брр!

— А вот нутрии свой хвост, когда плавают, как руль используют. Мне сосед наш, Николай, рассказал. А норы свои, в природе когда, они строят — двухэтажные! Если вода вдруг поднимется, они на второй этаж переходят. Мам, а у тебя зимняя шапка — из чего?

— Есть шерстяная, вязаная, а когда мороз — из норки надеваю.

— А у меня?

— У тебя из кролика.

С улицы позвал Толька. Мы пошли по дороге. Раз мама дома, то можно было пойти и в лес.

— Обещали, что холодно будет, а вроде припекает, — сказал Толька.

— Хорошо бы. Эх, было бы вообще всегда только лето.

— Кто его знает. Может, тоже надоело бы.

— Зато не надо было бы одежды столько надевать, шапок теплых. А завтра все равно похолодает, — сказал я.

— Думаешь?

— Ну.

— С чего взял?

И я рассказал Тольке, про топ-топ, кочергу и все остальное.

НЕВЕЗУХА

В начале сентября мы с Сашкой пришли с мячом на школьный двор, на спортплощадку, и стали на очки кидать мяч в баскетбольное кольцо. Скоро камешки гравия набились в Сашкины полукеды, и он присел на скамейку, чтобы их вытряхнуть.

— Новые? — спросил я, глядя на сверкающую белую резину Сашкиных полукед.

— Ну. Первый раз надел. Еще, — Сашка сунул нос под шнуровку, — резиной пахнут.

— У меня летом история была с кедами. Тоже с новыми.

— Какая?

— А.. Невезуха.

— Расскажи.

— Мне в середине лета тоже купили кеды. У сандалет, которые я носил, на одном подошва треснула, а у другого ремешки стали выпарываться. Я и сказал родителям: от лета чуть-чуть осталось, не надо сандалеты новые покупать. К тому же за год и нога вырастет. Лучше кеды купить. Все равно для физкультуры их осенью покупать придется. Ну и купили. Такие, как я и хотел — черно-белые, высокие, с резиновыми кружками по бокам. Мне с синей тканью и красной резиной вообще не нравятся. Их несколько раз наденешь — и вид уже такой, словно в них целый год в футбол играли. Ну, вот. А у моего друга дачного — Тольки Глобы, дед на железной дороге работает. Он уже на пенсии, но он такой по паровозной части мастак, что его из депо ни за что не отпускают. Он, кстати, на всей железной дороге почти один, кто даже самые старые паровозы водить может. Механики в депо на него прямо молятся. А когда снимали фильм, где героиня приезжает на старом поезде, с трубой огромной, а потом под него бросается, так за ним каждое утро машину с киностудии присылали. Потому что только он и мог паровоз этот на съемках водить. Он вообще на железной дороге того — помешанный. У них на участке у колодца скамейка стоит, — на таких в электричках сидят. В огороде, вместо фонарей, два низеньких светофора установлены. Времянку он из шпал построил, которые при ремонте путей сняли. Бабушка Толькина говорит, что если бы Мефодий Степанович мог, он бы и рельсы по участку зачем-нибудь проложил.

— Ну а невезуха-то в чем заключалась? — спросил Сашка.

— А вот в чем. Как-то Мефодий Степанович — зовут его так — предло- жил нам с Толькой поехать с ним в депо. Ну, вроде как на экскурсию. Мы и согласились. И на следующий день в семь утра мы вместе с Мефодием Степановичем уже стояли на платформе и ждали электричку. А у меня как раз к тому дню сандалеты почти совсем развалились. Стал я утром новые кеды надевать, а мама говорит:

— Ты что, с ума сошел? Ты же их там все перемажешь.

— Да не измажу, — говорю. — Я осторожно буду.

— Так не по улице гулять едешь! — говорит мама.

А мне до того кеды новые надеть хотелось! В общем, надел. Ну и приехали мы в депо. Там, кстати, на самом деле интересно. Сначала нас Мефодий Степанович по мастерским поводит. Там ему все: Степаныч! Степаныч! Руки у всех грязные, так он механикам их около локтя пожимал. Потом он поворотный круг нам показал. Это такая штука, вроде карусели. На нем локомотивы с одного пути на другой переставляют. Дед Толькин даже попросил, чтобы круг этот при нас крутанули... Знаешь, как называется место, где тепловоз стоит и обслуживается?

— Как?

— А так же, как для лошадей — стойло. Показал нам Мефодий Степанович и паровозы разные. Один из них им больше всех нравится. Они его «овечкой» называют.

— Почему?

— А потому, что в обозначении у него стоят буквы ОВ. Мефодий Степанович сказал, что это лучший паровоз на свете. Такие еще до революции начали строить, а потом еще лет двадцать пять строили. На нем и сейчас можно составы водить. Мефодий Степанович поставил нас возле колес и говорит: «Вот, видите? В этом паровозе все на виду и ничего лишнего. Если внимательно смотреть, то и без всякой книжки понятно станет, как паровоз работает».

— Ну а с кедами-то — что? — прервал меня Сашка.

— Так вот на поворотном круге, когда мы с Толькой стояли, а нас поворачивали, я обеими ногами в лужицу мазута и соскользнул со шпалы.

— Представляю!

— Это уж точно. Потом в мастерской мне ветошь дали, чем-то смоченную, чтобы мазут с кедев стереть, да все без толку. И в резину он въелся, и ткань насквозь пропиталась. В общем, когда приехал я домой, на дачу, то вошел в дом и разделся потихоньку. Стала меня мама кормить. Сидит, смотрит, как я ем, и о поездке расспрашивает.

— А чем это так пахнет? — вдруг говорит.

Повела она по комнате глазами, да и на угол взглянула, где у нас обувь стояла.

— А кеды-то, где? — спрашивает.

— Да вон, у стенки стоят, — говорю.

Мама нагнулась, посмотрела, и подняла двумя пальцами одну кедину...

— Понятно, — заключил Сашка.

— Ну!

Невезуха с кедами была, впрочем, не очень серьезной, а вот с Мефодием Степановичем у меня случилась невезуха покрупче. И это уж была — невезуха так невезуха.

Мефодий Степанович очень любил рыбачить. На озере у него стояла на приколе лодка, а в сарае, в углу — штук десять удочек. Толька-то к рыбалке не приохотился. Говорит, что пошел он однажды с дедом своим на озеро с лодки половить, так чуть

за борт не прыгнул и к берегу не поплыл. И скучно, говорит, а главное, сиди часа три-четыре, и не то, что пойти, а и встать нельзя. «Лодка у нас валкая, — дед ему говорил, — да и рыбу можно испугать». Так что Мефодий Степанович нас никогда с собой на рыбалку и не звал. А вот мне так очень хотелось порыбачить. И вот как-то Толька говорит:

— Я на неделю с родителями к родственникам уезжаю. Под Москву. Там свадьба у кого-то, и тетя моя велит родителям и меня с собой привезти. Мол, давно меня не видели и хотят посмотреть, какой я стал. Ехать мне неохота — ужас. Свадьба — это ж, наверно, такая тоска!

— И не отвертеться?

— Нет. Пробовал, но родители — ни в какую. Я уже решил: приеду к родственникам этим, встану на стул — и скажу: вот, смотрите, со всех сторон, сейчас специально поворачиваться буду.

И Толька уехал. А на другой день вечером иду я по дороге и вижу через забор, что Мефодий Степанович что-то на участке делает.

— Ну что, скучаешь без друга? — спрашивает он меня.

— Да, — говорю, — не весело.

— Так возьми, вон, велосипед Толькин, да покатайся.

— А можно я лучше завтра возьму одну вашу удочку и с берега половлю?

— А чего ж нельзя? — говорит Мефодий Степанович. — Можешь и в лодку, что у меня там стоит, с удочкой забраться, все дальше от берега будет. Пойдем, я тебе и удочку подберу, и червей у меня за сараем накопишь.

Мефодий Степанович поворошил в стоящих в углу сарая удочках и говорит:

— На — вот хорошая. Она на самом деле длинная, просто складная. Видишь, втулка латунная на одной половине? В нее вставишь конец другой — и удочка в сборе. Метра три будет.

Накопали мы и червей. В углу за сараем земля была сырая-сырая. Червяки — ярко-розовые, с синевой — как землю с лопаты сбросишь, извиваться начинали так, словно хотели в узелки завязаться. Дал мне Мефодий Степанович и банку из-под монпансье, с крышечкой, в которой дырочки были пробиты, ржавую уже, он с ней сам рыбачить ходил. Наложил я туда земли с червяками.

— А через дырочки — не уползут? — спросил я.

— Нет, а иначе задохнутся. Плотно сейчас особо не закрывай. А когда пойдешь завтра — ножик с собой возьми на всякий случай, можно перочинный, а то, бывает, ногтями крышечку и не открыть. Есть у тебя?

— Есть!

Утром, еще не было восьми, я уже радостно шагал по дороге. Первый раз в жизни я шел на рыбалку, да еще с настоящей удочкой, да еще намереваясь ловить не стоя на берегу, а сидя в лодке.

Вот и проход между двумя заборами, ведущий к озеру. Вот и берег. Я сразу разулся и с удовольствием пошел босиком по влажной, прохладной от росы траве. Вот и лодка Мефодия Степановича. Она была растянута на цепях между двух столбиков и стояла почти неподвижно, лишь еле заметно смещаясь от ветерка то влево, то вправо.

Я закатал штанины выше колен и вошел в воду. Помня указание Мефодия Степановича, я старался не бултыхать ногами и удочку положил в лодку тоже осторожно, чтобы шумом не распугать рыбу. Усевшись на влажную от росы скамейку в носу лодки, я воткнул нижний конец верхней половины удочки в

латунную трубку, намертво насаженную на ее нижнюю часть, размотал леску, достал из коробки червяка и, поморщившись от вылезшей из него гадости, натянул его на крючок.

Надо было закидывать. Я встал в лодке, но она тут же так заходила подо мной, что я чуть не потерял равновесие. «Лучше — сидя», — решил я и снова устроился на скамейке. Ощущая, как длинное удилище ходит кругами над моей головой, я резко взмахнул им назад — и тут же услышал короткий треск и, перекидывая руки вперед, сразу ощутил в них легкость, и вместо своей длинной удочки махнул перед собой коротким обрубком без всякой лески.

«Черт!» — произнес я и оглянулся. Верхняя часть удочки лежала, протянувшись от следующей за мной скамейки до кормы. Об нее я и саданул удочку, когда слишком уж сильно замахнулся ею. Да еще не стоял, держа ее высоко над землей, а сидел в лодке. Вот она и хлестанула по скамейке, потому что была длинная и гибкая.

«Вот и вся рыбалка, — подумал я. — Да еще удочку Мефодию Степановичу сломал».

Я стал ее рассматривать. Удочка сломалась над самой латунной трубкой, и кусок бамбука остался в трубке. И тут меня осенило. Я вытащил из кармана перочинный нож, открыл лезвие, — то, что потоньше, и стал ковырять им в трубке. Наконец я подцепил кусочек бамбука, сидевший в трубке, и за несколько раз чуть-чуть выдвинул его наружу. Потом сжал его зубами и вытащил из трубки весь. Чтобы снова вставить в отверстие трубки верхнюю часть удочки, мне пришлось подточить кольцо-утолщение на бамбуке. Когда я втиснул, наконец, верхнюю часть удочки в трубку, удочка стала выглядеть так, словно ничего и не случилось.

«Взмахну теперь со стороны, над водой», — решил я. И взмахнул. Удочка даже свистнула, рассекая воздух.

«Такого не может быть», — сказал я, потому что снова я держал в руках только половину удочки. Верхняя же лежала в воде недалеко от лодки, рядом с торчащим из воды столбиком, к которому была привязана другая лодка. Об этот столбик моя удочка с размаху и ударилась. Я подтянул за леску обломок. К счастью, теперь из латунной трубки даже торчал косо обломанный кусочек бамбука, и, покручивая во втулке, я его вытащил.

«Третий раз бросать?» — думал я. И тут я увидел другого рыболова. С удочкой под мышкой он стоял по колено в воде метрах в ста от меня. Судя по тому, как опустив голову, он возился с чем-то, может, насаживал червяка на крючок, обоих моих забрасываний удочки он не видел. Зато я увидел, как, держа удочку перед собой одной рукой, а другой придерживая леску у крючка, он наклонил удочку вперед, чуть не над водой, потом плавно взмахнул ею над головой, одновременно отпустив леску, и тогда она, блеснув на солнце, устремилась грузилом вперед и канула им в воду далеко перед рыболовом.

«Вот как надо-то!», — понял я. Получилось так и у меня. Но ни одной рыбешки, просидев в лодке часа два, я так и не поймал. Под конец я опустил ноги за борт лодки, потому что стало жарко, и просто наслаждался, поводя ими в прохладной воде и уже не боясь, что распугаю рыбу.

Говорить Мефодию Степановичу я ничего не стал. И не потому, что боялся, что он будет ругаться, а потому, что мне было стыдно, что я оказался таким рыболовом. Разобрав удочку, я так подровнял ножиком ее обломанный конец, что ничего и заметно не было. Да еще я натер его мокрой землей, чтобы он не был светлей, чем остальная удочка.

«Завтра я выходной, — сказал мне Мефодий Степанович, когда я вечером принес ему удочку. — Хочешь, порыбачим вместе. В одном месте на озере хорошо клюет».

День этот выдался уже с утра и не очень солнечный, и ветреный. Мама даже не хотела меня пускать, но, когда Мефодий Степанович появился у нашей калитки с удочками, двумя якорями в руке и надетым на руку у плеча спасательным кругом, отпустила.

Мефодий Степанович выгреб на самую середину озера. Ветер тут был еще сильнее.

— Ничего, — сказал Мефодий Степанович. — Сейчас заякоримся, и пойдет дело!

Он бросил якорь сначала с носа, и когда лодку развернуло по ветру, забросил его и с кормы. Когда он перелезал мимо меня в лодке, ее так закачало, что я подумал: хорошо, что не видит мама.

Волны били в нос лодки и часто обдавали нас брызгами. «Рыбу разгонят», — подумал я. Мефодий Степанович уже известными мне движениями забросил две удочки, а третью протянул мне. Я тоже теперь уже по правилам забросил ее, и Мефодий Степанович, смотревший, как я это делаю, ничего не сказал, так что мне стало даже приятно.

— А зимой вы ловите? — спросил я.

— Ловлю, на мормышку, — ответил Мефодий Степанович. — Знаешь, что такое мормышка?

Я не знал, но слово было похоже на название какой-то мелкой живности, то ли жука, то ли мотылька.

— Нет, — сказал Мефодий Степанович. — Это такое маленькое грузило с крючком. И удочка тогда берется специальная, без поплавка, но зато с тоненьким гибким кончиком, который чуть только клюет — изгибается. Поэтому его кивком и называют. На мормышку можно вообще ничего не насаживать. А если крючков на ней сразу два или три, то она сама на рачка похожа. Мормыш — это и есть рачок маленький.

Уловом нашим в этот день Мефодий Степанович остался недоволен.

— Это из-за ветра, — сказал он. — А порыбачить все равно хотелось. Когда еще следующий выходной!

А по-моему, так мы очень хорошо порыбачили. На дне лодки в неглубокой старой кастрюльке, тоже прихваченной Мефодием Степановичем, всплескивали плавниками с десяток рыбок.

— Вот, красноперка! — говорил Мефодий Степанович, когда в очередной раз поднимал над лодкой удочку. Или — У, плотвичка! Давай, и ты хороша, на солнышке повешу — воблой станешь.

Больше всего Мефодий Степанович радовался подлещикам. «Эх, что ж ты лещом быть не хочешь!» — говорил он, высвобождая крючок из губы этой рыбки. Попалось и три окунька. «Нарядная рыбка!» — восклицал Мефодий Степанович, показывая мне ее полосато-красные бока. А один раз, когда я предложил ему выкинуть обратно в воду совсем небольшую рыбешку, у которой плавников было больше, чем тушки, Мефодий Степанович заключил: «Э, нет. Без ерша — уха не хороша!».

Я помог Мефодию Степановичу донести все его рыболовное хозяйство до дома. Расставляя в сарае удочки, он вдруг сказал:

— Что за черт! Мне еще в лодке показалось, что с этой удочкой что-то не то.

— Что — не то? — насторожился я.

— А то, что я, забрасывая ее, в леске путался. Слишком длинная она стала. Не пойму ничего. Леска должна быть такой, чтобы при поднятой удочке она до земли не доставала. Иначе рыболов, забрасывая удочку, цепляться за что ни попаало будет. Я такой длины леску к каждой удочке и привязываю. А на этой — леска длинней. С чего она вдруг длинней-то стала?

Мефодий Степанович стал рассматривать удочку, приставляя одну ее половину к другой. Особенно долго он рассматривал латунную трубку, а потом — тот конец удочки, который я аккуратно обстругал. Вдруг лицо его стало таким, каким оно было, когда однажды в депо, слушая механика, он нагнулся над какой-то железкой. Брови Мефодия Степановича вдруг поднялись, губы поджались и расставились. Лицо его было таким, словно он произнес — «да уж!». Потом он сгрудил ладонями удочки в углу и пошел из сарая. Он шел уже вдоль грядок, когда до меня донеслось: «Хоть строгать-то умеет».

ЗЕЛЕНАЯ МОРДА

В тот вечер перед ужином меня послали в магазин за колбасой. «Купи двести грамм докторской и попроси, чтоб порезали, — сказала мама. — Иди лучше в ГУМ, а не в «стопятидесятый». В ГУМ колбасу к вечеру привозят, и она свежей».

Уже неделю меня чуть не каждый день гоняли в магазин то за молоком, то за маслом. Наш холодильник сломался, надо было менять мотор, но мастер сказал, что привезут его только через две недели. «Что ж, — сказал отец. — Поживем так, жили же раньше, когда холодильника не было. Зато, есть будем все свежее. И вообще, колбаса в холодильнике уже на третий день пахнет рыбой, рыба — капустой, а капуста — кефиром». Мама посмотрела на пол, где в углу в тазу с холодной водой стояла кастрюля с супом, и только вздохнула.

В ГУМ, так в ГУМ. Мне, в принципе, все равно было, куда идти. ГУМом называли большой гастроном на углу Невского и Перекупного переулка. Как-то в воскресенье меня послали в ГУМ с утра, и, топчась у дверей, пока его не открыли, я от нечего делать прочел на стеклянной вывеске: Государственный универсальный магазин. Понятно, что таких длинных слов никто произносить не будет, вот и говорили все для краткости — ГУМ. Со «стопятидесятым» — тоже понятно, он назывался так по номеру дома. А вот за овощами меня посылали обычно в «двадцать восьмой» — гастроном на Конной. На его вывеске так и значилось: «Гастроном № 28». Просто дом, в котором он находился, стоял на углу и имел номер 19/4. Хотел бы я посмотреть на человека, который скажет: «Я за морковкой, в девятнадцать дробь четыре». В общем, пишут вокруг одно, а говорят, кому как удобно.

Отец всегда любил пить очень горячий чай, но в этот вечер он пил его как-то особенно медленно, да еще катал пальцем по клеенке крупинки сахара. И вдруг сказал:

— Ну, в общем, в этом году от дачи нам придется отказаться. Хозяйке я уже позвонил. Хорошо еще, что к ним и другие дачники просились, а то было бы неудобно. Ты, Леша, уже не маленький... Тут еще с премиями у нас стало что-то не очень...

Сказав это, отец лизнул палец и собрал, наконец, все сахаринки вместе.

— Ну, отгуляешь июнь в городе, поездишь в ЦПКО — позагорать да покупаться. Кстати, дядя Витя с тетей Аней сказали, что с половины июня ты можешь недельки две запросто пожить у них на даче в Разливе.

Крупинки сахара отправились отцу на язык и...

И вот я стоял на эскалаторе метро и смотрел, как мимо меня проплывали и скрывались вверху за спиной столбики-фонари. Я ехал в Разлив. Одной рукой я удерживал лямку рюкзака, свисающего за плечом, а в ладони другой сжимал в кармане деньги, часть из которых должен был передать тете Ане.

Был понедельник, часов десять утра, и на перронах вокзала было почти пусто. На работу в город все уже приехали, а из города кому было уезжать — все уже были на дачах. Перед входом на платформы маялись на солнце продавцы мороженого, и когда я покупал у одного стаканчик крем-брюле, мне было как-то неловко под взглядами остальных. Наконец, подошла электричка. Похоже, она только что побывала в мойке — ее мокрые окна сверкали на солнце, а на сиденьях в вагонах блестели капли воды, потому что почти все окна были приспущены. Хорошо сидеть в пустом вагоне, слышать — «осторожно, двери закрываются», и ехать, ехать, ехать!

Потом я шел по шпалам, временами слыша, как щелкает подметка, отрываясь от расплавившейся на солнце смолы. Потом, помня, как мне подробно описали путь к дяде Вите, спустился к даче с разноцветными стеклами на веранде. Пройдя еще немного, я увидел наконец зеленый дом на углу двух улиц, в котором под крышей снимали комнату дядя Витя и тетя Аня. За домом свирепо залаяла собака. Я постоял немного у калитки, но так как ее лай громче не делался, а только дергалась до предела натянутая цепь, я вошел в калитку, потом в дом и поднялся по крутой лесенке.

— Во, как раз к обеду! — воскликнул дядя Витя. — Суп из цветной капусты и с зеленым горошком любишь? Со сметанкой очень вкусно. Аннушка, покажи ему, где рукомоиник.

Тетя Аня вывела меня из комнаты и завела в маленький закуток, который я сначала и не заметил. Тут стояла на столе плитка с красным газовым баллоном, а на стене у окошка, выходящего на крышу, блестел рукомоиник с торчащим вниз клювиком. Я ткнул в клювик снизу вверх сложенными вместе большими пальцами, вода загремела о дно стоящего под рукомоиником таза, и моя жизнь на даче дяди Вити началась.

Когда я уезжал в Разлив, мама мне сказала: «Ты хоть первые-то дни погуляй вместе с дядей Витей и тетей Аней, а то подумают, что тебе от них только и надо, чтоб было, где поспать и поесть». Но утром я и сам захотел пойти вместе с ними на прогулку, потому что никогда еще не был ни в Разливе, ни в Сестрорецке, до которого из Разлива рукой подать. Правда, на прогулку мы отправились не так рано, как хотели. Дядя Витя все стоял у большого полукруглого окна, занимавшего почти всю стену между скатов крыши, и высматривал, есть ли на небе тучки. «Одевать мне пиджак или не одевать?», — спрашивал он тетю Аню. Решив, что днем все-таки будет жарко, он захотел одеть свою любимую летнюю бобочку, сшитую из ткани-сеточки. Бобочка оказалась еще лежащей в чемодане, и тете Ане пришлось стелить на стол одеяло и гладить бобочку. Наконец под все такой же яростный лай пса, чуть не оторвавшего от стены сарая свою цепь, мы вышли на улицу.

Мы не прогуляли еще и получаса, как мне начало казаться, что это я и тетя Аня жили в Разливе на даче, а приехал к нам погостить и погулять на свежем воздухе дядя Витя. На некоторых лужайках между домами паслись козы, и дядя Витя подбегал к ним, вставал на корточки и, выставив вперед голову, произносил «бе-е-е...». Когда мы поднялись на мост над железнодорожной веткой, дядя Витя стал хватать из-под ног камешки и кидать их вниз, метаясь в молодые сосенки,

росшие по краям насыпи. Как только нам попала первая тележка с мороженым, дядя Витя встал в очередь к ней и пока стоял, как только продавщица поднимала крышку, забегал вперед и старался заглянуть вглубь тележки, словно чтобы узнать, много ли мороженого еще осталось. Так потихоньку мы прошли весь Разлив, потом пол-Сестрорецка и когда входили в парк «Дубки», увидели киноафишу. На ней была нарисована зеленая лысая голова с белыми глазами, обрамленными красными веками, а сверху размашистыми буквами было написано: «Фантомас».

— Я же говорил, что здесь фильмы идут раньше, чем в городе! — воскликнул дядя Витя. — Пошли скорей к кинотеатру, а то все билеты расхватывают даже на вечер.

И на семь вечера мы купили билеты на «Фантомаса».

Когда вечером мы вышли из кинотеатра, дядя Витя пошел чуть впереди нас. Несколько раз он разгладил ладонями еле заметный ежик седых волос на голове, словно желая, чтобы они не торчали. А когда мы проходили мимо стеклянных витрин, он всматривался в них, как в зеркало.

— Ты похож на Фантомаса, — сказала, наконец, тетя Аня.

— Леша, на самом деле похож? — спросил он меня.

Вообще-то гораздо больше дядя Витя походил не на Фантомаса, а на коротышку комиссара Жюва, которого играл Луи де Фюнес.

— Когда прищуриваетесь, то даже очень, — сказал я.

Теперь, когда мы проходили мимо витрин, дядя Витя выставлял вперед грудь, резко поворачивал к витрине голову и, шурясь, всматривался в свое отражение.

— Глупый фильм, — сказала тетя Аня. — Да и вообще, полудетский.

— Почему? — спросил я.

— А и все фильмы про жуликов, на мой взгляд, полудетские.

— Ну, ты, Аннушка, и скажешь, — усмехнулся дядя Витя. — Про жуликов! Хорош жулик! Фантомас — изощренный злодей, а не жулик. Смотри, как он гримировался под своих жертв, чтобы войти в их дела, а потом ограбить и убить. А эта зеленая маска, из-за которой никто не знал, как он выглядит? А зловещий смех?

И дядя Витя откинул назад голову и хрипло произнес: «Ха-ха-ха... Да, я убиваю, но убиваю, улыбаясь!».

— Мурашки по коже бегают! — закончил дядя Витя.

Вернулись мы домой уже поздно и, попив чаю, легли спать.

Ночью я проснулся от каких-то звуков. Это дядя Витя меня разбудил. Он сидел на краю кровати и тяжело дышал.

— Что с тобой? — спросила тетя Аня, пытаясь дотянуться над подушкой до выключателя. — Опять большой палец на ноге болит?

— Какой палец! Спать не могу — все время зеленая морда снится, почти простонал дядя Витя.

— Господи! — воскликнула тетя Аня. — Встань, попей водички и ложись себе спокойно.

Дядя Витя так и сделал и потом, вздыхая, улегся, старательно разгладив на груди одеяло. По тому, как ровно он начал дышать, я понял, что он заснул. Скоро и я стал то ли проваливаться, то ли улетать куда-то, но вдруг вздрогнул от вскрика дяди Вити:

— Аннушка, Аннушка, вон она в окне — морда зеленая. Вон, видишь?

— Да что ж это такое! — воскликнула тетя Аня. — Ну тебя! Спи, наконец, спокойно. Насмотришься ерунды, а потом сам не знаешь, что тебе в голову лезет.

«Кыш! — вдруг махнула рукой тетя Аня в сторону окна. — Кыш! Ну, все, спи, а то и Лешу разбудишь.

Скоро все затихло.

Утром дядя Витя долго брilsя, усевшись перед окном. На гвоздик в раме он повесил зеркало, а на подоконнике перед собой разложил кисточку, бритвенный станок и тюбик с кремом. Он старательно растирал на щеках и подбородке мыльную пену, и когда покрывал ею почти все лицо, так что ненамазанными оставались только кончик носа, глаза и лоб, то действительно делался похожим на Фантомаса.

«СЕЙ ГЕЛЛЕСПОНТ...»

— Нет уж, это — не отдых! — говорила утром тетя Аня, убирая со стола после завтрака. — Придумали! На даче — по кино ходить! Это и в городе что осенью, что зимой можно делать.

Кто это «придумал», чтобы ходить на даче по кино, было из ее слов не ясно. Дядя Витя, еще допивающий из стакана чай, молчал, разглядывая золотой ободок на стакане. Во время утреннего бритья он порезался, и в трех местах на его щеках и подбородке белели подсохшие клочки газетной бумаги. Дядя Витя не признавал никаких других средств от порезов, а отрывал от края газеты маленький кусочек, хорошенько слянявил его на языке и налеплял на порез. Так как тетя Аня произнесла «придумали», то получалось, что она имеет в виду нас обоих. Но больше на выдумщика был все же похож дядя Витя. От того, что он плохо спал, а спал он плохо потому, что после вчерашнего кинофильма ему всю ночь казалось, что к нам в окно кто-то лезет, глаза у него были в красных прожилках. И, словно чтобы не напрягать их, он все сидел и смотрел на стакан.

— Все, конечно! — не унималась тетя Аня. — С сегодняшнего дня мы будем только гулять. Вот я пол сейчас быстренько подотру, и сразу отправимся. И не в Сестрорецк, где вы только о кино и о мороженом и думаете, а в другую сторону. Пойдем гулять в Тарховку. Там, слава Богу, только лес и залив и есть.

В Тарховку, так в Тарховку. В Тарховке я тоже не был. Я только проезжал ее, когда ехал на электричке, она была как раз перед Разливом. В Тарховке, я знал, — это рассказывал Витька Суворин, у них там была дача — на заливе был пляж, и можно было купаться. В Разливе же берег был заросший и грязный, и все купались на другой стороне железной дороги в озере. Когда вчера, отправившись гулять, мы попытались дойти до залива, то сначала долго пробирались через заросли ольхи. Потом земля под ногами начала хлюпать, и только далеко впереди, за сине-зеленой слякотью поблескивали волны. «Собака вон дохлая», — сказал дядя Витя, показывая рукой на белевший над слякотью полублезший череп. «Быр-быр-быр», — развернулась и пошла обратно тетя Аня.

В Тарховку, однако, мы пошли только после обеда. По небу вдруг поплыли облака, и скоро по откосу за окном застучали капли. Дядя Витя раскрыл половину окна и, держась рукой за раму, стал смотреть вдаль.

— Аннушка, — сказал он. — Если бы я был поэтом, я бы сейчас сочинил поэтический экспромт. Знаешь, что-нибудь такое...

Поводив носом, словно принюхиваясь к чему-то, дядя Витя приподнял брови и начал:

— Воздух был... — тут у него, видимо, произошло затруднение с выбором слов, но он быстро нашелся и закончил, — восхитительно свеж!

После этого дядя Витя снова надолго задумался и, как бы ища подсказку, стал обшаривать глазами листья деревьев за окном. Видно, муза поэзии что-то шепнула ему, потому что он, наконец, произнес:

— Дождь листву за окном окропил...

Не знаю, как долго дядя Витя пытался бы найти рифму к слову «свеж», но в это время над самой крышей здорово громыхнуло. Дядя Витя отступил от окна и посмотрел на то место на стене, где была розетка.

— Аннушка, ты утюг выключила? Правильно. При грозе из электроприбора может выскочить шаровая молния и всех убить.

Но никакая молния у нас не выскочила. Дождь скоро кончился, и даже когда он еще шел, уже опять засверкало солнце.

Идти в Тарховку мы решили пешком. Перейдя шоссе, мы долго шли вдоль него по дорожке вдоль леса, пока не увидели стенд, стоящий на развилке. «Тарховский лесопарк», — было написано на стенде. В нескольких местах он был пробит, словно в него кидали ножи. А к рисунку внизу стенда, изображавшему перечеркнутый крест-накрест костер, был пририсован вертел над костром, а на вертеле — висевший, как кабанчик, турист с рюкзаком.

Мы свернули в лес. Дорожка была широкая, но довольно темная. Дядя Витя курил, а тетя Аня шла то позади него, то впереди и махала руками, отгоняя дым.

— Весь свежий воздух портишь, — говорила она.

— Это я, чтобы тебя комары не кусали, — отвечал дядя Витя.

Несколько раз над лесом низко пролетел вертолет, и тогда дядя Витя останавливался, закидывал назад голову и смотрел вверх между деревьями, придерживая на голове легкую шляпу, потому что в первый раз она упала на дорожку и укатилась в канаву.

Наконец впереди за деревьями засветлело, и мы вышли на берег. Это было здорово! И далеко впереди, и направо, и налево — не было ничего! Только желтая полоса песка и бегущие к ней, догоняющие друг друга волны. А над всем этим — небо! Солнце стояло так высоко, что его даже не было видно, и только гребни волн сверкали то близко, то далеко от берега.

Дядя Витя остановился, упер руки в бока и стал глубоко дышать, словно его в это время прослушивал врач. Я даже испугался, что он сейчас снова начнет слагать экспромт. Но, надышавшись, он достал свои сигареты, закурил, и пошел по песку, затягиваясь глубже, чем обычно. Почему-то, не стовариваясь, мы разошлись в разные стороны. Особенно как-то сама по себе пошла тетя Аня. Она болтала сумкой возле ноги и ступала не прямо, а делая ногой полукруг, опустив при этом голову, так что из-за полей шляпки даже не было видно ее лица. Иногда она наклонялась, поднимала что-то с песка, рассматривала и шла дальше. Скоро тетя Анна стала исчезать из вида, скрываясь то за синей будкой-раздевалкой, то за кустарником. Мы же с дядей Витей направились к воде. Переступив несколько раз через полосы намытого волнами крошева из обломков тростника, я вышел наконец на утрамбованную волнами кромку, по которой сразу захотелось идти босиком. Недолго думая, я закатал штанины, снял сандалеты и пошел так, чтобы набегающие волны окатывали мне ноги. Тети Ани вообще уже не было видно. Дядя Витя же устроился на скамейке, стоявшей шагах в десяти от воды, и помахал мне рукой.

— Как водичка? — спросил он.

— Холодненькая, но приятно, — сказал я.

Расстегнув все пуговицы у горла на своей бобочке, дядя Витя сдвинул на самый затылок шляпу.

— Как Кронштадт-то сегодня виден! — сказал он, показывая рукой в сторону залива, на кромке которого, на горизонте, золотился купол Кронштадтского собора. — А иногда, когда дымка, и не видать.

Действительно, остров на горизонте был виден, как на ладони, а купол с такого расстояния казался совсем маленьким и напоминал песочный кулич.

— Думаешь искупаться? — спросил дядя Витя, когда я подошел к скамейке, стянул и кинул на нее рубашку, а потом и брюки.

— Да надо бы окунуться.

— Окунуться здесь не так-то просто, — сказал дядя Витя. — Очень уж мелко. С полкилометра пройдешь, пока по грудь будет. Маркизова лужа! Недаром так залив прозвали. Ты плавать-то умеешь?

— Умею, но так себе.

— Ну, тогда для тебя водоем!

Двинувшись к воде и посмотрев по сторонам, я заметил, что к нашей скамейке кто-то подходит. Сначала я подумал, что это вернулась тетя Аня. Но женщина, перешагивающая в это время через горку тростника, была не в голубом в белый горошек платье, а в розовой юбке и легком белом пиджаке. Или как там он у женщин называется.

— Не помешаю? — спросила она, подходя к скамейке. — Уф, устала, позвольте передохнуть.

— Пожалуйста-пожалуйста, — оживился дядя Витя, и придвинул мою одежду к себе. — Присаживайтесь.

Я отошел поближе к воде. Ветерок обвевал мои ноги, и в одно и то же время я чувствовал и его прохладу, и жар солнечных лучей.

— Гуляете? — спрашивала меж тем женщина за моей спиной.

— Да, с племянником.

— Хороший мальчик, — услышал я.

— Не то слово! Одиннадцать лет — а уже чемпион. По плаванию. В своей возрастной категории, конечно.

— Да что вы говорите?

Мне тоже стало очень интересно, что это там говорит обо мне дядя Витя. Главное, что чушь несусветную. Я ведь только фехтованием и занимался, да и то имел по нему только юношеский разряд, к тому же самый низший.

— А то и говорю. Мальчишка, а уже звезда в школе олимпийского резерва. На длинных дистанциях ему равных нет.

— Неужели? А такой худенький...

— Был бы толстенький, не плавал бы, как рыба.

— Ну да, конечно. Вот я всегда говорю, что детьми надо заниматься сызмала.

— Сызмала и занимались.

— И сколько же он может так проплыть?

— Так вот, готовится к юниорскому заплыву до Кронштадта.

— Да что вы?

Я не выдержал и обернулся. Дядя Витя в этот миг как раз делал головой и бровями такое движение, словно говорил: «А вот так!».

— И что же это, он сейчас вот возьмет и прямо так поплывет? До Кронштадта?

— Так и поплывет. Ну, сегодня, для разминки, собирается только до половины, или чуть меньше. А на послезавтра так уже и заплыв назначен. Вы здесь часто гуляете?

— Нет, вот сегодня только развеемся из города приехала.

— Жаль. А то уже и вчера могли бы видеть.

— Надо же...

Я зашел в воду уже по колено, и мне хотелось и идти дальше, и услышать, что еще наврет про меня дядя Витя.

— Бывает же... — продолжала удивляться женщина. — Смотрю на вашего мальчика, и вспоминаются строчки Пушкина, из «Евгения Онегина», помните? «Певцу Гюльнарю подражая, сей Геллеспонт переплывал...», — сказала она, растягивая по частям слова.

— Вот именно. Сей, то есть этот, и переплывет.

— Сколько ж километров ему проплыть придется? — спросила женщина.

— Ну, в этом месте до Кронштадта километров двадцать.

— И за какое же время он это расстояние одолеет?

— Часов за пять-шесть. Тут ведь разные факторы влияют. Ветер, высота волны...

Тут — целая наука.

— Четыре часа на воде? Так она же еще не очень теплая. Даже не представляю себе, как это можно.

Я слушал все это и, честно говоря, не знал, что мне делать. Идти дальше в воду? Ну, хорошо, дойду я до места, где мне будет по пояс. Потом — что? Идти, чтобы было по грудь? А дальше? Дальше что — плыть? И сколько я так проплыву? А ведь там уже и дна под ногами не будет.

Чтобы хоть как-то протянуть время, я стал черпать воду ладонями и окатывать себе грудь, бедра и лицо.

— Видите? Это адаптацией называется, к температуре воды, — услышал я дядю Витю.

— Мне и тут-то не очень жарко, — воскликнула женщина. — А не заморозите вы мальчика?

Сам не зная, почему, может, чтобы не подводить дядю Витю, я сделал еще шагов пять. Вода колыхалась уже вокруг моей груди, ужасно щекоча бока у подмышек.

— Ой, не могу я на это смотреть! — воскликнула вдруг женщина. — Угробите ребенка! Не доплывет он и до середины — ветер-то какой холодный. Господи!

Вслушиваясь в разговор за своей спиной и лишь изредка поглядывая назад, я и не заметил, как к скамейке уже подходила возвратившаяся к нам тетя Аня. Она с удивлением посмотрела на соседку дяди Вити и кратко спросила:

— А можно ли присесть?

Женщина недовольно пододвинулась на скамейке, уступая место с ее края, но тетя Аня взяла мои рубашку и брюки в руки и, сердито двинув юбкой, опустилась на скамейку рядом с дядей Витей.

— Аннущка, я вот тут про Алешу рассказываю, — сказал дядя Витя.

— Вижу, что ты времени зря не теряешь, — ответила тетя Аня и смерила соседку взглядом из-под поля шляпки.

— Ах, извините... — протянула та, чуть отодвигаясь. — И все-таки я все равно не понимаю, как можно так не беспокоиться о ребенке. Загонять его в воду ради... ради какого-то, наверно, тщеславия! Можно сказать, жизнью его рисковать!

— Да по какому праву вы мне все это говорите? — вскинула голову тетя Аня.

— Да хоть ни по какому-то, хоть бы и не по праву! — даже встала с места женщина в розовой юбке. — Вот, жаль, обратиться больше тут не к кому! Жалко, что не к кому!

Она поправила воротник, махнула рукой сзади по юбке и направилась от скамейки в сторону леса. Несколько раз она оборачивалась и окидывала взглядом то скамейку, то меня, пошатывающегося в воде, дошедшей мне уже до горла.

Тут я двинулся обратно к берегу.

— Аннушка, но я-то — что? Я-то в чем виноват? — говорил дядя Витя, разводя руками перед тетей Аней. — Сидел себе, курил, Леша — тот водичку пошел попробовать... Вдруг, откуда ни возьмись, подходит какая-то сумасшедшая и начинает нести околесицу... Вон, даже Алешу напугала. Дрожит весь.

— Он дрожит, потому что только сумасшедший в такую погоду купается, — переключила свое внимание на меня тетя Аня. — Ну что ж это такое! На полчаса — и то от вас отойти нельзя! Ты что, заболеть хочешь? — крикнула она мне.

— Да не заболею я. И вода вовсе не холодная! В ней даже теплей.

Возвращаться в Разлив мы решили на электричке. На платформе Тарховки, пока мы ждали поезда, на скамейку теперь уселась тетя Аня, а дядя Витя ходил по платформе и курил. Подгадав, когда он отойдет от тети Ани подальше, я спросил:

— Дядя Витя... А вы вообще-то — как сами думали? Мне что, надо было действительно до Кронштадта плыть, когда вы тете этой про меня стали ерунду всякую рассказывать?

— Никуда тебе плыть не надо было, — сказал дядя Витя, с удовольствием затягиваясь и пуская дым на уже толпящихся в воздухе комаров. — Я ж еще издали заметил, что Аннушка к нам возвращается. Она, знаешь, какая ревнивая? Она эту «курицу» все равно бы со скамейки согнала. Так что не волнуйся. Дядя Витя — не подведет. И — пошли. Вон, уже электричка подходит.

ПОЧЕМ СИГАРЕТЫ?

Иногда ночью я просыпался, чувствуя, что хочется пить, и шел тогда на кухню. Там на подоконнике у нас всегда стоял графин с водой. Вот и в этот раз. Уже по привычке, зная, сколько шагов мне надо пройти в темноте до кухни, я повернул потом из коридора вправо, поднял руку к тому месту, где на стене был выключатель, свет зажегся — и ... Со столика у стены на меня смотрела свиная морда. Именно смотрела — потому что глазки у нее хитро шурились, уши, казалось, были наставлены прямо на меня, а пяточок, торчавший уже за краем стола, тянулся ко мне и словно принюхивался. За свиной мордой стояли на столе банки с грибами и огурцами, а на стуле — таз, наполненный яблоками. «Да это ж баба Клава приехала!» — догадался я. Ведь поздно вечером, когда я уже лег, отец пошел встречать ее на Московский вокзал.

Баба Клава жила в Вологодской области. Была она какой-то нашей дальней родственницей. Ехать ей к нам надо было сначала три часа на автобусе, а потом полдня и всю ночь на поезде. Уже раза четыре она приезжала к нам погостить, всегда — в конце осени и, как она говорила, на недельку. Но уезжала обратно уже через несколько дней. «Не могу я тут больше у вас, — говорила она. — Как вы тут вообще живете? Картошка в магазине у вас невкусная, молоко — не пойми какое, капуста кислая такая, что, поди, уже полгода в тепле простояла. Все, уезжаю. Приезжайте лучше вы ко мне. Да как же, вас разве заманишь!»

«Да приедем мы, приедем», — уверял бабу Клаву отец. Баба Клава уезжала, а мы еще неделю ели привезенные ею яблоки и студень, который она варила из всегда привозимой свиной головы. Этим студнем баба Клава заполняла все миски и глубокие тарелки в доме, так что иногда мы не знали, во что бы налить суп. Потом проходила зима, наступала весна, и отец иногда говорил: «Вот в деревне-то сейчас, наверно, как хорошо!» Вспоминали и бабу Клаву. «Можно было бы, конечно, поехать», — говорил отец, но добавлял: «Все же когда вы на даче, я хоть раз в неделю, но к вам приезжаю, а если что понадобится, — так в любой момент». А мама говорила: «Вот именно. Да и Леша еще маленький. Мало ли что, тут хоть до города близко». И мы снова уезжали на дачу.

Но на этот раз баба Клава у нас задержалась. «Жаба мучит, — говорила она, растирая под горлом грудь. — Давит вот здесь и давит». Мама пошла с ней к врачу в нашу поликлинику, и врач сказал, что ей надо полежать недели две в больнице. Вот бабу Клаву и уложили.

В больнице ей тоже не понравилось. «Целый день тут только и делаешь, что бездельничаешь, — жаловалась она. — А уж еда...» Из больничной еды баба Клава хвалила только кашу. «Потому что каши, чтобы она вкусной была, вариться должно много, — сказала она. — Поэтому и говорят, что самые вкусные каши — в армии. А то, что вы по утрам себе в ковшичке ложкой крутите — не каша, а клейстер какой-то».

В среду мама хотела идти в больницу, чтобы поговорить с врачом и узнать, как поправляется баба Клава, но и сама заболела гриппом. Тогда отец сказал, что отпросится с работы и поедет сам. Вот они с мамой и решили, что мама днем приготовит передачу, а я после школы поднесу ее к троллейбусной остановке у Лавры, где отец будет делать пересадку по пути в больницу. Потому что баба Клава просила привезти ей домашнего куриного бульона, горячего, и тоже горячей картошки. Ее, вологодской.

Передачу мама сложила в большую сумку. Вниз она уложила свернутое полотенце, а уж на него поставила литровую банку с бульоном и такую же — с картошкой. Банки она обернула газетами, чтобы бульон и картошка не остыли. Еще в сумку был втиснут термос со свежесваренным чаем, положены пачка сахара, пачка масла, несколько сладких булочек, новый блокнот и две шариковые ручки — для писания писем. А еще — пять пачек сигарет. Потому что баба Клава курила. Вообще-то она и сама не одобряла это, но говорила, что курить приучилась во время войны, и уже не отвыкнет. И еще, чуть не забыв, мама засунула в сумку книжку Мамина-Сибиряка, которую баба Клава читала у нас по вечерам. В ней даже закладка лежала на том месте, до которого она уже дочитала.

— Смотри, не болтай сумкой, когда будешь идти, — сказала мама. — У термоса пробка плохая, чай может вылиться.

Я вышел из дома и бодро двинулся к Лавре. Настроение у меня было хорошее, да и уроков задали мало. Я шел, сумка в такт моим шагам постукивала мне по ноге, и скоро я подошел к остановке возле Лавры. Часы на углу показывали три часа. А отец сказал, что подъедет к половине четвертого, самое позднее — к без пятнадцати четыре. «Что-то рано мы с мамой собрались», — подумал я. Я стоял, смотрел по сторонам, и вдруг почувствовал на правой ноге ниже колена что-то мокрое и теплое. Опустив взгляд, я увидел на брючине школьной формы — я даже не переоделся после школы — темное пятно. Я отошел к стене дома, поставил на асфальт сумку, и заглянул в нее. Все газетные свертки в сумке потемнели, стали

мокрыми, а те, что были в полиэтилене — покрылись каплями. А из темного, открытого горлышка термоса валит пар. Жестяная крышка-стаканчик с резьбой и пробка лежали на одном из свертков.

«Чего делать-то? — подумал я. — Побежать домой? Но тогда можно разминуться с отцом, да и что мне скажет мама? Привозить такую сумку бабе Клавье?»

И вдруг меня осенило. Верней, я просто увидел, как на газетном стенде на стене дома треплется на ветру плохо приклеенный угол газеты. Изо всей силы вжав в горлышко термоса пробку, я быстрыми шагами двинулся в Лавру.

На первой же скамейке в ближайшей аллее я вытащил все, что лежало в сумке, и разложил на некотором расстоянии друг от друга. К счастью, мама положила в сумку и стопку бумажных салфеток в полиэтиленовом мешке. Я обтер ими все банки, свертки, тетрадку и книжки. Даже обе авторучки — и те оказались мокрыми. Больше же всего пострадала пачка сахара. Один ее угол стал от влаги темным, и можно было только представить, что за кашлица была теперь внутри.

Я сел на краю скамейки, посматривая на разложенное добро. «Эх, — думал я, — кабы это случилось весной или летом! Тогда бы на солнышке мигом все высохло. А теперь — вся надежда на ветер, пусть даже такой холодный».

Вдруг я почувствовал, что на меня кто-то смотрит. Покрутив головой, я увидел старуху, стоявшую на аллее, которая пересекалась с той, на которой сидел я. Через какое-то время старуха двинулась, свернула в мою аллею и как-то боком, оглядываясь иногда по сторонам, приблизилась и встала напротив меня.

— Это ты что же тут разложил, негодник ты этакий! — произнесла старуха, внимательно рассматривая то, что лежало на скамейке. — Это вас теперь этому в школе учат? Натаскал из дома, незнамо чего, и нате вам, пожалуйте — покупайте. Недорого продам! А вот за уши бы тебя за это отгаскать.

— Да что вы, бабушка, — встал я со скамейки. — Это ж промокло все. Я просто хочу, чтобы побыстрее высохло. Это в больницу нести надо.

— Ага, чуть что, — так сразу больницей жалобить будешь. Это — что? — пригнулась старушка над скамейкой там, где лежал Мамин-Сибиряк. — Это ты и учебники, что ли, продаешь? Бабушки-светы! Дожили! Да вы теперь и мать и отца родных за грош продадите. И табак-то тут у него! Нет, я вот сейчас на улицу выйду, первого же милиционера сюда приведу. Я тебе, пакостник, этого так не оставлю!

И она быстрыми шагами, оглядываясь на меня, пошла по аллее.

Я нагнулся и стал внимательно рассматривать, не высохло ли уже что-нибудь, чтобы поскорей убрать в сумку.

Тут за моей спиной снова кто-то остановился. Я обернулся и увидел мужчину, а перед ним — детскую коляску, ручку которой он как-то очень привычно покачивал вверх-вниз.

— Привет, племя младое, незнакомое! — изрек дядя, весело поглядывая на меня и на то, что было разложено на скамейке. — Вот они, предвестники нового мира, — продолжал он. — Не чета нам! Молодец! Предприимчивость — великая вещь. Почем сигаретки? Я чего-то все выкурил, а мне еще с полчаса внучка выгуливать. Не в магазин же отсюда тащиться. Да и тут, как на грех, народу — никого. Не стрельнешь! Так почему пачечка?

— Да не продаю я.

— Да ладно, ладно. Напугала, что ли, карга старая? Не бойся. Она сейчас, пока каждой встречной знакомой твои косточки не промоет, ни про какую милицию и не вспомнит. Так почему пачка?

— Честное слово...

— Да ладно, говорю. Эти вон в магазине я знаю, сколько стоят. Вот тебе... — Он протянул мне деньги и, видя, что я так и не двигаюсь с места, положил их под пачку с сахаром. — Тут даже чуть больше. Что называется, за доставку! — хохотнул он и, довольный, двинулся по аллее, нет-нет отталкивая от себя коляску, потому что спешно прикуривал.

Какое-то время я еще просидел на скамейке, оглядываясь по сторонам, и наконец решив, что пора, начал укладывать все в сумку. Последнее, что осталось лежать на скамейке, были деньги. Оставлять их тут, на пустой скамейке, было все же как-то странно, и я сунул их в карман.

На остановке отца еще не было. Стараясь держать сумку как можно прямее, я стал похаживать вокруг и остановился перед киоском, торговавшим газетами и еще всякой всячиной. Взгляд мой упал на небольшую шоколадку с изюмом. И я вспомнил, что баба Клава любила пить с изюмом чай. Стоила шоколадка как раз почти столько, сколько я «выручил» за сигареты.

Скоро я увидел отца.

— Не замерз? — спросил он. — Ну, давай.

Я отдал ему сумку, а потом вытащил из кармана и протянул ему шоколадку.

— Это что, от тебя бабе Клаве — отдельный привет? — спросил он. — У-у, с изюмом! Это хорошо. Доктор говорил, что ей сейчас очень полезны для сердца курага да изюм. «Вам, — он ей так и сказал, — вместо каждой пачки сигарет надо съесть по сто грамм изюма. Тогда быстро поправитесь».

Тут подошел папин троллейбус, а я пошел домой. Перед тем, как позвонить в дверь, я потрогал рукой штанину на колене. Она была уже сухой.

ЛАУРЕАТ

— Ну, наконец-то! — сказал отец, когда я боком пролез между спинкой его стула и буфетом и уселся на свое место. — Умывался уже, зубы чистил?

По воскресеньям на завтрак мы садились все вместе, и мама приносила что-то горячее из кухни только тогда, когда мы с отцом уже сидели за столом.

— Угу, — ответил я.

— Что — угу?

— Лицо умыл, а зубы не чистил.

— Тогда иди и почисти.

— Так уже пасты в тубике нет.

— Как нет?

— Да так, нет. В этот раз тубик какой-то маленький оказался.

— Это верно, — сказала мама, ставя на стол кастрюльку с макаронами. — Покупала когда в прошлый раз, — не посмотрела. Маленький какой-то взяла.

— Но я, тем не менее, зубы сегодня почистил, — сказал папа. — Почему же он не может?

— Ну, значит, ты всю пасту и выдавил.

— Это вы любите чуть не целый тубик на щетку выдавливать, хоть вполне достаточно и одного сантиметра, — уже сердито сказал папа. — Не чисти, не чисти. Подожди — вот в старости и сможешь одни только яйца есть, сваренные всмятку или в мешочек. Даже сваренное вкрутую будет тебе не по зубам, потому что и зубов уже не будет.

— А «в мешочек» или «вмятку» — чем они отличаются? — поинтересовался я.

— Ты зубы не заговаривай. А чтобы знал, так «вмятку» — это надо две минуты яйцо варить, как вода закипит. «В мешочек» — пять. А уж «вкрутую» — не меньше пятнадцати. На неделе-то, когда он в школу уходит, он зубы чистит? — обратился отец к маме.

— По-моему, чистит.

— А, по-моему, судя по сегодняшнему дню, еще надо бы и проверить. И запомни, — почти торжественно объявил отец. — Здоровая молодая лошадь погибает, если у нее выпадают зубы.

— Ну ладно, давайте уж, ешьте, а то макароны остынут, и сыр на них не расплавится, — сказала мама, тоже усаживаясь за стол.

— Вот так у нас всегда! — все не мог успокоиться отец. — Все второстепенное у нас почему-то всегда оказывается главным. А потом удивляемся!

— Чему удивляемся? — перестала намазывать масло на булку мама.

— Всему! Тому, что поезда сходят с рельс, что у самолетов при посадке шасси не выпускаются, а среди дня в воскресенье могут взять и отключить горячую воду.

— Ты сегодня не с той ноги встал, — сказала мама, глянув, как отец накручивает на вилку макароны.

Кстати, я никогда не мог понять этого выражения — «встал не с той ноги». Во-первых, я никогда не смог бы ответить, с какой именно ноги я встал в это утро — правой или левой. Потому что утром вообще ни о чем не думаешь, кроме как о том, что встать неохота. А во-вторых, какая может быть разница, встал ты с одной ноги, или с другой? Может, ты вообще их одновременно в тапки засунул. Мои размышления прервал отец.

— Ты прекрасно знаешь, — говорил он маме, — что я всегда встаю, что называется, с той ноги, с которой надо, — правой. Потому что сплю на кровати справа, а значит, первой сама по себе правая нога на пол и опускается. Вот если бы я спал, как ты, у стенки, то тогда, действительно, было бы трудно сказать, с какой ноги я встал, после того, как перелез бы через тебя.

— О господи! — воскликнула мама. — Леша, пожалуйста, иди, почисти зубы, хорошо?

Я встал и пошел в ванную.

А в понедельник первым уроком у нас была физика, и Яков Рувимович, наш учитель физики, рассказывал нам о законе всемирного тяготения. Через пять минут после начала урока дверь в класс приоткрылась, и мы увидели Витьку Суворина, просунувшего свою голову в дверь.

— Можно? — спросил Витька, — глядя на Якова Рувимовича. — Извините...

Вот за что мы любили Якова Рувимовича, так это за то, что никогда нельзя было угадать, что он скажет в какой-нибудь ситуации.

— А вот вам пример и еще одного закона, — сказал Яков Рувимович, указывая рукой на все еще торчащую в дверях голову Суворина.

Яков Рувимович, не ответив на вопрос Витьки, сложил ладони пальцами «в замок» и медленно пошел по проходу между партами. Не только его лицо, но и вся его большая голова с редкими, но вьющимися волосами порозовела, словно от удовольствия.

— Вот! — произнес наконец Яков Рувимович, размыкая пальцы и указывая ладонью на Суворина. — Давно замечено, что чем ближе ученик живет к школе,

тем чаще он опаздывает на уроки. Вот как дорогой всем нам Витя Суворин. И это тоже — почти что закон, имеющий свое научное объяснение. Какое?

А вот спит Витя Суворин до упора, и сквозь сон ему, конечно же, кажется, что он все равно все, что надо, еще успеет. Попить чаю, посидеть на диване, надевая башмак и тупо глядя в пол, вспомнить, какие сегодня уроки, чтобы положить, что нужно, в портфель, и прочее, прочее. Школа же рядом! Чего там бежать до нее, минута какая-то! Заходи-заходи, — как бы между делом сказал Яков Рувимович. — А вот вам всем — вопрос! Кто из вас еще может сформулировать что-то, что практически является законом? А? Ну, давайте, давайте, думайте. Из любой области, какой хотите. Ну?

И Яков Рувимович, оказавшись в это время возле своего стола у доски, сложил руки за спиной и обвел всех глазами, немного покачиваясь с пяток на носки.

Все молчали. Кто-то насупил брови, словно думая. Кто-то привычно пригнул голову, чтобы его не заметили и не спросили. Несколько человек с нескрываемой злобой смотрели на Витьку, без которого урок шел бы обычным порядком.

И вдруг я поднял руку.

— Коваль хочет нам что-то сказать! — воскликнул Яков Рувимович. — Ну, давайте, господин Коваль. Что за закон вы открыли?

Я встал и, скользнув взглядом по приподнявшимся затылкам, произнес:

— Закон тюбика!

— Интересно, — скривил брови Яков Рувимович. — И что же говорит этот твой закон — закон тюбика? Сформулируй!

— Нет такого использованного тюбика зубной пасты, из которого нельзя было бы выдавить ее еще на одну почистку! — отбарабанил я, сам удивляясь абсолютной достаточности подобранных на ходу слов.

Более всех оторопело смотрел на меня Витька Суворин, понуривший было голову потому, что из-за него все вяпались если не в плохую отметку, то все равно — в подставу с его стороны.

— Да вам надо прямо Нобелевскую премию вручать! — воскликнул Яков Рувимович. — По физике. Сегодня же напишу письмо в Нобелевский комитет. Пока — садитесь, — повел он бровями и пожал плечом.

Он часто пожимал так плечом, словно у него по лопатке бегали мурашки.

ДЯДЯ СЕРЕЖА

— Ну и где здесь вода? — крикнул дядя Сережа, когда он прошел метров тридцать от берега, а вода Финского залива была все еще ему по колени.

А мне купаться на Финском заливе нравилось. В этом году мы снова не поехали на дачу. Утром, выглядывая в окно, мама поджимала губы и вздыхала: жара в этом году уже в начале июня стояла страшная. Почти каждый день я один или с мамой ездил в Приморский парк загорать и купаться в прудах или в Неве. А тут вот дядя Сережа захотел поехать купаться в Финском заливе и взял с собой меня.

Пока мы шли по дороге от электрички к заливу, я думал, что вообще за жарюсь. Поэтому, быстро скинув одежду на расстеленное покрывало, я вбежал в воду, лег, оперся локтями и пятками на песок, откинул назад голову и даже зажмурился от удовольствия. Песочек подо мной был прохладный, плотный и весь в мелких барханчиках, а вода, с утра тоже еще прохладная, тихонько шевелила мне волосы

на затылке. Даже когда невысокая волна на миг накрывала мне уши, и в них несколько раз пощелкивало — все равно было приятно.

А дядя Сережа все шел и шел по колени в воде, и я снова слышал:

— И где же здесь вода?

Дядя Сережа поселился в нашей квартире в начале зимы. Маленькая комната с дверью на кухню, в которой когда-то, до женитьбы на тете Ане, жил дядя Витя, и из которой по вечерам часто доносился его храп, долго стояла пустая. Пустая в том смысле, что в ней никто не жил. Пустой-то на самом деле она не была. Сначала в нее занесли лестницу-стремянку, до этого стоявшую в коридоре в простенке возле счетчика, потом рядом приставили к стене сложенную старую раскладушку с противной рыжей, местами провисшей холстиной. Переехали в нее и лыжи, до этого торчавшие в углу в коридоре. Потом появился большой узел со старым бельем и занавесками — раньше его отвозили на дачу. И вот как-то отец зашел в эту комнату, осмотрелся и сказал:

— Да... Когда я был примерно такой, как сейчас Леша, эта комната тоже была кладовкой. Помню, в том углу стоял мешок с гречей, в этом — с пшеном, а вот сюда на ночь мама ставила блюдо со студнем, чтобы он застыл. А на подоконник — миски с пирожками. Как-то раз я полез вечером, в темноте, чтобы взять потихоньку пирожок, да и наступил прямо в студень.

— Милые ты вещи Леше рассказываешь! — сказала мама, стоявшая у плиты и что-то мешавшая в кастрюле.

— Ну, так ведь ты студень туда не ставишь!

Вдруг отец высунул голову из двери на кухню и сказал:

— Слушай, а не сдать ли нам эту комнату кому-нибудь на год-два? Вот денег-то получим!

— Это хорошо бы, — сказала мама. — Только сдавать надо военному. У них — дисциплина!

И вот однажды, когда я пришел из школы, из дяди Витиной комнаты, чуть пригнув голову в дверях, вдруг вышел очень высокий человек и сказал мне:

— Ну, здравствуй! Меня дядя Сережа зовут. Ты в какой класс ходишь? Молодец! Большой парень!

И то, что этот высокий-высокий человек назвал меня большим парнем, мне очень понравилось.

— Хочешь, покажу дерево, которое тонет? — спросил он потом.

— Таких деревьев не бывает, — ответил я. — Все знают, что любая деревяшка по воде плавает.

— А вот не любая!

Дядя Сережа скрылся в комнате и тут же вышел с палкой в руках. Палка была — как палка, неровная, суковатая. Дядя Сережа раскрыл большой складной нож и косо срезал с конца палки кусочек размером с половину грецкого ореха. Потом он взял со стола миску, наполнил ее из-под крана водой и бросил в нее этот кусочек. И кусочек этот тут же опустился на дно миски.

— Самшит! — сказал дядя Сережа. — Он на Юге растет, на Кавказе.

— А почему он тонет?

— Потому что удельный вес самшита больше удельного веса воды.

Дядя Сережа приехал с Украины, из Киева. Он окончил в Ленинграде военно-морское инженерное училище и работал теперь в научном институте.

— Мала вам наша комнатка будет, если к вам жена из Киева, как вы говорите, будет иногда приезжать, — сказала как-то дяде Сереже мама.

— Ничего, поместимся, — улыбнулся и даже как-то усмехнулся дядя Сережа. — К тому же я враг всяким лишним вещам. У нас всегда будет только все самое необходимое. Вот, например, надоело мне есть в столовой, и я пошел вчера и купил кастрюльку. А не так, чтобы взять да впрок всего закупить. Завтра суббота, и я сварю куриный бульон.

— А тарелки купили? — спросила мама.

— Тарелки у меня две есть.

В субботу вечером дядя Сережа на самом деле сварил курицу. Мама сказала ему, что хорошо бы бросить в бульон и разные корешки, пучочки которых продают на Конном рынке. Я не раз видел, как мама перебирает их на прилавке, выбирая такой, чтобы в нем были и петрушка, и сельдерюшка, и даже морковка.

— Ну, это в другой раз, — сказал дядя Сережа.

— А чем бульон заправите? — спросила мама.

— Вермишелью.

— А ее в чем варить будете? Кастрюлька-то бульоном занята.

— Эх, не подумал! — вздохнул дядя Сережа. — В принципе, одной кастрюльки все равно достаточно, — сказал он. — Просто надо было сначала сварить в ней вермишель, а потом уже курицу. Я всегда говорю: главное — правильно все спланировать.

Мама дала дяде Сереже маленькую кастрюльку сварить вермишель. Наконец дядя Сережа подошел к плите с тарелкой и ложкой. Он наложил в тарелку вермишели, а когда поднял крышку над кастрюлькой с бульоном, задумался.

— Что, налить-то в тарелку бульон — нечем? — улыбнулась мама. — Для этого — поварешка нужна! Есть у вас поварешка?

Дядя Сережа поджал губы.

— Вот, возьмите!

— Ладно, — сказал дядя Сережа. — Вот Лена приедет из Киева, тогда разберется. Но лишних вещей у нас все равно не будет!

На ближайшую электричку, идущую до Солнечного, где на Финском заливе самый большой пляж, мы с дядей Сережей чуть не опоздали. Электричка коротко свистнула, и машинист уже стоял в открытой двери кабины, поглядывая вдоль состава — не прищемит ли кого-нибудь дверь в каком-нибудь вагоне.

— Дядя Сережа, бежим, опоздаем! — сказал я, едва поспевая за большими, но неторопливыми шагами дяди Сережи.

— У нас еще 25 секунд, — сказал он, взглянув на часы на руке и продолжая спокойно вышагивать по перрону.

— А вдруг ваши часы опаздывают?

Как только мы ступили на площадку вагона, дверь за нашей спиной пшикнула сжатым воздухом и закрылась.

— Не опаздывают, — ответил теперь дядя Сережа. — Эти часы «Победа» я купил со своей первой полочки. И выбрал именно их. Это часы специального выпуска, с прецизионным механизмом. То есть — особенно точным. Они за сутки убегают или опаздывают всего на 4 — 6 секунд. А срок службы у них — так ой-ей-ей какой! Я вообще не понимаю, как это люди могут покупать и носить то одни часы, то другие.

В комнате у дяди Сережи, действительно, ничего лишнего не было. Дядя Витя увез к тете Ане почти всю мебель, кроме стола и двух книжных полок, и дядя Сережа сразу купил диван, шкаф и невысокий холодильник, который сверху можно было использовать как полку.

— По сути, человеку только и нужны — кровать, стол и стул, — сказал он.

Зато над диваном, на том гвозде, на котором у дяди Вити висела, а, по словам мамы, — собирала пыль газетница, у дяди Сережи висел настоящий офицерский кортик. И он кивнул, когда я спросил разрешения его посмотреть.

Ах, как мягко он выдвигался из черных, обклеенных кожей ножен! Как блесло и сразу запотевало, стоило на него дохнуть, длинное тонкое лезвие! Как щелкал замочек, когда клинок до конца задвигался в ножны!

— А ручка — из слоновой кости? — спросил я.

— Нет, пластмассовая. На ручке — сэкономили, — усмехнулся дядя Сережа.

— А что это? — спросил я, указывая на лежащий на столе продолговатый, тоже кожаный футляр.

— Логарифмическая линейка. Ну, она — как вычислительная машинка. Гениальное изобретение! Без этой линейки инженер — как без рук.

У дяди Сережи даже глаза загорелись, и я, испугавшись, что он начнет объяснять, что такое логарифмы, перевел взгляд на книжные полки.

— «Моби Дик» — это о чем книжка? — спросил я, указав пальцем на самый толстый корешок.

— О китах, и о морях. Потом как-нибудь прочти обязательно.

Месяца через два к дяде Сереже из Киева приехала его жена — тетя Лена. И она — разобралась. На кухонном столике дяди Сережи появилась сушилка с тарелками, блюдами и чашками, а над ней заблестели доньшки ковшиков.

— Скажи, зачем нам надо две сковородки? — возмутился на кухне дядя Сережа.

— А чашек столько — зачем? Я же привез из Ташкента четыре чудесных, самых настоящих глиняных пиалы. Если так пойдет дальше, то в комнате не останется не то что свободного угла для лыж, но даже книгу положить будет негде!

А дядя Сережа увлекался не просто лыжным спортом, а — горнолыжным. Раза два в год он со своими друзьями-горнолыжниками уезжал кататься с гор на Кавказ или в Среднюю Азию. Из такой поездки он и привез самшитовую палку.

Однажды, когда к дяде Сереже пришли его друзья-горнолыжники, я зашел к нему о чем-то его спросить, и услышал такой разговор.

— У меня один знакомый моряк во Францию с рейсами ходит, — говорил дядя Сережа, — так я как деньги накоплю, он мне там купит и привезет лыжи марки «Россигноль». Вот это лыжи, так лыжи! И ботинки к ним тоже. Настоящие, фирменные. Тебе что, Леша?

А я, услышав это, даже забыл, зачем пришел:

— Дядя Сережа, что это вы говорите? Лыжи ведь дешевые. Даже с надписью «Карелия» всего четырнадцать рублей стоят. В магазине «Турист» их много продается. А ботинки лыжные — девять рублей. Ну, если размер большой, то чуть больше.

— Вот, познакомьтесь, — сказал дядя Сережа, обращаясь к своим друзьям. — Это наш советский мальчик Леша. Так вот запомни, Леша. Лыжный спорт на Западе, а особенно горнолыжный — это очень, очень дорого, и не всем по карману.

— А ты на лыжах катаешься? — спросил меня один гость.

— У него нет лыж, — ответил за меня дядя Сережа.

И на Новый год дядя Сережа и тетя Лена подарили мне лыжи.

Правда, на них не было надписи «Карелия», и они были не синие или красные, а просто покрыты темным лаком. Зато, даже еще не смазанные, они замечательно пахли смолой и деревом. Чтобы научить меня правильно кататься, дядя Сережа один раз даже поехал со мной на Пороховые — это такой район на окраине города, где есть и лес с лыжной, и речка с крутыми берегами, по которым можно скатываться.

— Запомни! — сказал дядя Сережа, когда мы стояли на лыжах над обрывом. — Когда смотришь с горы вниз, она всегда кажется не такой уж высокой и крутой. Только снизу можно оценить, какая она, и заметить самые трудные и опасные для спуска места.

Сначала я думал, что если, спускаясь с горы, расставить ноги и сблизить между собой концы лыж, то обязательно упадешь. Но я не падал, а, перенося при этом тяжесть тела с одной ноги на другую, как научил дядя Сережа, легко поворачивал то вправо, то влево. Подниматься же в гору мне больше понравилось, ставя лыжи «елочкой», а не «шпалами». Правда, на палки при этом меня все время тянуло опираться, ставя их между ног, а не по бокам. И спускаясь мимо меня с горы плавными зигзагами, дядя Сережа пару раз стукнул своей лыжной палкой по моим, чтобы я начал ставить их правильно.

Когда вечером мы шли через лес обратно к трамвайному кольцу, дядя Сережа вдруг подпрыгнул, пригнул схваченную ветку и нарвал с нее целый пучок тоненьких веточек, покрытых черными шариками размером с перчинку.

— Это — лиственница, — сказал он. — Хвойное дерево. А знаешь, чем оно от других хвойных деревьев отличается? Тем, что оно на зиму сбрасывает иголки.

Дома дядя Сережа тщательно вымыл пол-литровую молочную бутылку, наполнил ее водой, всунул в нее набранные веточки и поставил бутылку на подоконник.

— Скоро эти веточки станут зелеными, — сказал он.

И на самом деле. Как-то я зашел в комнату дяди Сережи, и он, отодвинув занавеску, сказал:

— Смотри!

И я увидел, что из каждого черного пупырышка на каждой веточке торчат в разные стороны длинные-длинные светло-зеленые иголки.

«Не поеду я больше на Финский залив купаться, — сказал дядя Сережа, подходя к покрывалу, на котором я лежал. — Нет здесь воды!»

— Как это нет?

— Да так. Вода — это когда ноги опустишь, а дна — не чувствуешь. Вот тогда и можно плавать — а не ходить.

КОРОБОЧКА, ПЕРЕВЯЗАННАЯ БЕЧЕВКОЙ

Жара в этом году простояла почти все лето. И вот под его конец я как-то услышал от отца: «Да... А ведь каково лето — такова и зима». И, увидев по моему лицу, что я, похоже, не понял, он добавил: «Не в том смысле, что если лето было жарким, то и зима будет жаркой, а наоборот». О том, что зима в этом году будет холодной, отцу говорили и другие приметы. Правда, потом я заметил, что любая примета говорила ему почему-то только о холодной зиме. Зимы теплые или с частыми оттепелями случались, словно сами собой. А вот холодную зиму обещали еще желуди — если на дубах осенью их было очень много. Или рябина — если ее ветки в конце августа ломались под тяжестью огромных гроздей. Или если на ясенях, после того, как опали листья, так и оставались висеть семена-крылышки.

В этом году все папины приметы сбылись. Уже в ноябре, хоть еще и не выпал снег, красный столбик термометра за окном так и как замер на отметке минус десять. Наконец снег повалил, но красный столбик пополз не вверх, а к минус пятнадцати.

Но в выходные и в дни зимних каникул я все равно брал лыжи и шел кататься в Лавру, а то и ехал на Пороховые.

В один из дней каникул, вечером, когда на плите на кухне никто уже ничего не грел, я зажег на ней две крайние горелки, положил рядом на край стола тубу лыжной мази и похожую на большой кусок мыла пробку для растирки мази по лыже, и стал, грея низ лыж по всей их длине, наносить на них мазь и потом растирать ее пробкой.

— Обожаю этот запах! — сказал дядя Сережа, выйдя из своей комнаты.

— Я тоже.

— Куда утром? В Лавру?

— Нет, надоело. Поеду в Шулово, мы там раньше на даче жили. Там и в лесу можно кататься, и на карьере.

— Родители пускают?

— Так я там каждую тропку знаю. Я уж там катался. Да и народу там столько, что по краю леса и на поле лыжня так накатана, что ее острием палки не проткнешь.

Дядя Сережа еще постоял, посмотрел, как я вожу туда-сюда пробку по лыжне. Похоже, ему тоже очень хотелось бы поехать кататься. Но постояв, он прошел в коридор и постучал в нашу дверь.

— Борис Васильевич! — и я услышал, как отец приглушил радио и вышел в коридор. — Тут, в общем, такое дело... — начал дядя Сережа. — Мне завтра поздно вечером в Москву, в командировку надо улетать, одно изделие на один завод везти и там в испытаниях участвовать. Вот, видите, маленькая коробочка, как для часов. Но штучка в ней, ну, в общем... очень важная. Секретная. Даже более, чем. И как назло, завтра мы с Леной должны полдня по городу по разным делам помотаться. А у нас, вы знаете, замок в комнатной двери — того, долго жить приказал. Из командировки вернусь — новый вставляю. А главное, вы вчера говорили, что завтра водопроводчики будут на кухне кусок трубы менять, капает из которой. Вот я и хочу попросить вас: нельзя ли, чтобы эта коробочка один день у вас в комнате в укромном месте полежала? Жена ваша, как я слышал, завтра весь день дома будет. Ни о чем таком я не думаю, просто на душе будет спокойнее, если буду знать, что... под присмотром.

— Конечно-конечно, какие разговоры? — сказал отец. — Давайте, заходите, и сами коробочку эту куда-нибудь спрячьте. Я и смотреть не буду. А вы, как только она вам понадобится, сами и возьмете. Жена из магазина придет, я ее предупрежу.

Утром, глянув на градусник, я увидел, что даже чуточку потеплело. Да и снег не шел. Ура! Значит — в Шулово! Я положил в один боковой карман куртки бутерброд с котлетой, толсто завернув его в газету, а в другой карман — свернутые в комок запасные шерстяные носки. Хоть в такой морозец промочить ноги было негде, но носки все равно отсыревали в ботинках под конец катанья, и на пути домой, если не переодеть носки, ноги всегда начинали мерзнуть. А «держи ноги в тепле» я слышал от отца очень часто. Правда, вторую часть поговорки — «а голову — в холоде» он почему-то никогда не повторял. Вообще-то мама всегда ругала и меня, и отца за то, что мы убирали носки в шкаф, скомкав их в шарик, предварительно всунув один носок в другой. Она-то после стирки складывала и попарно выкладывала носки на разные края стула — мои и отцовские. Но — не скомканные — они часто перепутывались в шкафу, а какой-нибудь носок даже на время пропадал.

День был будний — ведь шли каникулы, и из электрички с лыжами вышел я один. Как только хвост электрички исчез за поворотом за зданием вокзала, —

почему-то зимой электрички ходят почти бесшумно — я перешел рельсы в самом удобном по пути в лес, хоть и не положенном месте, прошел по насыпи до места, где уже кончались дома, и, спустившись с насыпи, встал на лыжи. Лыжня бежала уже и здесь с краю дороги, и скоро я плавно свернул в серо-зеленые сосенки на краю леса.

Ах, как замечательно пахло снегом, усыпанным хвоинками! В одном месте я не удержался и разворошил снег на кочке, торчавшей около лыжни. Уж больно приманчиво выглядывали на ней из снега глянецовые и совершенно зеленые веточки брусники. Правда, засохших ягод я не нашел. Пока я бежал к полю, только раз я услышал за спиной отрывистое и почему-то всегда почти злое: «Лыжню!» Вода в проталинах на изгибах ручья, выщегося по краям поля, была черной-черной и немного дымилась. На шишках огромного репейника, торчавшего высоко над обрывом, белели шапочки снега, и я посшибал их лыжной палкой.

Наконец я добрался до карьера. Летом, на солнце, его песчаные склоны слепили глаза. Сейчас же было не сразу понять, где летом начинается вода, потому что наметенные сугробы высились то там, то здесь. Некоторые из них превратили в трамплинчики, раскатанные так, что кое-где был виден песок.

Скатившись сначала несколько раз по склону «на скорость», я начал «вилять», спускаясь по склонам, как учил меня дядя Сережа. Несколько мальчишек и девочек, тоже катавшихся на карьере, смотрели на меня, и мне это было приятно.

Приехал в Шулово я уже не рано, и скоро лес у карьера стал темнеть, а густые, низко повисшие ветки берез словно окутал дым. Почему-то вспомнился бутерброд, лежавший в кармане, и я с нетерпением размотал с него чуть не полгазеты и вонзил зубы во вкусную, хоть и совсем холодную и ставшую твердой котлету.

Пройдя большую часть пути до конца леса, я свернул с лыжни на полянку под высокими редкими соснами. Меж их стволов было устроено несколько скамеек, перед которыми чернели в снегу остатки костра. Здесь, возвращаясь с прогулки, особенно в выходные дни, многие присаживались отдохнуть, попить чай из термоса, а кое-то, уж очень устав, даже переобувался и шел потом дальше по тропе пешком, с лыжами на плече. Я же решил присесть и сменить носки, потому что пальцы на ногах уже ощутимо чувствовали холод ботинка.

Замерзшей руке сначала показалось, что карман куртки пуст, но на самом его дне я все же нашупал тоже холодный комок. С трудом вытащив его из кармана, который при этом даже вывернулся наизнанку, я положил его рядом на скамейку, расшнуровал, тоже с трудом, ботинок — шнурки превратились в какие-то плохо сгибающиеся прутьики — и стащил с ноги, сразу оба, шерстяной и тонкий под ним носок. Мне показалось, что со ступни моей, еле заметно, даже поднялся пар. Я стал раскручивать вынутые из кармана скомканные носки, и вдруг что-то юркнуло из них и беззвучно исчезло в снегу рядом со скамейкой. Я тут же сунул руку в снег, глянул и — обмер... В руке моей была маленькая коробочка из желтоватой бумаги, перевязанная бечевкой, концы которой были заклеены белой бумажкой, на которой неровно синела круглая печать с какими-то маленькими цифрами и буквами.

Мне показалось, что я стою в снегу босиком. «Это ж та, наверно, коробочка, о которой дядя Сережа говорил вчера отцу. Ему же сегодня с ней надо было в Москву лететь. Сегодня? Когда? Сейчас времени-то — сколько?»

Теперь мне казалось, что я вообще стою в снегу между сосен голый.

Я кинулся натягивать старые носки, ботинок, завернул снова, как было, коробочку, перевязанную бечевкой, в пару сухих носков, всунул их поглубже в карман,

и, скашивая путь прямо по глубокому снегу, разрывая присыпанные снегом кусты, бросился к выходу из леса.

К счастью, скоро я заметил еще одну знакомую лыжню, я перескочил на нее, и вышел по ней прямо к переезду, почти у самой станции. «Только бы скорей электричка, только бы скорей электричка, может, еще успею», – шептал я, стараясь не думать, что я скажу дяде Сереже и родителям, когда вернусь. Из-за поворота за станцией вынырнул, наконец, нос электрички. Я подбежал к самому началу платформы, чтобы на вокзале в городе не терять время на путь по длинному перрону, а сразу с разбега юркнуть в переход ко входу в метро. Вагон, даже первый, оказался почти пуст и я, трогая ладонью деревянные сиденья, выбрал и сел на то, под которым работала печка.

Обычно, стоило мне после катанья на лыжах ввалиться с лестницы в нашу дверь, как мама, услышав в коридоре стук, когда я пристраивал лыжи в углу, и мою возню у вешалки, выходила из комнаты или кухни, чтобы посмотреть, в каком виде я появился. И, конечно, – тут же поругать, если я явно замерз, а шаровары были все в ледяных скатышках. Но в этот раз, хоть я слышал по голосу, что мама на кухне, она не выглянула в коридор, хоть лыжи сначала с грохотом повалились вдоль вешалки на пол. Я хотел первым делом ринуться в нашу комнату, к шкафу, но в приоткрытую дверь увидел отца, который сидел на краю дивана у самой двери шкафа и читал газету. Тогда я, почему-то стараясь ступать тихо, выглянул на кухню.

Мама стояла у дверей дяди Сережи, заглядывала в их комнату и говорила:

– Леночка, ну не волнуйтесь. Ну, хотите, я вам валерьянки накапаю?

«Все!» – колыхнулось во мне. – «И это наделал – я!»

Но дело оказалось вот в чем. Дядя Сережа и тетя Лена пообедали, и, выйдя мыть посуду на кухню, тетя Лена сказала:

– Ну, слава Богу! В этот раз у Сергея выйти из дома, чтобы ехать в аэропорт, вовремя получится. А то вечно – в последнюю минуту выбегает! А сегодня – вон до вылета еще почти четыре часа.

И тут дядя Сережа тоже вышел на кухню и сказал:

– Лена! Я забыл! Мне ведь еще к Петру, коллеге моему по работе, домой заскочить надо. Он болеет, а хочет что-то в Москву сестре передать. Я быстро.

– А где он живет-то?

– Да не далеко – на Охте. Сейчас на троллейбусе – через мост, и мигом вернусь.

– Да ты – что? – воскликнула тетя Лена. – В аэропорт целый час ехать, да еще вечер, сколько машин!

– Лена! Я же сказал: мигом!

– Ты меня когда-нибудь с ума сведешь! – кричала тетя Лена.

– Я мигом!

И дядя Сережа убежал. И прошло уже больше часа, и мама предлагала тете Лене выпить валерьянки.

Тут я услышал, как во входной двери защелкал замок, и дядя Сережа прокричал из прихожей:

– Ау-у!

Наверно, тоже услышав дядю Сережу, из комнаты вышел отец. Дядя Сережа взял моего отца под руку, и они пошли в нашу комнату.

«Что делать-то?» – и я, не зная, что делать, замер в коридоре.

Сначала все было тихо, но потом я услышал такой шум, словно что-то откуда-то выкидывали.

— Что такое! — произнесла мама, выглядывая из кухни. Она двинулась в комнату, а я, тоже зайдя за ней, встал в дверях.

Увидел я вот что. Возле распахнутого шкафа стоял на коленях дядя Сережа и перебирал оставшиеся в нем коробки и свертки. Большая же часть того, что до этого лежало и висело в шкафу, было разбросано по всей комнате.

Отец, бледный, с расстегнутой на груди рубашкой и с вспотевшим лбом, стоял сбоку шкафа и смотрел, непонятно куда.

— Да вот же сюда вы ее клали, коробочку эту, вот примерно сюда, я краем глаза видел... Кто, кто-нибудь заходил сегодня в комнату чужой? — повернулся он к нам.

— Да никого не было, никого! — воскликнула мама. — Я весь день здесь сидела, шила, к шкафу вообще не подходила, а рабочие только раз заглянули, воды попросили попить, так даже не входили.

Дядя Сережа откинулся назад, сел на пол и посмотрел на отца. Как-то спокойно, равнодушно.

— Похоже, вместо отпуска, который мне на работе через месяц дать обещали, мне — в тюрьме сидеть, — сказал он, улыбаясь своей обычной, не очень заметной улыбкой.

— Ты не брал из шкафа коробочку такую маленькую, квадратную, в бумагу желтую завернутую, бечевкой перевязанную? — спросил меня отец.

— Не брал я никакую коробочку. Я только носки сегодня утром с нижней полки взял, шерстяные, чтобы после катанья на лыжах сухие надеть, и больше ничего, — сказал я, чувствуя что, как ни странно, одновременно и вру, и говорю правду.

— Ох, Господи мой! — вскочил дядя Сережа, сразу порозовев. — Где носки-то? Одевал их?

— И выронил наверно, в лесу-то! — всплеснула руками мама. — И не заметил! Я пулей кинулся в коридор, сдернул с вешалки куртку и запустил руку в карман.

— Ну? — подскочил дядя Сережа.

— В этом нету. Тут, наверно, котлета лежала, вон, из кармана пахнет еще.

— Какая котлета! — вздел руки дядя Сережа!

Выхватив у меня куртку, дядя Сережа сам сунул руку в другой карман — и шумно выдохнул.

— Есть!

Вытерев ладонью со лба пот, он пошел из коридора. Все остальные смотрели на меня.

— Да не ругайте вы его, — крикнул дядя Сережа из кухни. — Я сам виноват. Откуда он знал, что в носки, скрученные, что-то спрятано. Это я — мудрец-молодец, таким умным оказался. Куда, думаю, положить лучше? Тут и осенило. В носки завернуть. Ведь даже если бы вор залез, то кто ж носки ношенные ворует? Хорошее место, надежное! Не мог же я предположить, что Леша их в карман сунет.

— Времени-то уже — сколько? Ты видишь? — накинулась тетя Лена на дядю Сережу. — Все, опоздал в аэропорт!

— Ничуть не опоздал! — сказал дядя Сережа. — Часы у нас — что показывают? — и он поднял руку и взглянул на свои замечательные часы с этим, как его, прецизионным механизмом. — Еще целых один час, сорок минут и шестнадцать секунд! Уйма времени! Можно по пути еще к кому-нибудь заехать.

Но, увидев, что тетя Лена сейчас вот-вот сползет на пол по дверному косяку, чмокнул ее в щеку и увлек в комнату. И я услышал:

— Присядем на дорожку!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ИБРАГИМА

— Что-то Ибрагима не видно, — сказала мама, придя из магазина и выкладывая на стол бутылки с молоком и кефиром и свертки с колбасой, сыром и маслом. — Всегда, как прохожу через двор стопятидесятого, он то улицу метет, то еще что-нибудь. А вот давно уж не видела. Не заболел ли.

— Почему? — сказал я. — Ничего не заболел. В прошлое воскресенье, нет, в позапрошлом, он день рождения свой отмечал.

Как-то мы сидели с ребятами в стопятидесятом, на скамье у беседки, и вдруг видим, к нам идет Ибрагим. Суворин даже подошву своего ботинка со скамейки убрал. Заметив при этом взгляд Сашки, он сказал:

— А то сейчас начнется: «и дома ведь ты так не сидишь, и кто-нибудь другой после тебя на скамейку сядет и свои штаны испачкает». На свои бы лучше посмотрел. Такого цвета была только лошадь у Д,Артаньяна.

— Ну что, бездельники? — как ни странно, улыбаясь при этом, сказал Ибрагим.

— Отдыхаем после уроков, — раскинул руки и заложил их за верхний край скамейки Веселов. — Право на отдых.

Ибрагим вдруг опустил голову и как-то невидяще посмотрел в песок.

— Право на отдых... Черт бы его побрал...

Он присел на край скамейки.

— Вы... это. В воскресенье, завтра то есть, приходите сюда часа в три.

— Так разве воскресник объявляли? — вскинул голову Суворин.

— Да какой воскресник... День рождения у меня. Приходите, всех угощу. Сахарные трубочки — мороженое, любите? Вот и приходите. И пряников еще куплю.

— Лучше медовых, — сказал Лукьянов.

— Ну их, — не согласился Суворин. — От них икота бывает, если без чая.

— С чаем... сложно. Лимонада еще куплю.

— А чего это вы так, вдруг, свой день рождения отмечать хотите? — спросил Сашка.

— Почему — вдруг? А погоди, действительно — вдруг. Шестьдесят лет ... А все — как-будто вчера...

Суворин присвистнул.

— Сначала брат в Ленинград приехал, мост строили. Он меня позвал. Мост построили, он в другое место уехал, а я — тут работать начал, потому как жилье сразу дали — вон, комнатку эту, — и Ибрагим мотнул головой в угол двора, где на первом этаже, рядом с задним входом на почту, помещалась под лестницей его комната.

Иногда, выходя во двор, Ибрагим первым делом начинал сметать в угол двора перепутанные, похожие на огромные мочалки комки телеграфной ленты.

— Эх!

Ибрагим достал из кармана ватника серый комочек платка и вытер глаза. Суворин, решив, наверно, что Ибрагим собрался поплакать, чуть отодвинулся от него, но Ибрагим сказал:

— Вон, скажи, что написано на табличке у входа на почту?

— «Отделение С-24».

— Во! Ты видишь, а я — не вижу. А еще — в правом глазу, тоже справа, словно кто черной метлой махает. А когда вниз посмотрю — то и сверху. И все больше махает. Кто это там махает, не знаешь?

— Вам надо к врачу сходить, к главному.

— Был. Говорит, сетка какая-то отслоилась, в глазу. А какая там сетка?

— Сетчатка, а не сетка, — сказал Сашка.

— И еще — главкома какая-то. Ты, вон, мал, а ученый уже. Скажи, что за главкома?

— Главкомы в армии есть, и на войне. А у вас — глаукома, наверно. У меня у бабушки она тоже была.

— И как твоя бабушка?

— Да никак. Умерла она.

— От главкомы этой?

— Да не от глаукомы! От старости.

— Во! И я — совсем старый стал. Во, какой старый!

Ибрагим медленно поднялся.

— Ну, не забудьте. В воскресенье.

Он отошел немного, но снова повернулся и сказал:

— Хулигана этого, Полуянова, увидите, тоже скажите, чтобы приходил.

— Зачем это?

Но Ибрагим уже повернулся и пошел по аллее.

И в воскресенье мы сидели на скамейке около фонтана, ели мороженое — сахарные трубочки, крошили пряниками и по очереди отпивали из нескольких бутылок лимонада.

Но мама оказалась права, и скоро я услышал от родителей, что Ибрагим насовсем уехал в какой-то городок под Казанью, где у него были родственники.

— Кто ж теперь флаги по праздникам будет в стопятидесятом вывешивать? — сказал отец.

— Флаги-флаги... — откликнулась мама. — А фонтан весной — его кто будет красить и включать? А каток на зиму заливать? А за сиренью смотреть, чтобы не обламывали? А дурака этого, Полуянова, гонять? — и она шлепнула, перевернув для чистки с другого бока, огромной треской по разделочной доске.

Удивительно. С этой осени, словно вслед за Ибрагимом, стали потихоньку исчезать и другие. Получила где-то в новых районах квартиру мать Мишки Лукьянова, и услышал я о Мишке вновь, когда вдруг узналось, что его первого из всей нашей компании забрали в армию. После окончания нашей школы-восьмилетки стигнул куда-то Суворин. С Сашкой мы перешли в девятый класс в одну и ту же школу, но он во всю увлекся битлами, начал даже играть в школьном ансамбле, а потом еще в каком-то, и скоро я тоже уже не знал, где он и что. Незаметней же всех исчез Веселов. Он был такой высокий, румяный, а я про него — словно вдруг просто забыл.

Как ни странно, кого я нет-нет и видел, так это Полуянова. Он уже окончил школу, но все так же ходил, часто оглядываясь, словно высматривал, где бы и с чем можно было похулиганить, вертел головой, трясся скошенной через лоб челкой. Уже на исходе школы он стал подрабатывать на почте разноской писем и газет. Проходя вечером возле почты, я иногда видел сквозь запотевшее окно, как он сидел в большой желто освещенной комнате. Сидящие за аппаратами телеграфистки с ничего не выражающими лицами отстукивали бесчисленные «поздравляю», «желаю», «целую», «люблю», а он раскладывал на столе по адресам письма, телеграммы, журналы или, откинувшись на спинку стула, просто смотрел в окно, за которым так же быстро, как пальцы телеграфисток, мелькали прохожие. С этой кипой писем и газет я видел его порой и на улице. Он вышагивал, все так же вертя головой, но теперь для того, чтобы не пропустить дома и парадные, в очередности которых он и раскладывал прижимаемую к груди почту.

НЕНАПИСАННЫЙ РАССКАЗ
(ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ)

Сколько не пиши рассказов о чем-нибудь — все равно какой-нибудь будет последним. И когда я стал все больше это понимать, я дал себе слово, что ни в коем случае не начну этот заключительный рассказ словами «прошло много лет». А вот что мне не понятно, так это то, почему, еще в самом начале, я не написал еще один рассказ, который пишу только теперь, теперь, когда... нет, нет, держись, раз дал слово!

Как-то я шел с работы. Колени мои подворачивались, в висках гудело. «Наверно, опять подхватил грипп», — думал я. А может, это было из-за бессонницы, которая мучила меня уже две ночи. Эх, скорей бы — домой, и — на диван.

— Да помогите же!

В подворотне, в которую я свернул, чтобы укоротить путь к своему дому, было почти темно, только клин света от фонаря в следующем дворе лежал на стене и на асфальте.

— Да помогите же мне подняться! — и я увидел женщину. Она лежала на спине близко от стены и смотрела на меня широко открытыми, но словно ничего не видящими глазами. Одной рукой она опиралась на асфальт, пытаясь подняться, а другую тянула ко мне.

«Случилось что, а может — пьяная? — мелькнуло в моей голове. — Вот, не хватало!» Но в то же время я всматривался в лицо этой женщины, и уже понимал, что если даже она немного и выпила, то все равно это ничего не прибавляло к ее облику. Потому что я уже узнал ее. Она и всегда была такая — словно встряхнутая, оглушенная, всегда словно с удивленно раскрытыми глазами, всегда словно что-то ищущими.

Я потянул ее за руку, и она легко поднялась, почти при этом не согнувшись, потому что была худая и легкая.

— Вот спасибо, спасибо, я ведь тут рядом, по соседству живу, — говорила она, опираясь о стену ребром ладони и пытаясь ступать. — Мне бы только до парадной дойти.

Несколько раз она пристально взглядывала на меня, словно вдруг чему-то изумляясь, но тут же глаза ее опять словно заволакивало. На углу подворотни она остановилась, чтобы передохнуть, и здесь — потому наверно, что было светлей — снова странно взглянула на меня.

— Вы меня узнаете? Я с Петей дружил, помните?

И тогда она вскрикнула.

— Боже мой! Ну я же вижу, вижу, что это ... — и она назвала меня по имени.

Словно получив приток сил, она уже быстрее стала ковылять вдоль стены. Показалась ее парадная, но тут что-то новое стало беспокоить ее, и глаза ее смотрели еще более широко, чем когда она лежала на асфальте.

Она жила на первом этаже. Я позвонил. Далеко за дверью послышались шаги, и чем они делались громче, тем более тревожно взгляд ее бегал по порогу. Дверь распахнулась, ее открыла молодая женщина в накинutom халате — я знал — ее старшая дочь. Взгляд дочери замер, сразу насторожившись, скользнул по мне, по ней, и тут же раздался вскрик:

— А сумка? Сумка-то — где?

— Рита, Рита, слушай, я сейчас все расскажу.

— Сумка, где сумка? А квитанции? Боже! А паспорт, там же был и мой паспорт О-о-о... — она повернулась и пошла по коридору вглубь квартиры.

— Рита, меня обокрали, вот, он знает, ты помнишь его, Рита? Он с Петенькой дружил, помнишь, они же учились вместе в первом и втором классе, помнишь?

— Нет, я больше не могу, — слышался голос из глубины коридора. — Ты дрянь, дрянь!

— Рита!

— Я позвоню Ане, пусть ее муж устроит тебя на лечение, а я уеду. Я позвоню, он поймет, он прекрасный человек, хирург, он поймет, а я больше не могу.

Дочь вышла из коридора, закрыв ладонями лицо, и если бы не эти фразы, что муж Ани (ее сестры) хирург и прекрасный человек, фразы, которые адресовались явно мне, ведь их мать-то знала, что муж Ани — хирург и прекрасный человек, я бы, наверно, уже повернулся и ушел.

Коридор был узким, длинным — такой же, какой он был и тогда, когда я приходил сюда семилетним, девятилетним мальчиком, а потом уже никогда. Правда, тогда вдоль его стен были не только вешалки, а стояли кухонные столы, газовая плита — это после капитального ремонта дома кухню куда-то перенесли. И пахнул он тогда совсем иначе — супом или жареной рыбой.

Незаметно пройдя, мы стояли теперь в первой за коридором, большой комнате. Петина мама попросила меня сесть. «Он же с работы идет, — говорила она, — поднял меня, я смотрю и вижу, и не узнаю, а он говорит — я же с Петей учился, Рита, помнишь?»

Рита уже не кричала. Она стояла, прислоняясь спиной к простенку, ведущему во вторую комнату, немного покачиваясь. Ужасная, неожиданная и мгновенная потеря сразу паспорта, ломбардных квитанций, денег и сумки оглушила ее. А Петина мать, словно кто-то рукой переставлял иголку с одного места пластинки на другое, снова и снова рассказывала, как войдя в широкий проход между домами возле ломбарда, вдруг полетела от сильного толчка в спину на панель, ударилась об нее, и кто-то тут же сильным рывком выдернул из ее руки сумку. Поднявшись на ноги, шатаясь, она вышла на улицу, и увидела, как за угол на бегу свернули два человека. Один показался ей знакомым. Идти быстро она не могла и только потихоньку перешла на соседнюю улицу, где стоял пивной ларек. Шатаясь, она походила вокруг, надеясь узнать одного из тех. Стал накрапывать дождь. Крупные капли упали ей на содранные колени, и она заплакала от боли. Выпив кружку пива — в кармане платья обнаружилась какая-то мелочь, она постояла еще, а потом пошла. Шла она медленно, от сильного сотрясения при падении испытывая дурноту, а когда уже почти дошла — в соседнем проходном дворе потеряла сознание.

Иногда Рита, как очнувшись, опять начинала: «Зачем ты вообще пошла без меня перезакладывать эти серебряные ложки? Хоть бы мой паспорт вынула, а теперь его нет ни у тебя, ни у меня, как нам теперь-то разговаривать в ломбарде, в милиции?» Она кинулась шарить в верхнем ящике комода и выдохнула:

— Слава Богу, хоть ключи-то мои и твои дома... Ну, и что ты так спокойно теперь сидишь?

А Петина мать действительно сидела теперь, положив ногу на ногу, боком у стола и широким, каким-то почти безмятежным, равнодушным движением подносила и относила ото рта папиросу. А я смотрел и смотрел на комнату, на окна, на круглый — тот самый! — обеденный стол, на тот же знакомый мне комод, на старинное высокое трюмо, на занавеску, которая, как и тогда, прикрывала

проход во вторую комнату. И вдруг увидел Петю. Он стоял полубоком ко мне в школьной форме образца тех далеких лет — в широких прямых брюках, из-под которых торчали тупенькие носы начищенных черных ботинок, в перехваченной широким ремнем с большой желтой пряжкой гимнастерке, в фуражке с тоже желтыми пуговками по краям блестящей черной тесьмы над козырьком. В руке он держал большой портфель — портфели первоклассников всегда кажутся большими. Застегнутый у самого горла воротник гимнастерки с белым подворотничком казался слишком жестким для тонкой белой шейки, выставившей острое личико. В Петинем лице все было остреньким — подбородок, носик, ресницы. Сбоку, почти касаясь его, краснела тяжелая плюшевая занавесь.

— Петенька... — протянула мать, перехватив мой взгляд и тоже стала смотреть на висящий на стене портрет, исполненный масляными красками. — Это один наш родственник, художник, с фотографии нарисовал, и все так верно. Ведь, бывало, глажу ему брюки, а он стоит рядом и смотрит, стрелки чтоб везде были проглажены. Чуть где морщинка появится — «мама, погладь сегодня брюки». А воротничок — чтоб каждый день был новый воротничок. Выпросил, чтобы съездила в военный универмаг и купила пасту эту зеленую, чтоб пряжку чистить. Начистит, начистит, повесит ремень на спинку стула, ходит и смотрит.

Петя появился в нашем классе, когда занятия уже начались, из-за болезни пропустив почти половину первой четверти. И не помню, как это случилось, но все мы почти сразу узнали, что Петю-то и коснулось это странное, непонятное, входящее в слух и грудь каким-то холодным, твердым, лишним комком слово — слово «порок». Порок, порок сердца. Слово, произносимое нашими матерями приглушенно, на мгновение — с расширенными глазами. То, что это слово означает какую-то ненормальность, отклонение — было понятно, но что именно оно означало для сердца, нормальность которого как раз в том и заключалась, что его словно и не было — это рождало неясный, нераскрывающийся вопрос, настолько неясный, что и не возникало желания его прояснить.

Петя исчезал, когда начинались наши шумные беганья в высоких школьных коридорах, наши засады за сложенными на зиму у стены школы скамейками в школьном саду, наши бесчисленные, помноженные на «еще один, последний раз» катанья с чудно блистающей в черноте зимнего вечера ледяной горки. Была, значит, такая протоптанная в снегу тропинка, по которой он незаметно исчезал, проходя к высокой шапке снега на козырьке над их крыльцом или в темноту подворотни, за которой желтел свет высоких фонарей над проспектом.

Однажды я шел и увидел Петю стоящим под одним из этих фонарей, недвижно смотрящим, как огромные хлопья снега удивительным чудом находят себе дорогу среди бесчисленных других тоже кружащихся и тоже не задевающих друг друга огромных хлопьев. Снег был так густ, что казалось, должен был вот-вот занести, засыпать маленького мальчика, двух маленьких мальчиков, стоявших, подняв лица, под роняющим свет фонарем, не замечающих никого, кто спешил мимо по тротуару, и словно оказавшихся в чужом, незнакомом городе.

— Смотри, — сказал Петя, указывая рукой на огромные дома в конце улицы, чьи заснежен-ные крыши мерцали под черно-фиолетовой мглой. — Это — глыбы льда.

Потом он перевел взгляд на высокий дом с острой башней.

— Ты знаешь? А я знаю. Там живут колдуньи. Их три. У них белые лица, и одна — очень красивая.

Словно чтобы этот снег не засыпал нас, мы спустились по ступенькам в маленький, в подвальчике магазин, где прилавки, полки и даже пол за прилавками были завалены грудями золотой мишуры и серебряного дождя, ящиками с одинаковыми в каждом, но все равно казавшимися разными разноцветными и блестящими шарами, сосульками, звездами, заснеженными домиками, фонариками и дирижаблями.

А то мы ходили с Петей возле нашего Конного рынка. Он был совсем рядом, по пути в школу. Осенью стоящие вдоль его стен лотки были завалены яблоками.

— Это полосатики, они самые вкусные, — говорил Петя, указывая на горки огнистых, красно-бело-желтых штрифелей.

Зимой на лотках топырилась вверх хвостами и головами мерзлая рыба, постукивали друг о друга подвешенные бурые бусы сушеных грибов. За лотками перетаптывались мужики в ватниках, с трудом перехваченных белыми передниками, и бабы в плюшевых полущубках и толстых серых платках. Их щеки горели на морозе, почти как яблоки. Крючконосые продавцы мотали над плечами желтыми сухими мочалками. Но чаще всего мы останавливались у лотков с клюквой. Здесь были и ягоды, собранные еще до морозов, ало-матовые, с розовым мучнистым нутром, и перезрелые, готовые сразу брызнуть из-под тонкой кожуры, сквозь присыпавший их снег горьковато-вяжущим соком, темные, отдающие фиолетом ягоды — совсем как Петины губы.

В темноте утра, когда мы с Петей шли в школу, мы останавливались и смотрели, как с грузовиков скидывали хрустящие, позванивающие замороженной хвоей, с заледеневшими шишками елки. Их кидали в темноту, за загородку, и как ни странно, из этой темноты веяло теплом. На уроках труда мы вырезали и склеивали из разноцветной бумаги гирлянды и ребристые шарики, которые потом, дома у Пети, показывали его маме, нагнувшейся над столом под оранжевым абажуром. Потом из темной прихожей появлялся, смотрел на нас и улыбался, пока снимал и вешал на вешалку пальто Петин отец. Он подходил к столу, тоже склонялся над ним, перебирал пальцами колечки гирлянд, листал учебник, лежащий на столе, и потом входил через занавешенный проход во вторую комнату, где делала уроки старшая дочь.

Когда нашу школу расформировали, Петю перевели в ту, «испанскую» школу, о которой так мечтал для меня мой отец. В те первые дни сентября, первые дни в новой школе, в новом классе, среди новых ребят, новых прозвищ, среди вдруг образовавшейся дворовой стаи я, кажется, почти в миг забыл все, что было до этого. Потому и не заметил, что не вижу и Пети в его дворе. А ведь именно там, где мы расставались с ним снежными вечерами, у угла подворотни, в один из первых дней в новой школе два мальчишки из нового моего класса прижали меня к стене, испытывая вопросом, кто победил в поединке — Ахилл или Гектор, на который я не знал, как ответить, точно также, впрочем, как если бы они спросили меня о Давиде и Голиафе.

Теперь, слушая мать, я узнавал, как это было.

— Он все волновался, лето все, в деревне, как все будет в новой школе...

Ее голос словно выплывал откуда-то, и я даже не знал, только ли она начала говорить или говорила уже давно.

— Летом у него были приступы, лето было дождливое, он сидит все, смотрит в окно и не то, что плачет, а как поет: «Вот, опять разболеюсь, снова в школу опоздаю». Я говорю, чего ты опоздаешь-то, вон, лета еще сколько, в деревне всегда

поправляются, зря, что ли, думаешь, молоко пьешь? Потом погода наладилась, стало тепло, и он повеселел. А в авгу-сте, в конце, мы вернулись, и ему опять стало хуже. Приду с работы — ну, что, сразу спрашивает, заходила в новую школу, узнала, как там все? А что узнавать-то было? Когда медкомиссия? Он из дома-то выйти не мог, так, с кровати встанет, к окну подойдет и смотрит. И все одноклассников своих высматривает, да как иной раз закричит: «Мама, мама, вон девочка из нашего класса!» А потом врач один приходил и сказал: «Хорошо, что вы на первом этаже живете, а то ему и второй был бы тяжел». Боже мой, что потом было! Мама, говорит, мама, а что, если мы на третьем или четвертом этаже будем заниматься, как же я тогда буду? Сходи в школу, узнай, ну сходи!.. Господи, замучилась я в эту неделю после деревни больше, чем за все лето. Да нет, говорю, ты ж подумай, младшие классы-то уж, наверно, внизу поместят, куда ж их, а уж старших — выше. А он только смотрит и спрашивает, неуверенно так: «Да?..»

А в тот день — ох, как же я себя потом кляла, что окно не закрыла. Шумно было на улице, душно, я за швейной машиной за столом сижу и думаю: вот, сейчас распорю, встану и закрою, вот сейчас. Двадцать восьмое августа, жара, окно-то и было с утра открыто. Ему ночью опять нехорошо было, проснулась, вижу: сидит на кровати спиной к шкафу и смотрит. Я уж знала, почему он так ночью сидит. А днем не говорит ничего, словно все нормально. И все ходил, и вокруг стула все, форма на котором висела. Даже воротничок уже был подшит. Несвежим будет, говорю, рано еще. Нет, говорит, пришей, так лучше. Ходит и смотрит, и ремень форменный широкий через плечо висел, пряжкой вперед, уж начищенный. И вот вдруг подошел к окну, стоит спиной ко мне и смотрит. Я нитку как раз вдевала, а сама поглядываю и затылок его вижу. И вдруг, как высунется он в окно, как закричит, я испугалась сначала, а он мальчика из их класса увидел, с отцом тот шел. Ну и подошли те. Здравствуй — здравствуй, ты где летом был? — разговор-то их весь. И вдруг тот возьми и говорит: «А наш класс на четвертом этаже теперь, знаешь?» У меня и сердце опустилось. Я-то уж знала это. А Петя только и сказал-то: «Да?» — и отошел от окошка. Я шью, ногой педаль качаю, а сама смотрю. Стоит, и вижу, подбородок-то у него дрожит, мелко так. Я чего-то разозлилась, сама не знаю, на тех, наверно, хоть что злиться-то? Встала, вышла в другую комнату, подкладку надо было взять. И вдруг слышу — словно пальто с вешалки упало. Вбежала, смотрю — и сначала не поняла. Вижу, только скатерть немного со стола стянута. Потом гляжу — сандалик из-за ножки стола торчит, подметочкой — на меня...

Она крутила, крутила папиросу в пепельнице, но лицо ее, странно, было даже улыбающимся, словно она снова видела все то, что рассказывала, снова — Петю.

Рита стояла, сложив руки на груди, опершись спиной о край дверного проема, впав, наконец, в незаметно пришедшее забытье. Тишина, установившаяся, когда мать замолчала, видимо, пробудила ее, и она вышла.

Мать опять курила, все так же, без всякой манеры — только так, как это и было нужно при том, как она сидела, — поднося к губам папиросу и стряхивая пепел, поправляя иногда безмянным пальцем волосу надо лбом. А я — я все смотрел и смотрел на круглый стол, шкаф, на комод, на занавеску в дверном проеме. Все было таким же, как тогда, лишь что-то — отсутствие скатерти, другая мелочь на комод, новый тонкий карниз над проемом делало все это как бы другим. И только на портрете, уже потускневшем, абсолютно все осталось тем же самым, и стоило какое-то время смотреть на него — начинало казаться, что не изменилось и все остальное.

Вошла Рита, одетая. Я тоже встал, прощаясь и советуя все, что можно было советовать. Мать слушала меня, курила и как-то по-обычному кивала головой.

Я выходил с Ритой, и наверно поэтому мать не встала и не пошла провожать, а только опять кивала мне, говоря, чтобы я заходил. Рита о чем-то спросила ее, но она, наверно, не расслышала и, хотя видела, что та спрашивала, не переспросила. Рита пошла по коридору, и я, уже выходя, обернулся в дверях, прощаясь опять. И в последний раз посмотрел на маленького мальчика в старательно отутюженной школьной форме, когда-то давно-давно заблудившегося в школьных переходах, в плюшевых занавесах актового зала, чтобы никогда, никогда уже из них не выбраться, не узнать, кто победил на самом деле.

Е. С. Роговер

КОНСТАНТИН ВОРОБЬЕВ

(Литературный портрет писателя)

В одной из статей, опубликованных в 1971 году, Юрий Бондарев написал о своем поколении художников слова, сформировавшихся на войне: «Память писателей этого поколения, их напряженно сжатый, как пружина, опыт реализовались в ряде книг... Нередко эти книги несли заряд жесткого драматизма, нередко их можно было определить как «оптимистические трагедии», главными героями их являлись солдаты и офицеры одного взвода, роты, батареи, независимо от того, нравилось это или не нравилось неудовлетворенным критикам, требующим масштабно-широких картин глобального звучания» [1]. К этим писателям принадлежит и Константин Воробьев, художник исключительно емкого и напряженного опыта и редкостной, поистине уникальной судьбы.

Константин Дмитриевич Воробьев родился 24 сентября 1919 года в селе Нижний Реутец, ныне Медвенского района Курской области в многодетной крестьянской семье. Его мать воспитывала пять дочерей и двух сыновей, а отца своего Константин никогда не видел (в округе считали, что отцом его был исчезнувший белый офицер). Зато отчим, вернувшийся из германского плена после окончания Первой мировой войны, усыновил мальчика, проявил к нему подлинно отцовские чувства и был им любим. Тем не менее детство будущего писателя было трудным, вечно голодным и неласковым, особенно после того, как

отчима, который заведовал сельским магазином, в 1933 году арестовали и посадили в тюрьму за выявленную недостачу. Четырнадцатилетнему подростку пришлось стать грузчиком, тем более, что высокий рост и крепкое сложение позволяло заниматься этой весьма нелегкой работой.

Окончив сельскую семилетку, Константин Воробьев стал учиться в сельхозтехникуме и поступил на курсы киномехаников, закончив которые начал ездить с кинопередвижкой по близлежащим селам. В августе 1935 года юноша, склонный к смене профессий и занятий, стал селькором районной газеты, выходящей в городе Медвенка, а затем и литературным инструктором в той же газете, где стал активно печатать стихи и очерки. Но вскоре последовала череда серьезных неудач: за стихотворение «На смерть Кирова», в котором была недвусмысленно выражена собственная позиция, юноша был исключен из комсомола, а за хранение «крамольной» книги «Война 1812 года» и преклонение перед генералами тех лет, носителями высокой чести, долга и мужества, был уволен из редакции. Преклоняться в тридцатые годы следовало только перед одним человеком, «учителем и вождем», чего не хотел учитывать юный инструктор.

В 1937 году К. Воробьев переехал в Москву, где поселился у сестры и стал выполнять обязанности ответственного секретаря редакции фабричной газеты. Тогда же он закончил вечернюю

школу, получив завершенное среднее образование.

С октября 1938-го по декабрь 1940 года Воробьев служил в армии, где не оставлял своей привязанности к журналистике и писал очерки для военной газеты, выходившей в Западной Белоруссии. Демобилизовавшись, работал литературным редактором газеты Военной академии им. М. Фрунзе, откуда был направлен на учебу в Высшее пехотное училище имени Верховного Совета РСФСР. Вместе с его курсантами принимал участие в охране Кремля.

В грозные дни октября 1941 года в составе роты кремлевских курсантов К. Воробьев был направлен на фронт, где молодые воины должны были защищать Москву от подступивших к ней вражеских полчищ. Курсанты пережили весь кромешный ад конца 1941 года, но, как позже писатель расскажет в повести «Убиты под Москвой», рота кремлевцев терпит разгром, а Воробьев попадает в фашистский плен. Это случилось под городом Клин. Будущему писателю пришлось пережить настоящее «хождение по мукам», последовательно пройти клинский, ржевский, смоленский, каунасский, саласпилсский концентрационные лагеря для военнопленных и литовских коммунистов, сидеть в паневежской и шяуляйской тюрьмах, пройти бесконечные километры дорог, полей и болот. И все-таки ему удалось в сентябре 1943 года бежать из фантастически страшного плена, организовать партизанскую группу и войти вместе с нею в литовский партизанский отряд.

Находясь в шяуляйском подполье, Воробьев в течение месяца, не отрываясь от стола, написал свою первую повесть, первоначально называвшуюся «Дорога в отчий дом», где поведал людям о пережитых им испытаниях и пройденных кругах ада. У этой повести будет очень трудная судьба. Написанная в доме № 8 на улице Глоусню в литовском городе Шяуляй,

когда сформированная Воробьевым группа из бывших партизан временно ушла в подполье (конец 1943 года), повесть будет отшлифована к 1946 году и направлена в редакцию журнала «Новый мир». Но здесь она не будет напечатана, поскольку представляла собою только первую часть развернутого повествования, и редакция ожидала появления его второй части, которая так и не была создана. Позже в личном архиве писателя рукопись не нашли, но ее обнаружат в Государственном архиве, в материалах «Нового мира». Это случится уже в 1985 году. Тогда она и будет опубликована под новым названием — «Этo мы, Господи!..» в журнале «Наш современник». На целых сорок лет это замечательное произведение выпадет из поля зрения читателей и из пути восхождения писателя к новым творческим высотам.

Поскольку повесть была создана еще в годы войны, то нам представляется необходимым дать ей характеристику именно теперь. Это произведение носит автобиографический характер. Начиная с эпизода, когда попавшего в плен Сергея Кострова (такое первоначальное имя получает в повести ее автобиографический герой) ведут по цехам Клинского стекольного завода и бросают в глубокую котельню, на груду тел, К. Воробьев выстраивает скорбное повествование о нечеловеческих муках и страданиях, выпавших на долю двадцатитрехлетнего советского лейтенанта. Что только не пришлось пережить этому человеку! Бесцеремонный обыск и ощупывание, в результате которого у героя отнимается подаренный сослуживцами серебряный портсигар, а позже похищается его одежда. Долгая дорога в строю пленных, когда тупо болит бедро и немеет нога. Дикий, изматывающий голод, когда лишь на седьмые сутки дают 50 граммов хлеба. Зрелище расстрела русской старухи, которая вынесла людям последнее, что у нее осталось, — капустные листья.

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Бесконечная череда смертей, когда «стоны, вопли ужаса огласили деревеньку» или когда военнопленных сбрасывают в Ржевском лагере в глубокую яму. Частые болезни, в особенности дизентерия и тиф, косящие еще недавно здоровых людей. Ставшие привычными избиения кулаками, «бананами» (дубинками), палками. Убийства лопатами пленных в Каунасском лагере. «Долину смерти» в Саласпилском лагере и «тетку Смерти» в Шяуляе. Изматывающую работу на заводах, на немецком кладбище, на перекачивании громадных валунов. Неоднократные попытки побега из сарая, из мчащегося вагона, из барака и неизменное желание мстить оккупантам — гестаповцам, немецким конвоирам, литовским полицейским.

К. Воробьев создает ряд незабываемых сцен, в которых изображает торчащие из снега руки расстрелянных русских людей, призывающие проходящих мимо рассчитаться с врага-ми, или рисует зеркало, в которое случайно заглядывает Сергей, чтобы увидеть, как его «испаскудили» гестаповцы. Природа в изображении писателя вторит действиям людей, либо помогая им бороться, либо становясь препятствием на их пути и сливаясь с окружающей, безобразной действительностью. Иногда в тексте появляются «тучи-уроды», «проклятый квадрат земли», «ветер, поющий песню смерти», «зловещее карканье» ворон, осень, которая «кошачьими шагами неслышно подкрадывается» к людям или — напротив — рябина, которая «вдовой-солдаткой плачет кровавыми гроздьями». Порой писатель рисует гротескные образы, особенно гестаповцев; изображает «туши мяса немецких колонизаторов», увиденные голодными военнопленными. Язык повести обретает необходимую экспрессию, в нем оправданно используются варваризмы, бранная лексика, германизмы и литовские слова; часто применяются выразительные повторы

отдельных анафор («ползти..., ползти..., ползти», «шли... шли... шли...»), внутренний диалог разных голосов в душе человека. Писатель Вячеслав Кондратьев справедливо заметил: «Повесть эта — не только явление литературы, она — явление силы человеческого духа, потому... писалась как исполнение священного долга солдата, бойца, обязанного рассказать о том, что знает, что вынес из кошмара плена...» [2].

Этическая значимость повести состоит в том, что она показывает способность человека преодолеть — во имя свободы его Родины — все возможные и невозможные преграды, все разнообразные силы и формы зла и выстоять, победив их. Не случайно, вытащив из земли тяжеленное опорное бревно и выбравшись из запертого сарая, Сергей восклицает: «Русского офицера так не возьмешь!» Также не случайно, что этот герой во имя конспирации меняет свою фамилию на новую и становится «Руссиновским»; фамилия эта — производная от слова «русс» [2].

Вернемся к биографии писателя. После освобождения города Шяуляй Воробьева назначают начальником штаба МПВО. Выполняя эти новые обязанности, начинающий писатель сумел помочь многим бывшим партизанам, которым грозил суд — по законам того времени — и отправка в советские лагеря за пребывание в немецком плену.

В 1947 году К. Воробьев демобилизовался и переехал в Вильнюс. Здесь он вновь сменил несколько профессий: трудился в снабженческих организациях, заведовал магазином, выполнял обязанности заведующего отдела литературы и искусства в газете «Советская Литва»; наконец, с середины 50-х годов приступил к профессиональному литературному труду.

Первой публикацией в Литве стал рассказ «Ленька» (1957). Потом последовало помещение нескольких рассказов

(«Гуси-лебеди», «Штырь», «Ничей сын») в газету «Советская Литва». Некоторые из новелл — «Синель», «Ермак» — выгодно отличались нестандартностью решения конфликтов и экспрессией письма. Созданные еще в 40-х годах повести «Последние хутора» и «Одним дыханием» (первая из них была опубликована в 1958 году в ленинградском журнале «Нева») были посвящены коллективизации литовской деревни, но тема эта освещалась еще в достаточно традиционном духе. Тогда же в Литве выходят сборники воробьевских рассказов — «Подснежник» (1956) и «Седой тополь» (1958), после которых окончательно определился переход их автора к постоянной творческой деятельности.

Рубеж 50-х и 60-х годов был ознаменован в творчестве К. Воробьева переходом к двум новым темам: социально-исторической, в которой он осмысляет голодные двадцатые и тридцатые годы, и этико-биографической, где прослеживается становление мальчика-сироты, закалка его характера и формирование нравственного облика. Обе эти условно разделяемые темы сплетаются в повести «Сказание о моем ровеснике», написанной в 1960-м, но опубликованной в 1963-м году под новым названием — «Алексей, сын Алексея». В этом произведении автор переносит нас в обстановку гражданской войны, которая бурно протекает в стране, но второй ход обходит стороной большое и богатое курское село Шелковку. Автор воспроизводит быт семейства Петра Ястребова, его младшего сына Алексея и детство маленького Алеши Ястребова (позже читатель встретится с этим персонажем в повести «Убиты под Москвой», где он предстанет в облике лейтенанта Алексея Ястребова). Этому Алеше идет восьмой месяц, он совсем недавно появился на свет в совершенно необычных обстоятельствах — в пулеметной тачанке, когда тут же погибают его родители и ребенка передают деду Матвею, который, будучи совсем чужим,

одаривает малыша вниманием, человечностью и добром. И оттого «как сосунок-жеребенок не отстают ни на шаг от своей матки, так и Алешка-матросенок ни на минуту не отбивался от Матвея Егоровича». Вырастая и формируясь нравственно, ребенок приобретает открытость добру и красоте, чувство справедливости и личного достоинства, обостренную впечатлительность, готовность и способность к состраданию по отношению к другим, нуждающимся в нем. Прослеживая становление в особых, экстремальных условиях своего современника, автор «Сказания...» осмысляет одновременно свой собственный путь, истоки и вехи созревания собственного характера. Однако писатель идет при этом к широкому обобщению. Повестью о том, как впечатления бытия тесно вместились в Алешкином сердце, автор прояснял для читателя, как у его современника формируется то, «что люди извечно называют любовью к Родине».

В 1962 году К. Воробьев возвращается к теме войны, так остро и небывало прошедшей через его биографию. Он создает повесть «Крик», которую публикует в журнале «Нева» (№ 7). В основании повести отложились опыт, наблюдения и сокровенные переживания автора как участника сражений под Москвой. Здесь запечатлелась финальная часть, своеобразный исход его подмосковной эпопеи. Батальон, направленный на фронт в район Волоколамска, и входящий в него взвод, которым командует лейтенант Воронов (еще один автобиографический герой К. Воробьева), следуют пешком от Мытищ, роя на каждом привале уже порядком поднадоевшие, а главное — истомившие людей — окопы. Повествование ведется от лица младшего лейтенанта Сергея Воронова, еще не привыкшего к ношению в своих петлицах по одному кубарю. В течение нескольких трудных, утомительных и напряженных дней герой и одновременно рассказчик повести

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

переживает чрезвычайно много: жестокость и ужас войны, горячую любовь к сельской девушке Маринке, ее редкостную красоту, преданность своего старшего сержанта Васюкова, симпатию к своему командиру роты капитану Мишенину, отвращение к подлому стукачу Крылову, неудачную разведку боем в занятое немцами село Немирово, смерть бойцов, проявление трусости некоторыми из них, тяжелое ранение в спину, гибель своей возлюбленной, ставшей невестой, немецкий плен, отправку в концентрационный лагерь, созданный фашистами в Ржеве, чувство собственной беспомощности.

Из многочисленных эпизодов, переданных в этой повести, особенно памятными остаются история юношеского увлечения младшего лейтенанта необычной девушкой, которая носит такую же фамилию, как и он, празднует свой день рождения в тот же день, что и этот молоденький командир, наделена таким же высоким ростом, как и он. Эта похожесть, эта редкостная идентичность призвана дополнительно скрепить их союз, усилить их взаимное увлечение друг другом, и рассказ об этой первой любви, выпавшей на долю случайно встретившихся на дорогах войны молодых людей, обнаруживает, насколько чужда эта навязанная нашим людям война проявлению жизни, любви, очарованию, восторженности, наслаждению прекрасным. Писатель словно решительно отодвигает зрелище людских мучений, крови и несвободы от этого счастливого озарения, раскованности и молодого цветения жизни. Но подлая и гибельная война берет свое, приближается к людям и наступает всей своей мощью, чтобы раздавить это счастье, и девушка погибает на глазах ее жениха «в сизом кусте взрыва» одной из мин.

Трудно забыть и неповторимый, пластично переданный характер Васюкова, и нрав коротконового майора

Калача, удачно названного «бубликом», и человека большой нравственной высоты — младшего лейтенанта Воронова, иногда по-детски любующегося своим единственным кубарем, но совершенно по-взрослому выполняющего обязанности командира взвода, ведущего своих ребят в разведку и со знанием воинского долга докладывающего в болезненном бреде своему капитану о выполнении боевого задания. Наконец, трудно стереть из памяти страшный образ лагерной пленницы, состоящей из обледенелых голов и скрюченных рук оголенных мертвецов, образ, перекликающийся с верещагинским «Апофеозом войны».

В следующем, 1963 году писатель публикует в «Новом мире» чуть раньше написанную повесть «Убиты под Москвой», одно из наиболее мужественных и художественно сильных своих произведений. Оно повествует о жестоких боях под Москвой суровой осенью 1941 года. Повесть рассказывает об учебной роте кремлевских курсантов, направленных на фронт, на его самый ответственный участок. Они идут уже вторые сутки, обходя притаившиеся в подмосковных полях селения и минуя разбитые, покореженные дороги. Бодрым, стройным, но неопытным курсантам фронт рисуется «зримым и величественным сооружением из железобетона, огня и человеческой плоти». Скоро он предстанет перед ними отнюдь не таким величественным и романтичным, а кромешным, хаотичным, кровавым и во многом неожиданно прозаичным. Курсантская рота вливается в пехотный полк, сформированный из московских ополченцев, полк, подразделения которого оказались разбросанными на невероятно широком пространстве и весьма слабо оснащенными вооружением. Так что наличие у стройных молодых винтовок, гранат и бутылок с бензином показалось подполковнику, встретившему их, подлинным чудом.

Командир курсантского взвода Алексей Ястребов (еще один автобиографический герой К. Воробьева), к судьбе которого приковано пристальное внимание писателя, еще неопытен, наивен и прекрасен. Война, увиденная в реальности, совсем не соответствует тем представлениям о ней, которые сложились у Алексея в довоенное время. «В его душе не находилось места, куда улеглась бы невероятная явь войны». Но эта явь надвигается на него со всею своею неумолимостью и очевидностью. Ястребов подавлен своей незащищенностью перед мощной танковой атакой противника, перед шквалом огня, непрерывностью минометного обстрела и бомбовых ударов. Сам он многократно рискует быть раненым или убитым. Ему приходится хоронить своих товарищей, быть свидетелем гибели друзей, а потом и целой роты кремлевских курсантов, с которыми принимал участие в дерзкой атаке на село, занятое оккупантами. На его глазах любимый командир решается на самоубийство и трагически гибнет вслед за своими подчиненными. Алексей испытывает сильнейшее душевное потрясение, но не опускает рук. В рукопашной схватке он убивает своего первого противника, выдерживает в лесу бомбовый ад, поджигает бутылкой со смесью вражеский танк.

Герой повести переживает сложную эволюцию: он расстается с романтическими представлениями о войне, с навязанными ему мифами о нашем довоенном превосходстве Красной Армии, с идеологическими штампами и легендами. Ястребов приобретает необходимый опыт бойца и командира, закалку, позволившую ему продолжить мужественную борьбу в условиях новых испытаний. Писатель Евгений Носов, предваряя своей вступительной статьей собрание сочинений К. Воробьева, пишет: «Повесть эта... поразила меня, как и все его следующие произведения,

остротой и дерзкой смелостью письма, обнаженным душевным драматизмом, от которого буквально холодеет сердце, каким-то особенным крутым замесом сюжета, человеческих судеб и характеров, своеобразием самой техники раскованного энергичного мазка» [3].

Обнаженность правды о войне, натурализм письма К. Воробьева, отказ его от громких фраз и лозунгов, художественная экспрессия и дерзость языка — все это вызвало активное неприятие повести со стороны официальной критики. Для нее неприемлемы были искренность автора в изображении ужасов войны и отказ писателя от требуемой героизации [4]. Но народ принял эту повесть и другие произведения К. Воробьева. И. Золотусский назвал этого писателя «символом чести».

В последующие годы К. Воробьев продолжает осваивать различные эпические жанры: рассказы (им написано более тридцати рассказов), очерки, повести (писателем создано 10 повестей). Он нередко возвращается к «деревенской прозе», и в повести «Почем в Ракитном радости?» (1964) воспроизводит две сюжетные линии: одна рисует селькора, который в 30-е годы доносит на своего дядю, ломая тому жизнь. Нетрудно увидеть в этой истории своеобразный вариант мнимого «подвига» Павлика Морозова. Позже этот «герой» тяжело переживает свою вину за случившееся, но в годы войны он оказывается военнопленным и в соответствии с законами сталинского времени попадает в советский лагерь. Другая сюжетная линия прослеживает судьбу дяди, который как вредитель тоже оказывается в советском Гулаге. Неисповедимые судьбы сводят персонажей и уравнивают их. Оба они — по воле писателя — обречены на страдания, которые очищают их. Об этом напряженно размышляет писатель Кузьма Останков, alter ego автора повести.

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

К «деревенской» теме Воробьев обращается в повести «Мой друг Момич» (1965), позже, в 1967 году, опубликованной под названием «Тетка Егориха». Это произведение рисует страшные акты раскулачивания на селе, голодные годы, трудное детство ребенка (на этот раз Санька-сироты), процессы гибели русской деревни, и рассказывает обо всем этом писатель, как всегда, по-настоящему правдиво. В полном объеме эту повесть под прежним названием — «Друг мой Момич» — издадут уже после смерти писателя.

Крупным произведением Константина Воробьева станет последняя его повесть «...И всему роду твоему». В нем повествуется о Сыромукове, герое, во многом родственном самому автору. Он приезжает в кисловодский санаторий, встречается здесь с различными людьми, делится воспоминаниями о войне и былом прошлом, столь значительном для Воробьева. Сыромуков тяжело болен, подводит итоги своей нелегкой жизни (не случайно второй корень его значащей фамилии напоминает о муках). Дома, в Прибалтике, остался его сын Денис, и герой повести много думает о нем, о его настоящем и будущем. Его высказывания в беседах и монологах можно рассматривать как духовное завещание сыну, но одновременно и всем, кто будет жить после его ухода из этого мира. «Сыромуков хотел, — читает мы в повести, — чтобы в Денисе ужились такие разнородные достоинства, как независимость и чуткость, убежденность и склонность к сомнениям, упорство и нежность, правдивость и деликатность,

непримиримость и милосердие». Такие достоинства присущи во многом самому Сыромукову и другим любимым персонажам К. Воробьева. Герой характеризуемой повести прожил такую насыщенную жизнь, передумал о столь многом, что имеет моральное право оставлять такое завещание, обращенное и к сыну, и ко многим другим своим современникам. Повесть эта осталась незавершенной, работу над нею прервала смерть писателя. Но, по словам критика И. Дедкова, эта книга должна была стать синтезом всего ранее созданного Воробьевым и открыть читателям нового автора [5].

В последние годы К. Воробьев много болел. Умер он 2 марта 1975 года в Вильнюсе, но прах его был перезахоронен на его родной земле — в Курске.

Русский поэт Юрий Кобрин, чья жизнь тоже оказалась связанной с Вильнюсом, посвятил Константину Воробьеву свои стихи. В них передается монолог умирающего писателя, в котором звучат такие его слова:

...Плыл
неяркий неровный свет,
от себя
был уже я далек,
курский пел
в Литве соловей,
за спиной
оставался порог...

Завершается стихотворение «Константин Воробьев» строками, сформулированными его автором:

... ты ушел,
как уходит народ,
вместе с ним
сделал все, что мог [6].

Л и т е р а т у р а

1. Бондарев Ю. Взгляд в биографию. М.: Сов.Россия, 1971. — С. 181-182.
2. Кондратьев В. Кругами ада // Литер.газета. — 1986. — 10 декабря.
3. Носов Е. Вступ.статья // Воробьев К. Собр.соч.: В 3-х т. — М., 1991. — Т.1 — С.5
4. Роговер Е. Четыре повести о народном подвиге // Павшие и живые: Фронтовая проза. — СПб: «Искусство — СПб», 2005. — С.4.
5. Дедков И. «...До конца дней своих» // «Наш современник», 1977. — № 6.
6. Кобрин Юрий. В споре вечном. Стихи. — Вильнюс, 1982. — С. 22-24.

Аленко Игорь Григорьевич

(г. Сосновый Бор)

ЯНВАРЬ 1944

11 ЯНВАРЯ

ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

С 7.45 до 7.50 береговые батареи № 111 и 112 (обе 152-мм) Кронштадтского сектора береговой обороны, содействуя разведгруппе 23-й армии, 14 снарядами рассеяли до роты пехоты противника в районе нас. пункта Куоккала.

В результате штормовой погоды на Финском заливе находилось большое количество плавающих мин, в связи с этим Трибуц приказал командующему Кронштадтским МОР Левченко сократить до минимума переходы кораблей и катеров Островной базы.

В полдень на ледовой трассе Горская — Кронштадт было открыто пешеходное движение, а с 15.00 по этой трассе начались перевозки фронтных грузов.

В 16.00 4 б тц, 5 тц, сетевой заградитель и 2 буксира с баржами вышли из Кронштадта для продолжения оперативных перевозок на линии Лисий Нос — Ораниенбаум и в 17.52 прибыли на Лисий Нос.

НШ береговой обороны в 23.30 доложил Трибуцу, что таблица огня на предстоящую совместную с войсками Ленфронта операцию составлена, согласована с командующим артиллерией 2-й ударной армии и в ночь на 12 января будет вручена комендантам Ижорского и Кронштадтского укрепленных секторов для доведения плановой таблицы до командиров батарей.

12 ЯНВАРЯ. ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

В ночь на 12 января 4 б тц, 5 тц, сетевой заградитель и 3 буксира с баржами в сопровождении ледокола продолжали оперативные перевозки Ленинградского фронта на трассе Лисий Нос — Ораниенбаум. Перевозки происходили в условиях тяжелого торосистого льда. После разгрузки в Ораниенбауме все корабли (кроме тральщика с баржей, оставшихся у Лисьего Носа) в 7.20 возвратились в Кронштадт. За ночь было перевезено в Ораниенбаум 16 танков, 15 автомашин, 1000 т боезапаса.

Четыре самолёта Як-7 (13 иап), два Як-9 и один Пе-2 (15 рап) с 11 до 15.15 парами и поодиночке летали на разведку в восточной части Финского залива и обнаружили 2 сторожевых катера в 1 миле севернее Гогланда и грузовую баржу у острова Соммерс.

Десять самолётов Як-9 (21 иап) с 11.00 до 15.00 двумя группами прикрывали перелёт транспортного самолёта Ли-2 с аэродрома Гражданка на аэродром Борки и обратно.

Днём два Як-9 (21 иап) летали на разведку погоды в районе совхоза «Беззаботный». В 12.28 три самолёта Пе-2 (73 бап) под прикрытием четырёх Як-9 (21 иап) вылетели для удара по артиллерийской группировке противника в этом районе. Два Пе-2 из-за непогоды возвратились, избавились от бомб, произведя учебное бомбометание по щиту на полигоне и в 13.35 сели на своём аэродроме. Третий Пе-2 на взлёте потерпел катастрофу, самолёт разбит, экипаж погиб.

Самолёт Ю-88 в 14.33 в течение одной минуты с высоты 3 900 м производил разведку районе пос. Гора Валдай

В течение дня противник выпустил из района Стрельны по 26 снарядов по Лисьему Носу и по НП на северной оконечности дамбы Морского канала; из района дер. Кузнецы 40 снарядов – по Ораниенбауму и 10 снарядов – по ледовой дороге Кронштадт – Горская.

4 бтц, 5 тц, сетевой заградитель, 4 буксира с баржами и ледокол в 16.00 вышли из Кронштадта для продолжения оперативных перевозок на линии Лисий Нос – Ораниенбаум.

Ж.д. батареи № 1109, 1110 и 1116 с 18.00 до 21.00 вели огонь по батареям противника в районах совхоза «Беззаботный» и Горбунки, а батарея № 1110 обстреляла вражескую автоколонну в районе Пигелево.

К 21.10 ВВС флота развернули командные пункты: 8-й мтад – в Лесотехнической академии, 9-й шад – в Борках, 1-й гвардейской иад – в Кронштадте. Выносной пункт управления (ВПУ) командующего ВВС флота развернут при штабе 2-й ударной армии в нас. пункте Горки.

13 ЯНВАРЯ. БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ И ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

Четыре самолёта Як-9 (15 рап) с 10 до 13.15 летали парами на разведку западной части Финского залива и ВМБ Хельсинки. Самолёты обнаружили в 10.42 в Хельсинки – 2 ТР по 2000 т, миноносец, буксир и 2 ска, на участке шхер от Хельсинки до Ханко 3 ТР, шедших на запад строем кильватера; в 10.56 на рейде Хельсинки – 1 ТР в 5000 т на якоре.

Самолёт Ил-4 в 21.17 вылетел для постановки мин в районе Таллинна и для разведки погоды. Во время возвращения самолёта ленинградский аэроузел и все аэродромы авиации Ленинградского фронта на Карельском перешейке были закрыты туманом. Командиру самолёта было приказано сесть на аэродроме Бычье Поле. Однако лётчик, подтвердив получение приказа, пытался сделать посадку на своём аэродроме и в 23.58. потерпел аварию. Экипаж погиб, самолёт сгорел. Место фактической постановки двух мин типа АМД-500 осталось неизвестным.

Восточная часть Финского залива.

Противник в полночь безрезультатно обстрелял 105-мм снарядами Ораниенбаум. Одна 130-мм ж.д. батарея Ижорского сектора открыла ответный огонь, и обстрел Ораниенбаума прекратился.

4 бтц, 5 тц, сетевой заградитель, 4 буксира с баржами и ледокол продолжали оперативные перевозки с Лисьего Носа в Ораниенбаум и доставили 230 бойцов, 10 танков, 25 автомашин и 1000 т боеприпасов.

По ледовой трассе Горская – Кронштадт – Малая Ижора движение частей Ленфронта шло пешим порядком.

БМО-181 Островной ВМБ в 1.30 прибыл с почтой с Сескра в бухту Батарейную в 16.00 вышел обратно, с 17.08 связь с катером была потеряна, и на Сескар он не прибыл.

Головные части, вышедшие накануне из Горской, к 2.00 миновали Кронштадт и продолжали переход до Малой Ижоры. Примерно в то же время 600 бойцов 260 обмп (отдельной бригады морской пехоты), вышедшие накануне из Кронштадта, прибыли в Малую Ижору.

Командир группы артиллерии флота Грен доложил НШ флота Петрову о готовности материальной части к бою, а также о том, что все командиры дивизионов и батарей свои задачи в операции знают, связь с корректировщиками и НП надёжная, но боевой приказ на операцию ещё не получен. В донесении указывалось, что пристрелка реперов будет закончена днём 13 января.

В 12.50 самолёт Ю-88 пролетел над Невской губой и скрылся в направлении Сескара. С 13.28. этот же самолёт производил разведку в районе Островной ВМБ. В зону досягаемости артиллерии ПВО островов Сескар и Лавенсари разведчик не заходил; он прошёл южнее и ушёл на юго-запад, избежав встречи с вылетающей на перехват парой Як-7 (13 иап).

10 самолётов Як-9 (21 иап), четыре Як-7 (13 иап), четыре Ла-5 (4 иап) группами прикрывали перелёт самолётов Ли-2 с аэродромов Гражданка и Бычье Поле на аэродром Борки и обратно. На борту одного из Ли-2 находился командующий флотом.

СТРУКТУРА АРТИЛЛЕРИИ КБФ, ПРИВЛЕЧЁННОЙ К УЧАСТИЮ В ПРОРЫВЕ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

На красносельском направлении перед 42-й армией на фронте 34 км (от Урицка до Путролово) противник имел 126-ю, 170-ю и 215-ю пехотные дивизии.

Далее перед фронтом 67-й армии, на участке Путролово – Гонтовая Липка, немцы имели 11, 24 и 225-ю пехотные дивизии, а на красносельском направлении две дивизии находятся в резерве.

Противник, действуя из района Стрельна – Петергоф, обстрелял 17 снарядами Ленинский район и Торговый порт Ленинграда, 19 снарядами – дамбу Морского канала и 7 снарядами – Лисий Нос.

Артиллерия флота на период операций войск Ленфронта по снятию блокады Ленинграда была сведена в 4 группы. В состав первой вошла артиллерия КУС и ИУС и кораблей КМОР.

Командующий артиллерией Ленфронта в 21.15 сообщил Трибуцу, что для 2-й ударной армии осталось перевезти 2200 т боезапаса. Учитывая, что по льду за сутки можно перевезти всего 50 тонн, необходимо перевозить баржами 800 т в сутки, и просил дать указания командующему КМОР обеспечить эти перевозки тоннажем, разрешить производить погрузку не только ночью, но и днём и выделить команду для задымления пристани Лисий Нос.

14 ЯНВАРЯ. ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

Войска Ленфронта после подготовки, начатой в середине ноября 1943 г., утром 14 января перешли в наступление, чтобы окончательно снять блокаду Ленинграда. К началу операции перед войсками

фронта (2-й ударной, 42-й и 67-й армиями) располагались войска левого крыла 18-й немецкой армии в составе 12 дивизий с частями усиления. Непосредственно на приморском направлении перед 2-й ударной армией на фронте до 75 км – от Керново до Петергофа оборонялись пехотная дивизии СС «Полицай», моторизованная дивизия СС «Нордланд», 9-я и 10-я авиаполевые дивизии противника. На красносельском направлении перед 42-й армией на фронте 34 км (от Урицка до Путролово) противник имел три пехотных дивизии (126, 170 и 215 пд). Перед фронтом 67-й армии (от Путролово до Гонтовой Липки) ей противостояли 11, 24 и 225-я пд, две резервные находились на красносельском направлении.

Войска Ленинградского фронта (на фронте общей протяжённостью 160 км) имели к началу наступления три армии в составе пяти стрелковых корпусов (26 дивизий), трёх стрелковых бригад, частей укрепленных районов и частей усиления. Таким образом, Ленинградский фронт в труднейших условиях блокады смог создать превосходство в силах. Превосходство наших сил на всем фронте на 14 января было в нашу пользу и выражаюсь следующими цифрами:

- в дивизиях 1:2,
- в людях 1:3;
- в орудиях 1:2,6;
- в зенитных орудиях 1:3,4
- по минометам 1: 4;
- в танках 1:6;
- по самолётам 1:5.

На направлении главных ударов наших войск было создано ещё более высокое превосходство и по живой силе, и по артиллерии: оно было более чем четырёхкратное.

Ударом 2-й ударной армии в юго-восточном направлении с Приморского плацдарма на Гостилицы, и ударом 42-й армии в юго-западном направлении на Красное Село окружить соединения стрелнинской группировки противника и затем обеими армиями развивать удар в направлении Волоново – Гатчина

2. Авиации флота:

а) содействовать войскам 2-й ударной армии при прорыве оборонительной полосы противника и захвате опорных пунктов Красное воспретить маневр живой силы и техники противника;

в) подавлять артиллерийские батареи противника на левом крыле армии, не допуская их огневого воздействия по ударной группировке наших войск;

г) огневыми ударами по артиллерийской группировке противника в районе населенного пункта Владимирово не допускать обстрела Ленинграда;

д) отражать возможные атаки противника в направлениях Ораниенбаум, Туюзи, Красное Село и Ропша.

Для содействия наступательным операциям 2-й ударной армии в направлении на Гостилицы, Ропшу, Кипень и 42-й армии в направлении на Красное Село артиллерия и авиация флота к 14 января были готовы решать возложенные на них планом операции следующие задачи:

Перед фронтом 2-й ударной армии:

1. Артиллерии в составе 1-й группы артиллерии флота (всего 84 орудия от 100 до 305-мм), командир группы – начальник отдела БО Кронштадтского МОР

а) нейтрализовать работу командно-наблюдательных постов (КНП), штабов и узлов связи противника в районах нас. п. Гостилицы, Дятлицы, Ропша;

б) огневыми ударами по узлам дорог в районах Дятлицы и Ропша обеспечивать продвижение пехоты с танками в глубине оборонительной полосы противника;

в) действовать по заявкам войскового командования по подавлению артиллерийских и миномётных батарей и опорных пунктов противника, препятствующих развитию наступления;

г) прикрывать войска и танки от налётов авиации противника.

Перед фронтом 42-й армии:

1. Артиллерии в составе 2, 3 и 4 групп артиллерии флота (всего 70 орудий от 130 до 406 мм):

а) 2-й группе артиллерии флота (командир группы – командующий эскадрой) во взаимодействии с артиллерией 4-й группы:

– разрушать КНП и опорные пункты противника в районах Финское Койрово, Большое Виттолово, Слобода Павловская, Воронья гора и Дудергофская гора;

– нейтрализовать работу штабов, тылов, узлов связи и КП противника в районе Киргоф, Красное Село, Пиккола, Каупилово, Ивановка и Ханнолово;

– огневыми ударами по узлам дорог в районах Красного Село, Дудергофа, Тайцев, Ропша, Новых Виллозей и Константиновки парализовать коммуникации противника в глубине его обороны;

б) 3-й группе артиллерии флота (командир группы – командир 1-го дивизиона эскадренных миноносцев) во взаимодействии с артиллерией 4-й группы:

– нейтрализовать работу штабов, тылов и узлов связи противника в районах Пушкин, София, Павловск, Федоровский городок;

– огневыми ударами по узлу дорог в районе города Пушкин воспретить подход резервов живой силы и техники врага к левому флангу 42-й армии;

в) 4-й группе артиллерии флота (командир группы – начальник НИ-МАП) во взаимодействии с артиллерией 2-й и 3-й групп: – разрушить КНП противника в районах Александровка, Малые Кобози и восточнее Павловской Слободы – парализовать узел дорог в районе Красное Село.

– 101-й мбжда в составе 43 орудий (от 130 до 356мм), приданной командиру 3-го Ленинградского контрбатарейного артиллерийского корпуса, выполнять следующие задачи:

в) подавлять дальнобойную артиллерию противника в районах совхоза «Беззаботный», Настолово и ж.д. транспортеры в районах Красного Села, Гатчина, станций Владимирская, Тайцы и Новолисино;

б) воспретить движение противника по дорогам Ропша – Красное Село – пос. Володарский, Гатчина – Пушкин, Пушкин – Покровская.

СХЕМА ДЕЙСТВИЯ АРТИЛЛЕРИИ КБФ
10-24 ЯНВАРЯ 1944 г.

Для обеспечения ледовых трасс Ленинград – Кронштадт – Ораниенбаум – Лисий Нос начальнику береговой обороны флота Грену разрешено вызывать огонь 1-й группы артиллерии и 101-й мбжда.

3 бтц, 2 тц и 2 буксира, шедшие накануне вечером из Лисьего Носа, с трудом пробивались в тяжёлом льду. Прикрываясь дымовыми завесами и туманом, они к 9.45 прибыли в Кронштадт. Корабли доставили в Ораниенбаум 50 бойцов, 12 танков, 20 автомашин, 100 т боезапаса.

Противник обстрелял 17 снарядами районы Лисьего Носа, Горской и семью снарядами – Ораниенбаум. Потерь в личном составе не было.

Командир 1-й группы артиллерии флота в 2.00 получил от командующего артиллерией 2-й ударной армии генерал-майора Чернявского время «ч» (начало атаки) 10 часов 40 минут.

Днем 14 января артиллерия и авиация флота содействовали наступлению войск 2-й ударной армии, наносившей удар на гостилицком направлении.

Выполняя план артиллерийского обеспечения боя 2-й ударной армии 1-я группа артиллерии флота в 9.35 начала (вместе с артиллерией фронта) артиллерийскую подготовку, которая продолжалась от 65 до 75 минут,

В первые 5 минут армейская артиллерия нанесла мощный удар всеми огневыми средствами по траншеям, живой силе и узлам связи противника; артиллерия 1-й группы – по вражеским штабам в районах Гостилиц, Дятлиц и по тылам в районе Ропши. Затем артиллерия фронта перешла к методическому разрушению траншей и укреплений противника и подавлению его системы огня во всей тактической глубине. Артиллерия флота приступила к подавлению артиллерийских группировок противника на петергофском участке, расходуя от 40 до 70 снарядов на каждую цель.

Одновременно с началом артподготовки часть батарей Ижорского сектора, не участвовавшая в артиллерийской подготовке, по указанию командующего артиллерией 2-й ударной армии открыла огонь по районам Копорья, Керно и Глобиц. Корабли, входившие в состав 1-й группы артиллерии флота, действовали по целям, способным проявить свою активность после артиллерийской подготовки. В результате мощного удара основные артиллерийские и миномётные группы противника были подавлены, управление войсками было на длительное время нарушено, противник понёс ощутимые потери в живой силе и в технике.

В 10.40 войска ударной группы армии, поддерживаемые танками, пошли в атаку. Артиллерия флота ещё более усилила (в течение 10 минут) удар по отведенным ей группировкам артиллерии противника с целью воспрепятствовать их огневое воздействие по наступавшим войскам 2-й ударной армии, лишить врага возможности манёвра живой силой и техникой.

За период артиллерийской подготовки с 9.35 до 10.50 артиллерия 1-й группы 16 раз открывала огонь по батареям противника в районах Порзолово, Владимирово, Кузнецы, Поэзия, Большой Симоногонт, Сашино и 11 раз – по нас. п. Копорье, Керново, Петергоф, Глобицы, Лисино, израсходовав при этом 1 670 снарядов

Капитан Людвиг Гронбель (командир 11-й батареи 10-го артполка 10-й авиаполевой дивизии, взятый в плен 14 января южнее деревни Жеребятки,

показал: «В 14.01 русские открыли сильный огонь. Моя батарея тоже начала вести огонь. Через некоторое время я почувствовал, что с 3-м батальоном 19-го полка, который стоял впереди батареи в Жеребятках, творится что-то неладное. Я решил выяснить обстановку и с тремя бойцами вышел влево от батареи. Здесь я попал в плен. Русский огонь был исключительно мощным и точным. Я думаю, что 3-й батальон 19-го полка 10-й авиационной дивизии полностью уничтожен».

Авиация флота, несмотря на исключительно сложные метеословия (густая облачность высота 40 - 200 м, туман, дымка, видимость 100 - 500 м), выполняли план авиационного обеспечения наступления 2-й ударной армии.

С 10.20 до 16.47 40 самолётов Ил-2 (7 и 35 шап) поодиночке, парами и четвёрками (всего 65 с\вылетов) наносили бомбо-штурмовые удары по батареям, огневым точкам, дзотам и войскам противника на поле боя и на дорогах в районе Ключки — Дятлицы — Ропша — Коровино. Было сброшено 146 бомб ФАБ-100, 96 АО-25, 144 ПТАБ-2,5, выпущено 112 РС-82 и 570 снарядов 37-мм. В результате воздействий авиации на поле боя и в тактической глубине обороны противника были уничтожены артиллерийская батарея, 4 танка, 44 автомашины и фургона, 61 повозка, 4 дзота, 1 зенитный автомат; повреждены 2 танка, подавлен огонь 7 артиллерийских и 3 зенитных батарей, 14 пулёмётных точек, взорвано 4 склада боезапаса, рассеяно и частично уничтожено до 800 человек пехоты; вызвано 3 пожара. В районах цели самолёты были обстреляны сильным зенитным огнём. Два Ил-2 (лётчики — ст. лейт. Бакулин и мл. лейт. Готов, стрелки — сержанты Гороховский и Шатров) было сбито зенитной артиллерией. 19 самолётов Ил-2 получили повреждения.

Разведку погоды, дорог и подходов к району операции вели: с 12.05 до 12.47 один Ил-2 (7 шап), с 14.35 до 15.10 — два Як-9 (15 рал), один из них (лётчик-лейт. Семдюков) был сбит огнём зенитной артиллерии.

Для продолжения воинских перевозок на трассе Лисий Нос — Ораниенбаум в 15.10 из Кронштадта в Невскую губу вышли 4 бтц, 6 тральщиков, 2 сетевых заградителя и 3 буксира баржами. Противник из района Петергоф — Александрия с 15.17 до 16.35 обстрелял корабли на переходе Кронштадт — Лисий Нос, выпустив около 305 снарядов. Наши корабли повреждений не имели; было ранено 6 человек и 1 убит.

1-я группа артиллерии флота, обеспечивая наступление 2-й ударной армии, произвела 128 стрельб и выпустила 3112 снарядов. Под огнём батарей 1-й артгруппы флота батареи противника прекращали стрельбу по нашим объектам.

Пешеходно-гужевое движение на ледовых трассах Горская — Кронштадт и Кронштадт — Малая Ижора шло беспрерывно.

В ночь на 15 января из Горской в Малую Ижору вышли два маршевых батальона численностью более 1000 человек каждый.

15 ЯНВАРЯ. ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

По ледовым трассам шло интенсивное движение подкреплений для 2-й ударной армии. Два маршевых батальона, вышедших накануне из Горской в Малую Ижору, в 3.00 прибыли в Кронштадт. После непродолжительного привала оба батальона продолжили переход.

Корабли флота в тяжёлых ледовых условиях продолжали воинские перевозки на линии Лисий Нос — Ораниенбаум. 4 бтц, 4 тц, 2 сетевых загради-

теля, 3 буксира с баржами и ледокол после разгрузки к 9.30 возвратились в Кронштадт, 2 тш и 2 баржи остались у Лисьего Носа.

Кораблями флота было доставлено в Ораниенбаум 5 танков, 34 автомашины, 600 т боезапаса. 410 бойцов.

Артиллерия и авиация флота продолжали содействовать наступлению войск Ленфронта на участке 2-й ударной армии.

Артиллерия 1-й группы наряду с содействием войскам 42-й армии продолжала наносить удары по артиллерийским батареям противника, обстреливавшим левый фланг наступавших частей 2-й ударной армии. Наибольшего напряжения контрбатареиная борьба достигла к полудню, когда по левому флангу 2-й ударной армии вели огонь одновременно до 12 немецких батарей.

В соединениях и частях авиации флота на митингах личного состава были доведены до лётчиков и наземного персонала телеграмма Военного Совета Ленфронта и командующего ВВС флота, отмечавшие отличные боевые действия штурмовой авиации флота в первый день наступления.

Воодушевленные высокой оценкой командования, части ВВС флота в условиях низкой облачности и снегопада продолжали активно содействовать наступлению 2 ударной армии.

44 самолёта Ил-2 (7 и 35 шап) с 9.00 до 16.40 парами и четвёрками с малых высот наносили удары по скоплениям пехоты, танкам, автотранспорту, артбатареям и огневым точкам в районе Заостровья, Кожериц, Дятлиц, Сокулей и Ильино. Было произведено 70 с\вылетов, расход боезапаса — 110 бомб ФАБ-100, 176 АО-25, 204 ПТАБ-2Д, 120 РС-82 и 1 473 снаряда для 37-мм авиапушек.

В результате ударов авиации флота было уничтожено 3 танка, 61 автомашина и фургон, 3 автоцистерны. 13 повозок; повреждены 3 танка, 20 автомашин, 2 дзота; взорвано 5 складов боезапаса и 2 дзота; подавлен огонь трёх артиллерийских и двух зенитных батарей. В воздушном бою, отражая атаку двух самолётов противника, воздушный стрелок самолёта Ил-2 старшина Петров (7 шап) сбил истребитель ФВ-190.

Самолёты Ил-2, действовавшие из-за низкой облачности с малых высот, в районе Заостровье — Дятлицы — Ильино были обстреляны сильным огнём зенитной артиллерии, автоматов и пулемётов и имели большие потери. Над полем боя было сбито зенитным огнём девять Ил-2 и истребителями один Ил-2. Кроме того, четыре Ил-2, подбитые зенитным огнём над полем боя, совершили вынужденные посадки на нашей территории.

Кроме того, наша авиация прикрывала войска на поле боя от налётов немецкой авиации; с 12.28 до 16.30 двенадцать Як-7 (12 иап) летали группами на патрулирование. В 13.30 на высоте 150—200 м капитан Кувшинников атаковал и сбил самолёт-корректировщик Хш-126.

НА УЧАСТКЕ 42-й АРМИИ

Выполняя общий план операции Ленинградского фронта, 42-я армия утром 15 января перешла в наступление.

Артиллерия армии и флота в 9.20 мощным ударом всеми огневыми средствами начала артподготовку. В период подготовки, длившейся 1 час. 40 мин., артиллерия армии вела прицельный огонь по траншеям, огневым точкам, дзотам, НП, узлам связи и командным пунктам немцев, простреливая всю глубину их обороны.

101-й мбжда вела стрельбу по артбатареям, узлам дорог и КНП противника в соответствии с планом огня перед фронтом 42-й армии.

В 11.00 части ударной группы 42-й армии при поддержке артиллерии и танков перешли в атаку на участке Урицк – Большое Кузьмино.

101-я мбжда вела огонь:

а) по батареям противника в районах нас. п. Горбунки, Новополие, Владимирово Настолово, совхоза «Беззаботный», Павкуля, Стрельны, пос. Володарский, пос. Ленино, Немецкая Колония, Пендолово, Новая, Зайцево, Новосёлки, Ханнолово, Александровка, Кирпузи, Соболево и Антропшино. Стрельба открывалась 136 раз, выпущено 4 130 снарядов. Батареи противника в трёх случаях были подавлены, и в десяти случаях их огонь был нейтрализован. В районе Антропшино был вызван большой пожар;

б) по вражеским опорным и командным пунктам, складам и узлам дорог проведено 49 стрельб, израсходовано 1963 снаряда: результаты стрельб остались неизвестными.

2-я группа артиллерии флота вела огонь по опорным, командным и наблюдательным пунктам, узлам дорог и складам противника в районах нас. п. Русское Койрово, Большое Виттолово, Пиккола, Киргоф, Красное Село, Малое Виттолово, Большие Тайны, Дудергоф, Воронья Гора, Ивановка, Каупилово, Константиновка, Ханнолово, Финское Койрово, пос. Володарский и Ново-Паново. Проведено 22 стрельбы. Расход – 1406 снарядов.

При стрельбах кораблей было отмечено 8 сильных взрывов и 4 пожара, из них в районе цели 3 взрыва и большой пожар (огонь вёл крейсер «Максим Горький» и 406-мм орудие НИМАП); в районе цели большой силы взрыв и пожар (огонь вёл лидер «Ленинград»); в районе батареи 4 сильных взрыва и три больших пожара (огонь вёл эскадренный миноносец «Свирепый»).

3-я группа артиллерии флота вела огонь по узлам дорог, складам, опорным пунктам, НП и КП противника в районах Пушкин, София, Павловский дворец, Федоровский городок и Александрия. Проведено 10 стрельб, расход – 1432 снаряда. При стрельбах канонерскими лодками «Ока» и «Зея» наблюдался в районе цели взрыв большой силы. Затем ещё два сильных взрыва, сопровождавшихся большими пожарами.

4-я группа артиллерии флота обстреливала батареи противника в районах Александровки и Малых Кобозей и высоты 112,0. Всего было проведено три стрельбы, израсходовано 212 снарядов; было отмечено 5 взрывов и сильные пожары в районе целей.

Боевой дух личного состава флота в дни операции был исключительно высоким. Матросы и солдаты, старшины и офицеры проявляли в боях мужество, умение и героизм.

Лётчик 13-го истребительного Краснознаменного авиаполка ст. лейт. Кириллов, выполняя боевое задание по прикрытию штурмовиков, успешно отразил атаки вражеских истребителей. Попав под сильный зенитный огонь, Кириллов был ранен в грудь и правое плечо. Превозмогая боль, успешно окончив выполнение боевого задания, Кириллов привёл самолёт на свой аэродром, отлично произвёл посадку, вырулил на нейтральную полосу, вышел из машины и потерял сознание.

Несмотря на упорное сопротивление, к исходу дня 15 января немцы были выбиты на участке фронта 42-й армии из нас. п. Кискино, Русское

Койрово, Гонгози, Венерязи, Хумалиста, Кюльмя, Ханнолово, Большое и Малое Виттолово, Рехолово, Редкое Кузьмино, Сиңда, Новые Сузи, Коккорево и Большое Кузьмино; а на участке фронта 2-й ударной армии – из нас. п. Порожки и Гостилицы.

Противник в течение дня выпустил 105 снарядов по Торговому порту, 10 – по Ольгино. Повреждений не было, было ранено 2 краснофлотца.

В ночь на 16 января войска 2-й ударной и 42-й армий, не прекращая боевых действий, подтягивали артиллерию, боезапас и тылы.

16 ЯНВАРЯ. ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

В ночь на 16 января противник производил перегруппировку артиллерии и подтягивал резервы к местам прорыва его обороны Из неустановленных районов противник обстрелял Лисий Нос, северную оконечность дамбы Морского канала снарядами и Мартышкино (пятью снарядами).

Корабли флота производили воинские перевозки на линии Лисий Нос – Ораниенбаум в тяжелых ледовых условиях. 4 бтц, 4 тц, 2 сетевых заградителя и 2 буксира с баржами после разгрузки их в Ораниенбауме в 8 часов возвратились в Кронштадт. Перевозки шли без помех со стороны противника

На ледовых трассах Горская – Кронштадт – Малая Ижора продолжалось движение маршевых частей фронта. Более 1 200 бойцов, вышедших накануне из Горской, прибыли в Кронштадт и примерно в 1.00 вышли в Малую Ижору. Днём развернулись ожесточенные наступательные бои наших войск за овладение опорными пунктами Дятлицы, Старо-Паново и Ново-Паново, Константиновка, Финское Койрово, Большой Лагерь, Малые Кобози и Александровка.

Противник спешно перебрасывал части в районы Дятлиц и Красного Села с копорского и мгинского участков фронта. В район Красного Села была переброшена 61-я пехотная дивизия и ряд подразделений других дивизий.

Немецкая артиллерия вела огонь главным образом из районов пос. Володарский, Стрельна, совхоз «Беззаботный», Владимирово, Пушкин, Слуцк и Пендолово. Вражеская артиллерийская группировка в районе Порзолово, Низино, Сашино и Большой Симоногонт не проявила активности, так как противник, по-видимому, уже приступил к эвакуации части своей артиллерии из этого района.

Войска 2-й ударной и 42-й армий после 10-минутной артиллерийской подготовки в 9 ч. 40 мин. возобновили атаку, развивая наступление в направлении Ропши и Красного Села. Одновременно с боями на главных направлениях войска Ленфронта вели упорные бои на флангах, особенно в районах Старо-Паново, Ново-Паново, Александровки (на фронте 42-й армии) и в районах Клочки, Петровская (на фронте 2-й ударной армии).

Артиллерия и авиация флота активно содействовали наступлению наших войск. В течение дня артиллерия флота вела огонь по следующим целям:

– 1-я группа – по владимирско-настоловской артиллерийской группировке противника и по батареям в районе Большой Симоногонт для обеспечения левого фланга 2-й ударной армии;

– артиллерия 2, 3 и 4-й групп – по вражеским узлам сопротивления и узлам дорог в районах Константиновка, Слобода Павловская, Малый Узингонт, Большой Лагерь, Красное Село, Тайцы, Пушкин и Слуцк;

101-я мбжда — по батареям противника в районах совхоз «Беззаботный» — Павкуля, Стрельна — пос. Володарский и по жизненным центрам врага в районе Константиновки, Слободы Павловской, Красного хутора, Аннино и Красного Села.

Всего артиллерия флота провела 212 стрельб, выпустив 3502 снаряда.

В 30% случаях (74 раза) батареи противника прекращали стрельбу.

Несмотря на сложные метеоусловия, авиация флота продолжала наносить удары по вражеским войскам и технике.

Два самолёта Ил-2 (35 шап), вылетевшие первый — в 9.43, а второй — в 14.10 на разведку погоды и сухопутных коммуникаций противника из-за плохой видимости возвратились, не выполнив задания, и произвели посадку на своем аэродроме.

После 15.00 видимость несколько улучшилась. Для разведки погоды и поля боя в 15.16 была выслана пара Ил-2 (35 шап). По докладу экипажей, вернувшихся из полета в 15.48, высота нижней кромки сплошной облачности достигала 150–200 м, а видимость — 2-3 км. Командующий авиацией флота генерал-лейт. авиации Самохин принял решение начать действия штурмовой авиации.

23 самолёта Ил-2 (35 шап и 7 шап) под прикрытием 12 истребителей Як-7 (12 иап) с 16.00 до 17 часов группами по 3, 4 и 6 самолётов с высоты 50–150 м наносили бомбо-штурмовые удары по скоплениям живой силы, техники, огневым точкам и транспорту противника в районах Дятлицы и Забородья. Было сброшено 32 ФАБ-100, 112 АО-25, 508 ПТАБ-2,5 и 51 РС-82; уничтожено 11 автомашин и 10 повозок, рассеяно и частично уничтожено до двух рот пехоты, в Забородье был вызван сильный взрыв и пожар, подавлен огонь 10 зенитных автоматов и 17 пулемётных точек противника.

В районах Дятлипы, Забородье, Коровино и Витино наши самолёты были обстреляны интенсивным зенитным огнём противника. Несколько Ил-2 имели повреждения и пулевые пробоины; один Ил-2 из-за боевых повреждений шасси произвёл посадку на своем аэродроме на фюзеляж,

В период действий штурмовой авиации на поле боя пара Ла-5 (3 иап) прикрывали перелет Ил-2 с аэродрома Сескар на аэродром Борки; два Як-9 (15 рап) с 15.40 летали на разведку поля боя, коммуникаций и войск противника в районах Дятлицы, Ропша; два Як-7 (13 иап) с 16.00 вели разведку дорог в районе Ропша, Кипень, Вороново и Гостилово.

Два самолёта Як-9 (15 рал) под прикрытием двух Ла-5 летали с аэродрома Лавенсаари на разведку по маршруту Соммерс — Кирккомаансаари — Гогланд — Кунда — башня Вигрунд. — В бухте Сууркюля обнаружен сторожевой катер

К исходу дня войска 2-й ударной армии выбили противника из нас. п. совхоз «Балтика», Вильповицы, Дятлицы, Елагтно, Жеребятки, Забородье, Ильино, Исаево-Малкуново, Ключки, Кожернпы, Копиловка, Нудино, Петровская, Заостровье; на участке 42-й армии — из Финского Койрово и из нас. п. Хамаляйне, Междухари, Талликола, Большое Катино.

Пешеходное гужевое движение на ледовой трассе Горская — Кронштадт — Малая Ижора с 14.00 временно закрыто из-за слабости ледового покрова и на отдельных участках трассы; на поверхность льда выступила вода.

3 бтц, 4 тц и 3 буксира с баржами с 16.00 до 17.40 перешли из Кронштадта на Лисий Нос для продолжения воинских перевозок Ленфронта. Переход кораблей прикрывался дымовыми завесами, поставленными стационарными дымовыми аппаратами в Кронштадте и Мартышкино, а также дымовыми очагами, созданными на льду вдоль трассы.

С наступлением темноты войска Ленинградского фронта боевых действий не прекращали. Корабли флота продолжали оперативные перевозки на линии Лисий Нос — Ораниенбаум. Бомбардировочная авиация флота наносила удары по опорным пунктам противника.

С 20.23 до полуночи 1-й гвардейский минно-торпедный авиаполк произвёл 11 одиночных вылетов (9 А-20-ж и 2 Ил-4) на бомбовые удары по опорному пункту в Ропше.

В полночь открыто пешеходное и гужевое движение на ледовой трассе Кронштадт — Малая Ижора; на участке Горская — Кронштадт движение из-за плохого состояния льда запрещено.

Противник, действуя из района Мги, обстрелял девятью снарядами железнодорожный мост и станцию Шлиссельбург. Повреждений не было.

17 ЯНВАРЯ. ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

Наступление войск Ленинградского фронта на ропшинском и красносельском направлениях продолжалось.

В ночь на 17 января противник производил перегруппировку сил и подтягивал резервы к району операции.

Противник с 1.00 до 1.43 обстреливал Торговый порт, Выборгский, Петроградский, Октябрьский и Московский районы и выпустил 4 снаряда по Ораниенбауму. Повреждений объектов флота и потерь не было.

Артиллерия и авиация флота наносили удары по батареям, прожекторам и опорным пунктам противника.

Самолёты А-20-ж и Ил-4, начавшие действовать накануне, с 0.00 до 5.20 продолжали поодиночке наносить с высоты 1 700–2000 м бомбардировочные удары (с подсвечиванием) по опорному пункту в Ропше. За этот период было произведено 21 самолётывылет А-20-ж и 1 — Ил-4 и сброшено 60 ФАБ-500, 12 ФАБ-100 и 24 САБ-100. Было отмечено до 20 прямых попаданий в опорный пункт и вызвано 15 очагов пожара.

Артиллерия 1-й группы в ночь на 17 января вела контрбатареиную борьбу и борьбу с прожекторами противника в районах нас. п. Владимирово, Мишино, Знаменка, Аннино, выпустив 115 снарядов. Немецкие батареи и прожекторы были вынуждены прекратить свою работу.

3 бтц, 5 тц и 3 буксира с баржами продолжали воинские перевозки на трассе Лисий Нос — Ораниенбаум. После разгрузки в Ораниенбауме корабли в 7.30 возвратились в Кронштадт.

Днём 17 января для всей немецкой группировки, находившейся севернее линии Ропша — Красное Село, создалась непосредственная угроза окружения. Спротивление немцев ещё более усилилось. Стремясь задержать наступление наших войск на красносельском и ропшинском направлениях, противник упорной обороной пытался обеспечить вывод своих войск и тяжёлой артиллерии из районов Петродворца и Стрельны в южном

направлении. Дополнительно к переброшенным частям своей 61-й пехотной дивизии немцы усилили свои войска на ропшинском направлении частями 21-й пехотной дивизии (из района Чудово) и различными специальными подразделениями.

Войска 2-й ударной и 42-й армий, преодолевая упорное сопротивление немцев, продолжали в течение дня наступление на своих главных направлениях.

Артиллерия и авиация флота активно содействовали наступлению войск Ленинградского фронта.

Утром артиллерия флота периодическим огнем подавляла батареи противника (цели № 951, 946, 948, 953 и 936), которые затрудняли продвижение наших наступавших войск. Корабли эскадры обстреливали опорные пункты, батареи и узлы дорог противника в районах Красное Село, Аннино, Тайцы, Вилози, Дудергоф, пос. Володарский и Пушкин. По данным коррпостов, огнём лидера «Ленинград» (5–130 мм орудий) и эсминца «Свирепый» (4 130-мм орудия) были подавлены две батареи и рассеян пехотный полк противника, отходивший из района Урицка на запад. Расход – 268 снарядов.

К 11.00 командиру 1-й группы артиллерии флота стали поступать от НП доклады о скоплениях автотранспорта и живой силы противника, отходивших по дорогам в сторону Ропши. Батареи группы открыли по ним интенсивный огонь. С 12.20 до 13.00 работал самолёт-корректировщик Ил-2 (13 раз) под прикрытием двух Ла-5 (4 иап), корректируя огонь линейного корабля «Петропавловск» 9–305 мм орудий (до 31 мая 1943 г. назывался – «Маратом»), по немецкий узлам дорог в районе Ропши и Русско-Высоцкого, где находились скопления вражеских войсковых колонн.

Первый залп линейного корабля лёг с недолётом 300 м. Последующие залпы накрывали цель. В 16.00 «Петропавловск» произвёл второй огневой налёт, а с 19.30 вёл методический огонь по узлам дорог в тех же районах.

В результате действий артиллерии флота были рассеяны 4 автоколонны, 2 группы танков и скопление пехоты, подавлен огонь 14 батарей, вызвано много взрывов и очагов пожаров.

Авиация флота продолжала содействовать наступлению войск 2-й ударной армии.

40 самолётов Ил-2 7-го и 35-го шап под прикрытием 33 Як-7 (22–12 иап и 11–13 иап) с 9.00 до 16.22, летая парами, четвёрками и шестёрками, ударами по артиллерийским, миномётным батареям и огневым точкам противника, сопровождали танки и наносили удары по войскам, танкам, автомашинам и повозкам врага в нас. п. Глядино и Забородье, Ропше, Кипени и на дорогах Ропша – Кипень – Бегуницы. Штурмовики сделали 82 с\вылета и 51 – истребители сопровождения. Часть истребителей сопровождения наносила штурмовые удары по автомашинам и войскам противника.

В результате действий штурмовиков и истребителей сопровождения было рассеяно в частично уничтожено до четырёх рот пехоты, уничтожено 3 танка, 53 автомашины с войсками и боезапасом, 40 повозок, 4 артиллерийских орудия; повреждено 4 танка, 48 автомашин, 5 вагонов, подавлен огонь двух артиллерийских и зенитной батареи, взорван склад боезапаса.

Ночью семь самолётов А-20-ж вылетели для удара по КП немецкой пехотной дивизии в Ропше. Шесть самолётов с тремя бомбами ФАБ-500 каждый и седьмой — осветитель, с бомбами САБ-100. Осветитель (самолёт Колесника) сбрасывал по две бомбы с интервалом три минуты. Очередной бомбардировщик заходил на цель и сбрасывал бомбы с высоты 2000 м. Группа, выполнив 33 с\вылета, до основания разрушила командный пункт и вместе с ним более 30 офицеров, что полностью парализовало управление войсками дивизии.

Самолёты Ил-2 в районах Гладино, Хабози, Ропша и Кипень были обстреляны сильным зенитным огнём. Один Ил-2 (35 шап) при атаке вражеских войск на дороге Кипень — Бегуницы загорелся. Лётчик Иржак направил горящий самолёт на скопление техники и живой силы противника. Взрывом огромной силы было уничтожено большое количество техники и живой силы врага. Капитан Иржак и воздушный стрелок краснофлотец Жданов погибли смертью героев.

С 13.18 до 14.36 19 Пе-2 (73 бап) под прикрытием десяти Як-9 (21 иап) группами по 7–12 самолётов летали на бомбардировку войск и техники противника в Ропше. С пикирования было сброшено 2 ФАБ-500 и 53 ФАБ-250. Разрывы бомб экипажи наблюдали в южной части Ропши на перекрестке шоссе дорог. Было отмечено 2 прямых попадания бомб в расположение командного пункта дивизии противника, Результаты ударов сфотографированы. Из районов Ропши и Кипени наши самолёты были обстреляны сильным зенитным огнём. Два Пе-2 получили по 2–8 осколочных пробоин.

Вторая группа бомбардировщиков в составе девяти Пе-2 под прикрытием шести Як-9 (21 иап) в 13.40 бомбила войска и технику противника в Ропше. Удар наносился из-под кромки облачности с горизонтального полёта с высоты 1700 м. Самолёты сбросили 21 ФАБ-250. Над целью Пе-2 были обстреляны интенсивным зенитным огнём. Один из Пе-2 был повреждён и совершил вынужденную посадку на фюзеляж на аэродроме Борки. Кроме того, в течение дня летали три Як-9 (15 рап) на разведку войск и дорог противника в районе Ропша — Красное Село — Волосово; самолёты Як-7 (12 и 13 иакп) произвели 17 с\вылетов на разведку поля боя. Шесть Ла-5 (4 иап) безрезультатно летали на «свободную охоту» в район Ропша — Красное Село и четыре Ла-5 — на перехват вражеского корректировщика Хш-126. Два Як-9 (21 иап) и два Як-7 (13 иап) прикрывали перелёт самолёта Ли-2 с аэродрома Гражданка на аэродром Борки и обратно.

18 ЯНВАРЯ. ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

Наступление войск Ленфронта на ропшинском и красносельском направлениях продолжалось.

В ночь на 18 января противник, опасаясь окружения, продолжил обеспечивать вывод своих войск и техники из районов Петергофа и Стрельны в южном направлении. Его батареи обстреляли двенадцатью снарядами Ораниенбаум, десятью — дамбу Морского канала и тремя снарядами — Мартышкино. Повреждений и потерь не было.

Шесть самолётов А-20-ж и один Ил-4 ночью поодиночке летали на бомбардировку ж.д. станции Волосово. Самолёт Ил-4 в одиночку бомбардиро-

вали станцию Веймарн, результат неизвестен. Один А-20-ж возвратился из-за неисправности двигателя. Три остальных из-за ухудшения погоды до цели 10 над целью сбросили 12 САБ-100, два А-20-ж в 2.45 с высоты 2000 м не дошли. Два из них, с высоты 1 800 м сбросили бомбы по опорному пункту Кипень; третий нанес удар двумя ФАБ-500 по опорному пункту Ропша.

Артиллерия 1-й группы в ночь на 18 января вела контрбатареиную борьбу с батареями в районах нас.п. Кузнецы и Сашино и обстреливала скопления живой силы и техники на дороге Ропша — Знаменка. Израсходовано 290 снарядов; в 17 случаях огонь батарей противника был подавлен.

Часть кораблей флота после разгрузки в Ораниенбауме в 5.20 возвратились в Кронштадт. У Лисьего Носа остались 2 тральщика, 2 сетевых заградителя, в Ораниенбауме остались 4 баржи.

Корабли доставили в Ораниенбаум 18 автомашин, 30 орудий (45-мм) и 700 т технического имущества.

Ледовая трасса Горская — Кронштадт — Малая Ижора действовала бесперебойно.

Днём противник продолжал оказывать упорное сопротивление наступавшим войскам 2-й ударной и 42-й армий всеми видами огня и частично контратаками пехоты при поддержке танков. Опасаясь окружения, спешно отводили свои части и технику из района Стрельны.

Артиллерия и авиация флота систематическими ударами по батареям, огневым точкам, опорным пунктам, скоплениям войск и техники немцев, а также путём сопровождения наших танков содействовали наступлению войск 2-й ударной и 42-й армий.

ВВС флота, используя благоприятную погоду, в первую половину дня активно действовали по объектам противника. 25 самолётов Ил-2 под прикрытием 16 Як-7 с 9.00 до 11.40, сопровождая наши танки, наносили бомбоштурмовые удары по артиллерийским и миномётным батареям и огневым точкам противника по пути движения танков в районах нас. пунктов Глядино, Хабони, Ропша и бомбардировали скопления вражеских войск, автома-шин и повозок в Ропше, Витино и на дорогах, делая по 2—3 захода на цель. Одновременно семь Як-7 прикрытия штурмовали пулемётно-пушечным огнём скопления немецких автомашин с пехотой и фургонов на шоссе на дорогах Кипень — Высоцкое, Красное Село — Ропша, Черемыкино — Витино. При этом штурмовики израсходовали 38 ФАБ-100, 136 АО-25, 53 РС-82, 316 ОКБ-16 и 1110 снарядов.

В результате ударов штурмовой авиации и истребителей сопровождения были уничтожены 24 автомашины, 24 повозки, орудие; рассеяно и частично уничтожено до двух рот пехоты; повреждено 35 автомашин, подавлен огонь двух артиллерийских и трёх миномётных батарей и вызвано 2 пожара.

В районе цели самолёты были обстреляны зенитным огнём противника. Один Ил-2 (35 шал) майора Шкоды (штурман — ст. лейт. Захаров), повреждённый попаданием снаряда в мотор, произвёл вынужденную посадку на территории противника в районе Узигонта. Посадку прикрывали ведомые лётчики. В это время из ближайшего нас. п. вышло до 15 немцев. Наши самолёты в течение 30 минут атаковали немцев, чтобы не допустить их к вынужденно севшему Ил-2. Два Ил-2 с задания не вернулись, два Ил-2 имели повреждения.

22 самолёта Пе-2 (73 бап) под прикрытием 14 истребителей Як-7 (21 иап) тремя группами в 10.50, 10.56 и в 11.08 с высоты 1900 м бомбардировали скопление немецких войск, автомашин и повозок в Кипени и на дороге Кипень – Ропша. Сброшено 61 ФАБ-250; вызван взрыв большой силы на южной окраине Ропши, уничтожено 5 автомашин.

Корректировку артиллерийского огня над полем боя днём вёл Ил-2 (13 корр аэ) под прикрытием двух Ла-5 (4 иап).

Во вторую половину дня ввиду резкого ухудшения погоды (туман, морось) авиация флота не действовала.

Корабли эскадры вели огонь по батареям, опорным пунктам и узлам шоссе дорог противника. Крейсер «Максим Горький» (9-180-мм) днём обстрелял 75 снарядами цели в районах Красного Села, Капорского, Больших Тайцев и Русско-Высоцкого; линкор «Октябрьская Революция» выпустил днём 20 снарядов по нас. п. Капорское и вечером – 20 снарядов по Красному Селу. Крейсер «Петропавловск» (4-203-мм) с 12.40 до 13.50 выпустил 72 снаряда по Красному Селу. Лидер «Ленинград» с 12.00 до 16.00 вёл борьбу с батареями противника в районе пос. Володарский, израсходовав 44 снаряда. Эсминец «Свирепый» днём выпустил 20 снарядов по батареям в том же районе; эсминец «Опытный» 19 снарядами обстрелял перекресток дорог в районе Софии. По данным корпостов, «Ленинград» и «Свирепый» прямыми попаданиями снарядов подавили батарею противника и две батареи привели к молчанию.

1-я группа по приказанию командующего артиллерией 2-й ударной армии и начальника береговой обороны флота вела ограниченный огонь по батареям, живой силе и технике противника в районе Ропши. В полдень НШ артиллерии 2-й ударной армии передал приказание прекратить огонь по Ропше и подступам к ней ввиду подхода туда наших частей. После этого артиллерия группы перенесла огонь на район Высоцкое и по дорогам Ропша – Красное Село и подавила огонь трёх немецких батарей.

Артиллерия 101-й мбжда в течение дня обеспечивала наступление частей 42-й армии ударами по артиллерийским батареям противника, обстреливавшим наши боевые порядки, а также по автоколоннам и обозам на дорогах Красное Село – Ниукази. Бригада произвела 14 стрельб, выпустила 118 снарядов, подавила огонь восьми батарей и рассеяла автоколонну.

В результате боев войска 2-й ударной и 42-й армий к исходу дня заняли на ропшинском направлении Волосово, Ивановку, Хабони, Коровино, на красносельском направлении – Константиновку, Павловскую Слободу, высоту 112.0, станцию Красное Село, Горская, Пиккола, Пеголу, Лемедимьяки, Паркколу, Кургелово, Хяргязи, Куйтелово, Кирпузи и Соболево.

В 15.10 три бтц, 4 тц, 2 сетевых заградителя, 4 буксира с баржами и ледокол вышли под прикрытием дымовых завес из Кронштадта в Ораниенбаум для воинских перевозок. В 17.50 два сетевых заградителя и ледокол доставили из Ораниенбаума в Лисий Нос раненых бойцов Ленинградского фронта.

В 20.30 НШ флота сообщил начальникам штабов эскадры и КМОР, что приказом командующего флотом для всех эскадренных миноносцев, в том числе и для базирующихся на Кронштадт, установлена оперативная готовность четверо суток, которую предлагалось ввести немедленно, не ожидая получения письменного приказа.

Заместитель начальника тыла Ленфронта сообщил НШ флота план перевозок на ближайшие дни. Предстояло перевезти 8 217 т продовольствия, 2 211 т боеприпасов и вооружения, 400 т горюче-смазочных материалов и 192 т другого имущества. Выполняя приказание командующего фронтом, НШ флота в 13.20 указал командующему КМОР, что в ночь на 19 января необходимо вывезти из Ораниенбаума в Кронштадт 800 легко раненных на бтц и сетевых заградителях и и подать на Лисий Нос 6 порожних барж под продовольствие и боезапас. На сетевых заградителях и палубной барже будет отправлен первый эшелон 314-й стрелковой дивизии, которую необходимо перебросить в течение 19 и 20 января. Люди, повозки и лошади дивизии пойдут по льду. В ближайшие дни планировать ежедневно вывозку 800 раненных, доставку 300–400 т боезапаса и столько же продовольствия.

19 ЯНВАРЯ. ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

Наступление войск Ленинградского фронта на ропшинском и красносельском направлениях продолжалось.

В ночь на 19 января противник спешно отводил части стрелнинской группировки на юг; войска 2-й ударной армии преследовали их и готовились с утра вместе с 42-й армией возобновить наступление.

Артиллерия 1-й группы и крейсера «Петропавловск» (4 орудия 203 мм) методичным огнём по узлам дорог препятствовала движению противника по шоссе Яльгилево – Михайловка, Рюдемюллу – Хейлюзи и Красное Село – Ропша; вела контрбатареиную борьбу в районах Кузнецы, Низино.

3 бтц, 4 тц, 2 сетевых заградителя и 4 баржи в обеспечении ледакола продолжали воинские перевозки на линии Лисий Нос – Ораниенбаум. Ими было перевезено в Ораниенбаум 18 орудий, 12 автомашин, 600 т разного технического имущества и в Лисий Нос – 300 раненных.

Пешеходно-гужевое движение на ледовых трассах Горская – Кронштадт и Кронштадт – Малая Ижора шло бесперебойно

Крейсер «Киров» утром перешел на новую огневую позицию из устья Невы к Университетской набережной и в 8.10 открыл огонь.

Днём противник, опасаясь окружения своей стрелнинской группировки, спешно отводил её оставшиеся части в южном направлении, оказывая сопротивление наступающим войскам 2-й ударной армии.

Авиация флота, несмотря на плохую видимость, низкую облачность и туман, во второй половине дня наносила удары по отходившим войскам противника.

14 самолётов Ил-2 (7 шап) и девять Ил-2 (35 шап) с 13.36 до 15.48 поодиночке и парами наносили удары по отходившим немецким войскам и технике на дорогах Знаменка – Настолово, Знаменка – Ропша и в районах Стрельны, Русско-Высоцкого. Штурмовики, произведя 25 самолётывлетов, израсходовали 12 ФАБ-100, 99 АО-25, 18 РС-82, 270 снарядов 37 мм и 1690 20-мм снарядов. Результаты ударов из-за непогоды не были определены. Один Ил-2 (35 шап) на аэродром не возвратился.

28 самолётов Пе-2 (73 бал) под прикрытием 14 истребителей Як-9 с 14.22 до 14.55 тремя группами с горизонтального полёта, сквозь облака, с высоты от 2 200 до 2500 м сбросили по расчёту времени на отходившие

войска и технику противника в Луизино, Марьино и Настолово 74 бомбы ФАБ-250 и 40 ФАБ-100. Результаты ударов не наблюдались.

Два Ил-2 (13 арт. аэ) под прикрытием двух Ла-5 (4 иап) и двух Як-9 (21 иап) с 11.32 до 15.30 летали на корректировку огня артиллерии флота. Примерно в то же время четыре Як-7 (12 иап) и шесть Як-9 (21 иап) прикрывали перелёты транспортных самолётов Ли-2 с аэродрома Гражданка на аэродром Борки и обратно. На одном из этих самолётов находился НШ Ленфронта.

Корабли эскадры обстреливали узлы дорог, живую силу и технику противника: линейный корабль «Октябрьская Революция» с 8.00 до полудня 16 снарядами в районе Эргелево; крейсер «Киров» — с 8.00 до 16.15 — 69 снарядами в районах дер. Капорская — Койрово — Зайцево, Телези; крейсер «Максим Горький» в это же время — 64 снарядами в районах Русско-Высоцкое, Мухолово, лидер «Ленинград» с 15.34 до 16.39 — 50 снарядами в районе посёлка Володарский.

Артиллерия крейсера «Петропавловск» в течение дня 51 раз открывала огонь по скоплениям живой силы и техники немцев в районах Петергоф, Сашино, Низино, Кузнецы, Марьино, Узигонт и Капорская. Крейсер израсходовал 808 снарядов. По данным контрольных НП, огнём крейсера были уничтожены 29 автомашин, 3 орудия, 68 повозок и до 300 солдат и офицеров противника, разрушен мост, вызваны взрывы и пожары.

Артиллерийские батареи № 665 (254-мм), 19а (180-мм), 611(152-мм), 130. 613, 775 (все 130-мм) и 143 153, 777 (все —100-мм) Кронштадтского сектора береговой обороны в течение дня вели огонь по батареям и скоплениям живой силы и техники в районах Петергофа, Сашино, Низино, Большого Симоногонта, Марьино, совхоза «Беззаботный» и пос. Свердлова. Было выпущено 449 снарядов. В 63 случаях был подавлен огонь батарей противника и в 15 случаях рассеяно скопление автотранспорта.

С 14.08 до 16.40 130-мм батареи № 211, 318, 1116, 1117 и 1122 (152-мм) Ижорского сектора Береговой обороны провели 10 стрельб по скоплению живой силы и автотранспорта противника в районах Капорская, Знаменка, Сашино и Кузнецы.

Для выполнения указания НШ флота, отданного 18 января, в 15.05 из Кронштадта вышли 3 бтц, 2 сетевых заградителя, 3 тц и 4 буксира с баржами для перевозки грузов Ленинградского фронта из Лисьего Носа в Ораниенбаум и раненых из Ораниенбаума на Лисий Нос.

К исходу дня войска 2-й ударной армии захватили Петергоф и населённые пункты Туюзи, Аудия, Кузнецы, Порзолово, Большой Симоногонт, Малый Симоногонт, Олики, Алакуля. Ропша, Малые Горки, Большие Горки, Никозеяги, Кипень. Войска армии к вечеру выбили противника из Красного Села и нас. пунктов Старо-Паново, Ново-Паново, Новоселье, Сосновка, Горелово, Ниукази, Большое и Малое Никкарово, Куттузи, Дудергоф и с Ду-дергофских высот (высота 172,3).

В приказе Верховного Главнокомандующего товарища Сталина говорилось: «Войска Ленинградского фронта, перейдя в наступление из районов Пулковое и южнее Ораниенбаума, прорвали сильно укреплённую, глубоко эшелонированную оборону немцев и за пять дней напряжённых боёв продвинулись на каждом направлении от 12 до 20 километров, расширив

прорыв на каждом участке наступления до 35–40 километров по фронту и 19 января овладели городом Красное Село, превращённым немцами в крепость, и таким же мощным опорным пунктом обороны и важным узлом дорог — Ропшей. В ходе наступления нашими войсками нанесено тяжёлое поражение семи пехотным дивизиям немцев и захвачена большая группа вражеской тяжелой артиллерии, систематически стрелявшей по Ленинграду».

За успешные боевые действия Верховный Главнокомандующий Сталин объявил благодарность отличившимся войскам, в том числе и авиации КБФ.

В связи с реальной угрозой окружения стрельнинской группировки немцев и возможных попыток выхода отдельных групп противника на лёд Финского залива для прорыва на территорию, занятую финнами, или в Ленинград с целью диверсий, Трибуц в 17.20 приказал командующему Кронштадтским МОР Левченко усилить охрану подступов к острову Котлин. ледовой трассы Северных фортов и пирса Лисий Нос; командиру ЛенВМБ — усилить разведгруппу на дамбе Морского канала.

Около 21.00 подвижные части 2-й ударной и 42-й армий соединились на дороге Красное Село — Ропша — Кипень. Наступление продолжалось.

Для содействия войскам фронта примерно к этому времени бронепоезд «Балтиец» из Ораниенбаума и ж.д. батареи №1118 и 1122 перешли в район Мартышкино. Туда же прибыл и бронепоезд «За Родину».

20 ЯНВАРЯ. ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

Наступательная операция войск Ленинградского фронта продолжалась.

В ночь на 20 января войска 2-й ударной и 42-й армий осуществили полное окружение остатков войск стрельнинской группировки немцев. К 2.00 наши танковые части соединились в районе нас. п. Михайловка, а к 8 часам в районе Русско-Высоцкого соединились и пехотные части.

3 бтц, 2 сетевых заградителя, 3 тц, 6 буксиров с баржами в обеспечении ледокола продолжали оперативные перевозки из Лисьего Носа в Ораниенбаум и перевозку раненых из Ораниенбаума в Лисий Нос. После разгрузки корабли возвратились в Кронштадт. Они доставили в Ораниенбаум 12 орудий, 47 автомашин, 800 т разного имущества, а на Лисий Нос вывезли тысячу раненых.

Согласно указаниям Трибуца об усилении охраны подступов к острову Котлин и Ленинграду, в ночь на 20 января были высланы группа бойцов Ленинградской ВМБ в район оконечности дамбы Морского канала и группа бойцов 260-й обмп в район острова Котлин. Встреч с противником обе группы не имели. Вопреки ожиданиям штаба флота попыток противника бежать из окружения в Финляндию не было.

Днём войска Ленфронта завершали ликвидацию остатков окруженных разрозненных немецких частей.

Крейсера «Киров» и «Петропавловск» вели огонь по скоплениям пехоты и техники противника в районах Тайцы и София.

Ж.д. батареи № 1106 и 1119 101-й мбжда, два ж.д. транспортёра и две батареи (406 и 180-мм) НИМАП с 6.00 до 18.00 вели огонь по батареям

противника в районах Федоровское и Сабры и по скоплениям живой силы и техники немцев в районах Антропшино и Семрино.

Батарея № 341 (дер. Устье) в 14.22 произвела огневой налёт и выпустила 35 снарядов по эшелону на станции Копорье. По донесениям трёх НП, были прямые попадания в ж.д. состав.

Из-за удаления линии фронта за пределы дальности стрельбы 1-я группа артиллерии флота в течение дня боевых стрельб больше не вела.

Авиация флота вследствие плохих погодных условий производила только разведку и прикрывала перелёт транспортного самолёта Ли-2.

Один самолёт Пе-2 (12 иап) днём дважды летал на разведку погоды в районе операций наземных войск. Два Ил-2 (35 шал) поодиночке летали на разведку дорог, войск и техники противника в районах Копорья, Куммолово, Молосковиц, Гатчины и Волосово.

Два Як-7 (13 иап) днём прикрывали перелёт самолёта Ли-2 (на борту его находился начальник ВВС ВМФ Жаворонков) с аэродрома Борки на аэродром Гражданка.

Для перехвата отдельных солдат и групп противника, пытавшихся прорваться из окружения по льду на территорию Финляндии, днём было установлено патрулирование дозорных групп КМОР и ЛенВМБ в районе банки Каменная. Группу, охранявшую дамбу Морского канала, усилили до 50 человек.

К исходу дня войска Ленфронта захватили Лигово (Урицк), заняли ряд других населённых пунктов и ликвидировали остатки окруженных разрозненных немецких частей.

Таким образом, 20 января войска Ленинградского фронта успешно закончили первый этап фронтовой операции.

Комфлотом Трибуц особо отметил боевую деятельность артиллеристов кораблей эскадры, Ижорского сектора береговой обороны и 101-й Морской бригады железнодорожной артиллерии.

Наибольшей эффективности артогня добились крейсера «Максим Горький» «Петропавловск», линейный корабль «Октябрьская Революция», (12 -305-мм) лидер «Ленинград» и эсминцы «Свирепый» и «Стройный».

С 14 по 20 января в результате одновременного концентрического удара 2-й ударной и 42-й армий было нанесено тяжёлое поражение семи пехотным дивизиям немцев и освобождено свыше 90 крупных населённых пунктов и среди них важный узел обороны противника – город и ж.д. станция Красное Село, крупный нас. пункт Ропша и другие. Части 2-й ударной и 42-й армий захватили 265 орудий вражеской артиллерии, в том числе 85 крупнокалиберных (калибром от 150 до 406 мм) систематически обстреливавших Ленинград.

За время боёв противник оставил на поле боя до 25 000 трупов. В плену оказалось более 1000 немецких солдат и офицеров.

Успешные действия войск Ленинградского фронта и соединений КБФ получили высокую оценку Верховного Главнокомандующего.

За период с 14 до 20 января флотом выполнены следующие задачи:

Авиация флота произвела 699 с\вылетов, из них 118 бомбардировщиками, 96 штурмовиками, 45 разведчиками, 4 корректировщиками и 236 – истребителями. Израсходовано 72 ФАБ-500, 309 ФАБ-250, 456 ФАБ-100,

36 САБ-100, 967 АО-25, 300 АО-2,5, 4 188 ПТАБ-2,5, 556 РС-82, 2 758 37-мм снарядов и 103 572 патрона. Основные результаты — уничтожено до 800 немецких солдат и офицеров, 10 танков, 108 автомашин, 148 повозок, 6 артиллерийских батарей, 6 дзотов; повреждено 13 танков, 125 автомашин, 5 вагонов, 2 дзота, 6 зенитных автоматов, 20 артиллерийских и зенитных батарей, 49 зенитных автоматов, 3 минометные батареи; взорвано 10 складов боезапаса, вызваны 24 пожара; в воздушных боях сбито 2 самолёта противника. Наши потери — 17 самолётов Ил-2 и один Як-9.

Артиллерия флота обстреляла 876 целей с общим расходом боезапаса 20 880 снарядов, из них 1-я группа — 479 целей — 5979 снарядов, 2-я группа — 87 целей — 2 711 снарядов, 3-я группа — 32 цели — 1830 снарядов, 4-я группа 11 целей — 272 снаряда и 101-я морская бригада железнодорожной артиллерии 267 целей — 10 089 снарядов.

Огнём артиллерии были приведены к молчанию неприятельские батареи в 354 случаях; вызвано 20 взрывов, 17 пожаров;

Кораблями флота с 15 по 20 января было перевезено:

а) из Лисьего Носа в Ораниенбаум 3 670 тонн техники, 1180 тонн боезапаса, 940 тонн продовольствия, 3 770 человек личного состава;

б) 1 000 раненых из Ораниенбаума в Лисий Нос;

в) из Кронштадта в Ораниенбаум перевезено 312 тонн техники, 550 тонн боезапаса, 106 тонн продовольствия, 214 тонн жидкого топлива

С 5 ноября 1943 г. по 20 января 1944 г. кораблями флота для операции было перевезено на южный берег Финского залива 53 400 человек личного состава, 2493 автомашины и трактора, 186 танков, 16 самоходок, 658 орудий, 158 минометов (120-мм), 3826 лошадей, 2 600 повозок, 5 000 т боезапаса и 14 000 т других грузов.

3 бтц, 3 тц, 2 сетевых заградителя, 5 буксиров, 14 барж и ледокол в 18.30 вышли из Кронштадта и с Лисьего Носа в Ораниенбаум и после разгрузки возвратились обратно.

Движение на ледовой трассе Горская — Кронштадт — Малая Ижора продолжалось бесперебойно. В состоянии льда существенных вменений не было. Толщина льда достигала на участке трассы Кронштадт — Малая Ижора 12—22 см,

Командующий фронтом в 20.30 приказал командующему 2-й ударной армией передислоцировать к исходу 21 января оперативно подчиненные ему 406-й артиллерийский дивизион 101-й морской бригады железнодорожной артиллерии и оба бронепоезда, «За Родину» и «Балтиец», на правый фланг армии, в район Калище — Долгово для освоения района и оборудования позиций.

Войска Волховского фронта, перейдя «в наступление на новгородском направлении, форсировали реку Волхов и верховья озера Ильмень, прорвали долговременную оборону и 20 января в результате» умелого обходного маневра овладели городом Новгород.

21 ЯНВАРЯ. ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

С 21 января начался второй этап операции войск Ленфронта — развитие успеха войсками 2-й ударной и 42-й армий.

После соединения в районе Ропши войска 2-й ударной и 42-й армий образовали общий фронт и, развернув главные силы на юг, начали наступление в направлении на Волосово и Гатчину. Удар в этих направлениях создавал угрозу западным коммуникациям мгинской группировки противника. Немецкое командование вынуждено было снимать перед 67-й армией свои части и бросать их на гатчинское направление. Это существенно облегчило нашим войскам прорыв обороны противника на мгинском направлении.

Одновременно войска Волховского фронта, перешедшие в наступление 14 января, прорвали сильно укрепленную долговременную оборону на правом крыле 18-й немецкой армии, штурмом овладели Новгородом и продолжали успешно развивать наступление в западном и юго-западном направлениях.

Таким образом, важнейшие коммуникации немецкой группировки под Ленинградом оказались под непосредственным ударом войск Ленинградского и Волховского фронтов. Это вынудило немцев начать поспешный отвод своих войск с центрального участка 18-й армии.

Оценив обстановку, командование фронта решило ударом главных сил фронта в юго-западном направлении перерезать пути отхода противнику на кингисеппско-нарвском направлении, отбросить части противника в лесисто-болотистый район южнее линии Кингисепп, Волосово, Сиверская и в дальнейшем уничтожить их.

Армиям фронта были поставлены следующие задачи: — 2-й ударной армии — наносить главный удар в направлении станции Елизаветино и затем на Кингисепп, чтобы к 26 января овладеть рубежом Копорье, Волосово, а 30 января выйти к реке Луга на протяжении от Усть-Луги до Кингисеппа;

42-й армии — развивая прорыв, овладеть Елизаветино и Гатчиной и далее наносить главный удар в направлении Волосово, Кингисепп и выйти на реку Луга на участке Кингисепп — Большой Сабск.

— 67-й армии — преследовать противника в общем направлении на Сиверскую, концентрируя основные усилия в направлении Тосно, Вырица, и содействовать частям 42-й армии в уничтожении противника, группировавшегося в районе Пушкин, Слуцк (Павловск), Гатчина.

Артиллерии флота поставлена задача огнём кораблей и 101-й мбжда нарушить пути отхода противника в западном и юго-западном направлениях.

На авиацию флота (совместно с 13-й воздушной армией) были возложены следующие задачи:

- а) не допустить перегруппировки войск противника в своём секторе;
- б) сопровождать пехоту и танки на направлении главного удара 2-й ударной армии
- в) вести разведку войск противника в тактической и оперативной зонах, промежуточных оборонительных рубежей и ж.д. перевозок.

Командующий войсками Ленфронта в 3.00 приказал начальнику тыла фронта и командующему флотом к исходу дня закончить восстановление приморского шоссе от Автово до Петергофа. Перевозки грузов и войск фронта через Финский залив кораблями с 21 января прекратить; ледовую трассу сохранять (без обслуживания ее).

130-мм батареи № 1104, 1105, 1106, 1107 101-й морской бригады ж.д. артиллерии с 15.17 до 16.30 вели огонь по коммуникациям и тылам про-

тивника в районах Кошелево, Пязелево, Гуммолосары и по батареям в районе г. Пушкин.

Эсминцы «Стройный», «Строгий», «Опытный» и «Грозный» с 15.31 до 16.30 обстреливали коммуникации и тылы противника в районах Тярлево, Пушкин, Комелево, Павловск-II и Софии, ими было выпущено 230 снарядов. Огнём эскадренного миноносца «Вице-адмирал Дрозд» (до 13 февраля 1943 г. — «Стойкий») уничтожена батарея противника в районе Пушкина.

Авиация из-за неблагоприятной погоды вела лишь разведку погоды перед фронтом 2-й ударной армии.

3 бтц, 3 тц, 2 сетевых заградителя и 5 буксиров с баржами вели воинские перевозки на линии Лисий Нос — Ораниенбаум. Ими доставлено в Ораниенбаум 16 орудий, 8 автомашин и 700 т боезапаса, а в Лисий Нос — 1151 раненый.

Днём 21 января войска 2-й ударной, 42-й и 67-й армий продолжали наступление на волосовском, гатчинском и ульяновском направлениях.

Артиллерия флота поддерживала наступление частей 42-й армии. Батареи №1104, 1105, 1106, 1107 101-й мбжда с 15.17 до 16.30 вели огонь по коммуникациям и тылам противника в районах Кошелево, Пязелево, Гуммолосары и по батареям в районе Пушкина.

Эсминцы «Стройный», «Строгий», «Опытный» и «Грозный» обстреливали дороги и тылы противника в районе Тярлево, Пушкина, Комелево, Павловска-II, Софии, Новосёлки, выпущено 230 снарядов. Огнём эскадренного миноносца «Стройный» была подавлена батарея противника в районе Пушкина.

Авиация КБФ из-за тяжёлых метеоусловий боевых действий не вела.

Днём 406-й дивизион ж.д. артиллерии (батареи № 1116, 1117, 1118 и 1122) перебазирован из Ораниенбаума в район Калища, а штаб дивизиона — на ж.д. станцию Калище.

Для прикрытия дивизиона от ударов авиации противника были из Кронштадта в район станции Калище переведены зенитная батарея №792 (76 мм) и 25-мм батарея №841 49-го зенитного полка.

Бронепоезда «Балтиец» и «За Родину» также перешли в район западнее станции Калище.

Войска Ленинградского фронта на ульяновском направлении (67-я армия) захватили — Мгу, Петрушино, Павлово, Лобаново, Анненское, Мушолово, Цнигри, Келколово и Гайтолово.

186 ж.д. восстановительный батальон разминировал шоссейную дорогу Петергоф — Стрельна на протяжении 13 км. Батальон обезвредил 450 мин и взорвал минное поле противника.

С наступлением темноты 3 бтц, 2 сетевых заградителя, 6 тц, 4 буксира с баржами и ледокол продолжали перевозки Лисий Нос — Ораниенбаум.

Пешеходное и гужевое движение на ледовой трассе Горская — Кронштадт — Малая Ижора пока шло бесперебойно. Толщина льда на трассе была от 12 до 35 см. На льду много трещин, местами выступала вода.

Вечером Командный пункт авиации флота возвращён в Ленинград, (в здание Лесотехнической академии), а при командном пункте 2-й ударной армии оставлен офицер связи с оперативной группой и средствами связи.

22 ЯНВАРЯ. ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

В ночь на 22 января артиллерия флота содействовала наступлению войск фронта.

Эсминец «Опытный», канлодка «Сестрорецк» и ж.д. батареи № 1105 и 1107 с полуночи до 3.12 трижды вели огонь по батареям противника, обстреливавшим боевые порядки наших войск из районов нас. п. Федоровская и Ладога. Батареи противника прекратили стрельбу. Две другие ж.д. батареи вели огонь по ж.д. станциям Семрино, Сабры, Кобралово; результат стрельбы установлен не был.

3 бтц, 2 сетевых заградителя, 6 тц, 4 буксира с баржами и ледокол продолжали перевозки на линии Лисий Нос – Ораниенбаум. Кораблями было перевезено в Ораниенбаум 17 автомашин и 200 т кабеля; в Кронштадт 600 т угля, а на Лисий Нос доставлено 37 раненых.

Днём противник, стремясь сдержать дальнейшее наступление войск Ленфронта и обеспечить отход своей любаньской группировке, перебрасывал отдельные подразделения дивизии СС «Нордланд» на волховское направление и усиливал сопротивление на ульяновском направлении. Войска 2-й ударной, 42-й и 67-й армий, преодолевая упорное сопротивление немцев, продолжали наступление на своих направлениях.

Артиллерия и авиация флота ударами по узлам дорог и по скоплениям живой силы противника помогали продвижению войск фронта.

Ж.д. батареи № 1104, 1106, 1119 вели огонь по узлам дорог в районах Антропшино, Комолово, Пукколово. Батарея №341 (Устье) 20 снарядами подавила огонь батареи противника в районе деревни Мустово.

Четыре самолёта Ил-2 (7 шап) с 11.00 до 16.20 поодиночке штурмовали скопления автомашин на дорогах Губаницы – Волосово – Елизаветино.

Четыре Ил-2 и четыре истребителя Як-7 нанесли бомбоштурмовой удар по трём ж.д. эшелонам на станции Елизаветино. В результате удара разбито 5 товарных вагонов, повреждён паровоз, вызван пожар в эшелоне, уничтожено 22 автомашины и 13 повозок.

Четыре Ла-5 (3 иап) прикрывали перелёт транспортного самолета Ли-2. Встреч с противником в воздухе не было.

В соответствии с указанием командующего фронтом к исходу дня закончены воинские перевозки грузов Ленфронта кораблями флота.

К исходу дня войсками Ленинградского фронта была полностью очищена от противника железная дорога Кириши – Мга – Ленинград и занято более 70 нас. пунктов, в том числе Трудовик, Переярово, Волковицы.

23 ЯНВАРЯ

Пешеходное и гужевое движение на ледовых дорогах Горская – Кронштадт и Кронштадт – Малая Ижора шло бесперебойно.

Войска 2-й ударной, 42-й и 67-й армий развивали наступление на воловском, гатчинском и ульяновском направлениях.

Днём 16 самолётов Ил-2 (7 и 35 шап) с высоты 75–25 м бомбовыми ударами и пушечно-пулемётным огнём уничтожали скопления войск и автогужевого транспорта противника. Первая восьмерка Ил-2 – в районе нас. пунктов Пролетарская Слобода, Мишино, ж.д. станции Елизаветино;

вторая — на шоссе Губаницы — Волосово и в районе Бегуниц. Было уничтожено 26 автомашин с грузом и бензозаправщик. Вызвано 2 пожара.

Два самолёта Як-9 (15 шап) и два По-2 Управления ВВС флота (4 с\ вылета) с 12.15 до 16.43 поодиночке вели разведку войск противника на коммуникациях Волосово — Елизаветино — Гатчина.

В 14.20 Трибуц доложил Н.Г. Кузнецову о том, что в результате десяти-дневных боёв 9-й штурмовой авиадивизии по поддержке 2-й ударной армии в исключительно тяжёлых метеоусловиях дивизия потеряла 20 самолётов (из них 18 Ил-2) и 15 лётчиков. Положение с лётчиками в штурмовых полках дивизии тяжёлое. На оба полка (7 и 35 шап), имеющих в строю 50 самолётов, осталось всего 37 лётчиков, Пришлось разукomплектовать эскадрилью корректировщиков и разведчиков, находившуюся на островах.

За успешные действия по снятию блокады Ленинграда 101-я мбжда преобразована в 1 гвардейскую морскую бригаду железнодорожной артиллерии — (1-ю гмбжда). 73-му бомбардировочному авиаполку присвоено звание 12-го гвардейского пикировочно-бомбардировочного авиаполка.

24 ЯНВАРЯ. ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

В ночь на 24 января две жд. батареи флота ударами по узлам дорог в районах Антропшино и Гатчина содействовали наступлению войск Ленинградского фронта.

Начальник ГМШ информировал Трибуца о том, что Генеральный штаб РККА предусматривает задачу флоту — фланговое содействие продвижению армий на запад, в феврале до реки Нарвы.

Пешеходное и гужевое движение на ледовой дороге Горская — Кронштадт — Малая Ижора из-за слабости льда запрещено.

Чтобы предотвратить угрозу выхода наших частей на одну из основных жд. коммуникаций в районе Тосно — Гатчина — Кингисепп, немецкое командование производит спешные переброски отдельных частей с других фронтов, вводит в бой специальные подразделения пехотных дивизий и использует танки и штурмовые орудия против нашей пехоты.

Одиннадцать Ил-2 (7 шап) днём поодиночке и группами уничтожали скопления пехоты и транспорта противника в районе Губаницы — Волосово — Елизаветино — Кикерино. В результате ударов уничтожено 12 автомашин, 11 повозок, и вызван взрыв на станции Волосово.

Самолёты Ил-2 в районе Волосово были атакованы истребителями. Самолёт Ил-2 мл. лейт. Дюжева (воздушный стрелок краснофлотец Шкурунин) был сбит и упал в районе Волосово. Не возвратился из полёта, ещё один штурмовик Ил-2, а третий от прямого попадания снаряда загорелся, но дотянул до аэродрома Борки, где совершил посадку на фюзеляж.

Шесть Ил-2 (35 шап) поодиночке с 14.05 до 15.00 наносили удары по отходившим войскам противника на дороге Елизаветино — Кикерино. Самолёты делали по 3—4 захода на цель и израсходовали 2 ФАБ-100, 33 АО-25, 8 РС-82, 460 снарядов и 1600 патронов. Было уничтожено до 15 автомашин с грузом и войсками и штабной автобус.

В 14.00 в районе нас. п. Броницы штурмовики были атакованы тремя ФВ-190 Стрелок самолёта Ил-2 сержант Петренко сбил один из нападавших истребителей противника. Один Ил-2 на аэродром не возвратился.

14 самолётов Пе-2 (12 гв. бап) группами по 4–6 под прикрытием 12 Як-9 (12 иап) с 15.40 летали бомбить ж.д. эшелоны на станции Волосово. Из-за низкой облачности две группы (4 и 6 самолётов Пе-2) с высоты 300 м бомбардировали и обстреливали скопления вражеских войск в районе Волосово. Израсходовано 17 бомб ФАБ-250, 24 ФАБ-100 и 10 000 патронов. Третья группа (4 Пе-2) из-за плохой видимости и низкой облачности возвратилась из района Дятлиц на свой аэродром с бомбами.

Восемь Ла-5 (4 иап) двумя группами по 4 самолёта с 16.00 до 17.05 летали на прикрытии войск на поле боя. В 16.25 в районе Клясино пара Ла-5 отразила атаку двух ФВ-190. преследовавших Пе-2.

Крейсер «Петропавловск» выпустил 40 своих 8-дюймовых снарядов по скоплениям войск противника в районах Пязелево и Попово. Две батареи 1-й гвардейское мбжда вели огонь по дорогам в районах нас. п. Кобралово, Новолисино и Стекольное для подавления транспортёров противника на участке Гатчина – Новолисино.

На линии Лисий Нос – Кронштадт – Ораниенбаум установлено регулярное сообщение на рейсовых буксирах.

Войска Ленфронта к исходу дня овладели городами Пушкин, Павловск, Слуцк и заняли более 40 нас. пунктов (среди них Ознаково, Колодези, Салези, Большое Резина, Сокколово, Романовка, Горки, Покровская, Гуккалово, Поповка, Ульяновка).

Военный Совет флота в 21.00 дал указание командующему Кронштадтским МОР с 27 января начать огневое содействие правому флангу 2-й ударной армии в Копорской губе силами дивизиона канонерских лодок бригады шхерных кораблей. Подготовку к огневому содействию поручалось начать немедленно. Военный Совет требовал предусмотреть в процессе подготовки пробитие ледового фарватера, тральное обеспечение, охранение на переходе и при выполнении задачи, прикрытия дымовыми завесами, корректировку артиллерийского огня кораблей, связь с сухопутным командованием и прикрытия с моря и с воздуха. В бухте Батарейной развернуть базу питания кораблей топливом, боезапасом и продовольствием. Для участия в этих действиях разрешалось использовать средства Островной военно-морской базы. Военный Совет установил готовность всех средств к исходу 26 января.

25 ЯНВАРЯ. ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

Для обеспечения предстоявших боевых действий кораблей КМОР по огневой поддержке фланга 2-й ударной армии в Копорской губе Трибуц приказал к 12 часам 26 января на канонерских лодках «Амгунь», «Волга» и «Москва» дополнительно установить по два 37-мм автомата, сняв их со сторожевых кораблей «Тайфун», «Туча» (по два с каждого) и со сторожевых катеров №152 и 192 по одному с каждого. Одновременно он приказал Самохину и Левченко уточнить всеми видами разведки координаты и состав финской артиллерийской группировки на северном побережье Финского залива в районе мысов Ино – Сейвястэ, ведущей обстрел фарватера Кронштадт – Сескар.

Утром командующий 13-й воздушной армией генерал-лейтенант Рыбальченко поставил авиации флота следующие боевые задачи на 25 января:

- 1) не допустить перегруппировку войск противника (подход и отход) по железной и шоссейной дорогам Кингисепп – Волосово;
- 2) штурмовыми и бомбардировочными действиями на левом фланге 2-й ударной армии содействовать наступлению 109-го и 232-го стрелковых корпусов;
- 3) прикрыть с воздуха боевые порядки наступающих войск 2-й ударной армии.

Днем войска 2-й ударной, 42-й и 67-й армий, преодолевая сопротивление немцев, продолжали развивать наступление.

С 10.23 до 14.28 одиннадцать самолетов Ил-2 (35 шап) под прикрытием восьми истребителей Як-7 (12 иап) поодиночке и малыми группами летали для уничтожения отходивших войск противника. Пять Ил-2 одним-двумя заходами с высоты 300 м штурмовали войска противника, отходившие по дороге Пружицы – Молосковицы и действовали по объектам железнодорожных станций Елизаветино и Волосово. Израсходовано 2 ФАБ-100, 24 АО-25, 4 РС-82, 830 снарядов и 2000 патронов. В результате действий штурмовиков было уничтожено 2 автомашины, на станции Елизаветино взорван склад боеприпасов, а в районе станции Волосово вызвано 5 крупных пожаров.

Остальные шесть Ил-2 из-за неблагоприятных метеоусловий задания не выполнили и возвратились с бомбами на свой аэродром.

В течение дня десять Ил-2 (7 шап) под прикрытием восьми истребителей Як-7 (13 иап) уничтожали скопления пехоты и автотранспорта противника в районе нас. п. Николаевка, Шундарово, Бегуницы, Терпилицы. Израсходовано 10 ФАБ-100, 40 АО-25, 17 РС-82, 630 снарядов и 1 050 патронов. Уничтожено 18 автомашин, 3 повозки и более 100 человек пехоты и взорван склад боезапаса в Николаевке. В районе целей один Ил-2 получил повреждения от осколков зенитных снарядов.

Четыре Як-7 (13 иап) летали на штурмовые действия по войскам противника в районе нас. п. Касково и Бегуницы. В 11.20 самолёты с высоты 30–50 м штурмовали пехоту в окопах и траншеях в районе Касково – Бегуницы – Чирковицы.

С полудня до 16.45 восемь Пе-2 под прикрытием восьми Як-9 (21 иап) группами по два-четыре самолёта летали бомбить жд. эшелоны и скопление немецких войск на станции Волосово. Один из Пе-2 в 13.05 с высоты 280 м бомбил эшелон в районе Заполье (эшелон был накрыт серией бомб); два Пе-2 в 15.55 с высоты 600 м сбросили бомбы на три эшелона на станции Волосово, однако прямых попаданий в цель не было; два Пе-2 в 16.24 атаковали три эшелона на платформе Ястребино; три Пе-2 из-за низкой облачности (высота 150 м) и плохой видимости возвратились из района Клопиц. Один из последних самолётов был подбит огнём зенитной артиллерии и разбился при вынужденной посадке на Комендантском аэродроме в Ленинграде; экипаж не пострадал. Два Як-9 на аэродром не возвратились.

Кроме того, в течение дня авиация флота произвела 9 самолётных вылетов на разведку погоды и коммуникаций противника в районах Нарвы, Кингисеппа, Веймарна, Волосово, Елизаветино и Бегуниц.

Артиллерия флота днем вела огонь по скоплениям живой силы, автотранспорта и ж.д. эшелонам противника.

Эскадренный миноносец «Опытный» и канонерские лодки «Зоя» и «Ока» обстреливали скопления немецких войск в районах Черная Речка, Федоровское и Аннолово.

Две 180-мм в две 130-мм батареи 1-й гвардейской мбжда и батарея ЛенВМБ №470 вели огонь по скоплениям ж.д. эшелонов и автотранспорта противника на дорогах в районах Гатчины, Сабров, Владимирской, Ханнолово, Новолисино, разъезда Стекольный, пос. Саблино и города Тосно.

Согласно указаниям Военного Совета флота о подготовке к содействию приморскому флангу 2-й ударной армии, командующий КМОР Левченко в 14.10 выслал из Кронштадта 2 буксира пробивать ледовый фарватер от Кронштадта до Шепелёвского маяка.

Одновременно с этим Левченко доложил Трибуцу, что для трального обеспечения к сроку будут готовы только 8 катерных тральщиков Островной ВМБ; все остальные тральщики неисправны. Семь из них могут быть готовы только к 31 января. Трибуц подчеркнул, что руководство всеми действиями возлагается на Левченко, как командующего КМОР, руководство действиями кораблей в море — на командира бригады шхерных кораблей.

Прикрытие канонерских лодок при выполнении ими задач на чистой воде осуществлять морскими бронекатерами и охотниками Островной ВМБ

Сетевые заградителя «Вятка» и «Онега», буксиры К-6, К-32 и «Туман» в 15.15 вышли из Кронштадта для перевозки грузов Ленфронта с Лисьего Носа в Ораниенбаум и раненых (обратными рейсами).

Войска Ленфронта, продолжая наступление, к исходу дня овладели населёнными пунктами Сяскелево, Реболово, Хиндикалово, Черново, Сямелёво, Сепелёво, Корпиково, Кокколево, Лукаши, Местелево, Федоровское, Пабузи, Черная Речка, ж.д. станциями Антропшино, Владимирская, Фрезерный и вплотную подошли к Гатчине.

Вечером Трибуц информировал командующего ВВС о предстоящих боевых действиях кораблей Кронштадтского МОР по поддержке фланга 2-й ударной армии, которые должны были начаться ориентировочно с 28 января, поставил авиации флота следующие задачи:

а) прикрыть переход кораблей по льду из Кронштадта до чистой воды от огня артиллерийских батарей противника с северного берега Финского залива путём постановки дымовых завес и нанесения ударов по стреляющим батареям;

в) корректировать огонь канонерских лодок при выполнении ими своих задач.

29 самолётов Як-7 (13 иап) и 25 Як-7 (12 иап) группами по 2–4 истребителя штурмовыми действиями уничтожали скопления вражеских автомашин и войск в районах Терпилицы, Волосово, Райковицы, Бегуницы и Молосковицы. Было израсходовано 825 снарядов и 1650 патронов. По донесениям экипажей, были уничтожены 19 автомашин, 11 повозок, танк и более 100 солдат и офицеров противника.

10 самолётов Пе-2 (12 гв. пбап) под прикрытием 12 Як-9 (21 иап) парами с 10.00 до 11.25 с высоты 100–30 м бомбили автомашины и скопления войск противника в районе Веймарна, Бегуниц и Молосковиц. 2 Пе-2 с

высоты 250 м двумя заходами бомбардировали шоссейный мост через Лугу в районе Кингисеппа. Самолёты сбросили 6 ФАБ-250, 59 ФАБ-100, 240 птаб-2,5 и 15 000 листовок. В результате ударов было уничтожено 8 автомашин. Разрывы бомб наблюдались в 3 м от моста и в местах скопления войск противника. В районе действий один Пе-2 был сбит огнём зенитной артиллерии и упал в лес у поселка Красная Мыза, два Пе-2 не вернулись на аэродром.

На разведку коммуникаций перед фронтом 2-й ударной армии в течение дня было произведено 12 с\вылетов.

Береговая батарея №341 (Устье) Ижорского сектора днём обстреляла десять снарядами батареи противника в районе Большие Копорки – Петровицы.

2 сетевых заградителя и 2 буксира в 16.15 вышли из Ораниенбаума на Лисий Нос. На борту кораблей находилось 343 раненых.

Для выполнения указания Военного Совета о подготовке к поддержке фланга 2-й ударной армии в Копорском заливе самолет Як-7(15 рап) летал на разведку северного побережья Финского залива и артбатарей в районе Ино – Сейвясгэ. В 16.15 из Кронштадта были высланы 2 буксира на ледовую разведку до западной кромки неподвижного льда.

Войска Ленинградского фронта, развивая наступление, к исходу дня овладели нас. п. Клясино, Шундорово, Каськово, Кандокюля, Муратово, Медниково, Паськино, Луйсковицы, Валерияновка, Малые Колпаны, Пролетарская Слобода, Пижма, Пустошка, Саблино, Новолисино и станциями Войсковицы, Галашевка, Стекольный, Семрино, Сусанино.

Таким образом, 26 января войска фронта успешно закончили второй этап фронтовой операции. Ленинград был полностью освобожден от блокады и варварских обстрелов немцев.

За время наступления с 14 по 25 января 1944 г. войска Ленинградского фронта нанесли немецко-фашистским войскам большой урон в людях и технике. В ходе наступательных боев войска фронта разгромили десять пехотных дивизий и нанесли тяжелые потери двум пехотным дивизиям противника

Были захвачены немалые трофеи: (по неполным данным) 619 орудий разных калибров (в том числе 118 тяжелых, от 150 до 406 мм) 20 самоходных орудий, 1350 пулемётов, 7200 винтовок, 172000 снарядов, 290 автомашин, 450 вагонов и много разного имущества и снаряжения.

Враг потерял убитыми свыше 46000 солдат и офицеров.

26 ЯНВАРЯ

В связи с успешными боевыми действиями Ленинградского фронта И. Сталин издал приказ, в котором было отмечено, что «Войска Ленинградского фронта в ночь на 26 января штурмом овладели городом и крупным железнодорожным узлом Гатчина, превращённым немцами в крепость с развитой системой долговременных оборонительных сооружений. В ознаменование одержанной победы представить к наименованию «Гатчинских» и награждению орденами... За отличные боевые действия 8-й минно-торпедной авиационной дивизии присвоено наименование «Гатчинская», а

9-й штурмовой авиационной дивизии — присвоено наименование «Ропшинская». За проявленную доблесть мужество и героизм в разгроме немцев под Ленинградом награждено орденами 345 человек, а тринадцати лётчикам присвоено звание Героя Советского Союза.

Два буксира, выходившие накануне на пробивание фарватера от Кронштадта до Шепелёвского маяка, форсируя тяжёлый лёд, дошли только до меридиана форта «Ф» (Красная Горка) и в 3.15 по пробитому ими во льду каналу возвратились в Кронштадт.

Днём войска 2-й ударной, 42-й и 67-й армий продолжали наступление.

14 Ил-2 (7 шап) и 19 Ил-2 (35 шап) группами от двух до шести машин с 9.00 до 14.35 наносили удары по войскам и автотранспорту в районах нас. п. Бегуницы, Волосово, Кикерино, Молосковицы. Два Ил-2 в 9.33 нанесли удар по мосту через Лугу в районе Кингисеппа. Самолёты атаковали с высоты от 25 до 100 м, выполнив до шести заходов на цель, сбросили по врагу 40 ФАБ-100, 200 АО-25 и 240 птаб — 2,5, и выпустили 98 РС-82, 2980 снарядов и 15000 патронов. Было уничтожено 73 автомашины, 2 танка, 2 самоходки, 5 мотоциклов и зенитная батарея, повреждено 3 танка, 6 орудий с тягачами и шоссейный мост. Один Ил-2 был сбит огнём зенитных батарей; второй Ил-2 (того же полка) был повреждён осколками и произвёл посадку на фюзеляж на своем аэродроме.

29 самолётов Як-7 (13 иап) и 25 Як-7 (12 иап) в тот же период парами и четвёрками штурмовали скопления вражеских автомашин и войск в районах Терпилиц, Волосово, Райковиц, Бегуниц и Молосковиц. Было израсходовано 825 снарядов и 1650 патронов. По донесениям экипажей, было уничтожено 19 автомашин, 11 повозок, танк и более 100 солдат и офицеров.

10 самолётов Пе-2 (12 пбап) под прикрытием 12 истребителей Як-9 (21 иап) парами с 10.17 до 11.45 с высоты 100–300 м бомбардировали автомашины и скопления войск противника в районах Веймарн — Бегуницы — Молосковицы. Два Пе-2 в 1.25 с высоты 250 м двумя заходами бомбили шоссейный мост через Лугу в районе Кингисеппа. Самолёты израсходовали 6 ФАБ-250, 59 ФАБ-100, по 4 200 патронов и сбросили 15 000 листовок. В результате ударов уничтожено 8 автомашин. Разрывы бомб наблюдались в 3 м от моста и в местах скопления войск противника. В зоне действий самолёты были обстреляны сильным зенитным огнём. Один Пе-2 был сбит и упал в лес у поселка Красная Мыза; два Пе-2 не вернулись на аэродром.

На разведку коммуникаций перед фронтом 2-й ударной армии в течение дня было произведено 12 с\вылетов

Береговая батарея №341 (дер. Устье Ижорского сектора) в 15.19 обстреляла десятью снарядами батареи противника в районе Большие Копорки — Петровицы.

В 16.15 из Ораниенбаума на Лисий Нос вышли два сетевых заградителя и 2 буксира. имея на борту 343 раненых.

Для выполнения указания Военного Совета о подготовке к поддержке фланга 2-й ударной армии в Копорском заливе самолёт Як-9 (15 рап) летал на разведку северного побережья Финского залива и артиллерийских батарей в районе мысов Ино и Сейвястэ. В 16.15 были высланы из Кронштадта 2 буксира на ледовую разведку до западной кромки неподвижного льда.

Войска Ленинградского фронта, развивая наступление, к исходу дня овладели нас. пунктами Клясино, Шундорово, Каськово, Кандокюла, Мурагово, Медниково, Луйсковицы, Валерияновка, Ильки, Малые Колпаны, Пролетарская Слобода, Пижма, Пустошка, Саблино, Новолисино и станциями Войсковицы, Галашевка, Стекольный, Сусанино.

Таким образом, 26 января войска фронта успешно закончили второй этап фронтовой операции. Ленинград был полностью освобождён от блокады и избавлен от варварских обстрелов.

За время наступления с 14 по 25 января 1944 г войска Ленинградского фронта нанесли немецко-фашистским войскам большой урон в людях и технике. В ходе наступательных боев войска фронта разбили 10 пехотных дивизий и нанесли тяжелые потери двум пехотным дивизиям. Было захвачено (по неполным данным) 619 орудий разных калибров (в том числе 11 тяжелых, калибром от 105 до 406-мм), 4,54 миномёта, 20 самоходных орудий, 1360 пулеметов, 7 286 винтовок и автоматов, 60 танков, 93 автомашины, 173 000 снарядов, 85 000 мин, до 9 миллионов винтовочных патронов, 350 автомашин, 413 повозок с разным грузом, 65 складов артиллерийских, инженерных, вещевого и продовольственных, уничтожены 158 танков, 200 орудий разного калибра 497, пулемётов, 245 минометов, 901 автомашина, 30 складов с боеприпасами, вооружением и продовольствием, 5 ж.д. эшелонов, 5 паровозов, 300 вагонов, 200 повозок с грузом. Противник потерял только убитыми свыше 40 000 солдат и офицеров. Захвачено в плен до 3 000 солдат и офицеров.

27 ЯНВАРЯ

По данным разведывательного отдела штаба флота, с 24 по 27 января в порт Готенхафен (Гдыня) прибыли из Данцига 6 шведских транспортов. После выгрузки руды на транспорты производилась погрузка угля для Швеции.

Восточная часть Финского залива.

В связи с успехами наших войск по снятию блокады Ленинграда Военный Совет Ленфронта 27 января издал специальный приказ, в котором было сказано:

«Товарищи красноармейцы, сержанты и офицеры войск Ленинградского фронта! Моряки Краснознаменного Балтийского флота! Трудящиеся города Ленина!

Войска Ленфронта в итоге двенадцатидневных напряженных боев прорвали и сокрушили на всем фронте под Ленинградом сильно укрепленную и глубоко эшелонированную долговременную оборону немцев, штурмом овладели важнейшими узлами сопротивления и опорными пунктами противника под Ленинградом: городами Красное Село, Ропша, Урицк (Лигово), Пушкин, Слуцк (Павловск), Мга, Ульяновка, Гатчина и другими и, успешно развивая наступление, освободили более 700 нас. пунктов и отбросили противника от Ленинграда на 65–100 километров. Наступление наших войск продолжается.

В ходе наступлений нашими войсками разгромлены войска, державшие Ленинград в осаде, и захвачены большие трофеи. В итоге боев решена задача исторической важности: город Ленинград полностью освобожден от

вражеской блокады и избавлен от варварских артиллерийских обстрелов противника.

В ознаменование одержанной победы и в честь полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады, сегодня, 27 января, в 20 часов город Ленина салютует доблестным войскам Ленинградского фронта 54 артиллерийскими залпами из 324 орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем войскам фронта и морякам Краснознаменного Балтийского флота, участвовавшим в боях за освобождение Ленинграда от блокады.

Граждане Ленинграда! Мужественные и стойкие ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли свой родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, выковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы.

От имени войск Ленинградского фронта поздравляю вас со знаменательным днем великой победы под Ленинградом. Слава воинам Ленинградского фронта! Слава трудящимся города Ленина!

Вечная слава героям, павшим в борьбе за город Ленина, за свободу и независимость нашей Родины.

Под водительством Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза великого Сталина — вперед, за полное изгнание немецких извергов с нашей земли! Смерть немецким захватчикам!»

В ночь на 27 января корабли, артиллерия и авиация флота боевых действий не вели.

Два сетевых заградителя и 4 буксира с баржами ночью производили перевозку раненых Ленфронта из Ораниенбаума в Лисий Нос. В 6.30. корабли возвратились в Кронштадт.

Два буксира, вышедшие накануне на ледовую разведку, пробили ледовый фарватер от Кронштадта до чистой воды (до Шепелёвского маяка) и к рассвету возвратились в Кронштадт.

По докладу командира бригады шхерных кораблей Фельдмана, на канонерских лодках «Москва», «Амгунь» и «Волга» закончена установка дополнительных 37-мм автоматов (по 2 на корабль).

Днём части немецкой 18-й армии, ведя сдерживающие бои, продолжали отходить под ударами наших войск в западном и южном направлениях.

Войска Ленфронта с 27 января развернули стремительное преследование частей противника по всему фронту.

В 15.03 один Ил-2 (35 шап) с высоты 50 м двумя заходами штурмовал автомашины в районе Бегуниц.

Батареи 406-го артдивизиона 1-й гвардейской мбжда с 15 до 16.00 и с 19.26 до 21.00 вели огонь по скоплениям войск и автомашин в районе Копорья. Израсходовано 57 снарядов; результаты не установлены.

В течение дня 3 буксира и тральщик «Олонка» с баржами вели перевозки на линиях Кронштадт — Ораниенбаум и Кронштадт — Лисий Нос.

К исходу дня войска Ленфронта, продолжая развивать наступление, заняли города и жд. узлы Волосово и Тосно, а также более 40 населённых пунктов.

С 20.00 до 20.12 артиллерия флота участвовала в салюте в честь освобождения Ленинграда.

Железнодорожные зенитные батареи № 377 и 513 Осиновецкой ВМБ в течение дня свертывались для передислокации на станции Лебяжье и Новый Петергоф.

Ледовая обстановка: в Свирской и Волховской губах — неподвижный лед до 4–5 миль от берега, в центральной части озера льда не было.

28 ЯНВАРЯ ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

Противник под ударами наших войск спешно отводил разбитые части 18-й армии и артиллерии на Кингисепп и Лугу. Пытаясь оторваться от преследовавших его частей Ленфронта на кингисеппском направлении и в районе юго-западнее Тосно, противник безуспешно стремился прикрыть отход своих частей специальными отрядами из наиболее боеспособных подразделений, насыщенных автоматическим оружием, миномётами и некоторым количеством легкой артиллерии.

Войска Волховского фронта 27 января 1944 г. овладели городом и крупным ж.д. узлом Тосно, а 28 января заняли город и ж.д. станцию Любань и южнее Любани овладели ж.д. станциями Померанье, Трубников Бор, Бабино и Торфяное. Тем самым основная магистраль, связывающая Москву с Ленинградом, Октябрьская железная дорога была освобождена от немецких захватчиков почти на всем своём протяжении, за исключением станции Чудово, где противник к этому времени был блокирован и велось его уничтожение.

Войска 2-й ударной, 42-й и 67-й армий продолжали развивать наступление и преследовали врага на кингисеппском, ивановском и сиверском направлениях.

Авиация и артиллерия флота ударами по скоплениям пехоты и по путям сообщения противника в крайне сложных условиях непогоды, снегопада и низкой облачности содействовали наступлению войск фронта. 15 самолётов Ил-2 (7 шап) под прикрытием 21 Як-7 (13 иап) с 9.00 до 16.32 произвели 15 с\вылетов для ударов по войскам и автогужевому транспорту немцев в районах нас. п. Ильешы, Хотыницы, Алексеевка, Тикопись и в районе Кингисеппа. Из-за плохой погоды 10 Ил-2 до цели не дошли и возвратились на свой аэродром. Остальные пять Ил-2 с высоты 100–300 м штурмовали указанные цели. Вместе с ними наносили штурмовые удары по войскам и автомашинам и истребители прикрытия. Самолетами Ил-2 и Як-7 было сброшено 12 ФАБ-100, 30 АО-25, 18 РС-82, выпущено 716 снарядов и более 3 700 пуль. Было уничтожено 2 орудия, 16 автомашин, 15 подвод, зенитная батарея и тягач. Два Ил-2 на аэродром не вернулись.

В это же время два Ил-2 (35 шап) под прикрытием восьми Як-7 (12 иап) произвели 6 самолётывылетов для удара по скоплениям отходивших немецких войск в районе Кингисеппа. До цели дошли только два Ил-2, остальные из-за сложных погодных условий возвратились на свой аэродром. В результате штурмовых действий Ил-2 и Як-7 уничтожили 18 автомашин.

На разведку сухопутных коммуникаций в районах Керстово, Кингисепп, Веймарн, Копорье авиация флота в течение дня произвела 11 самолётывылетов.

Батареи 406-го артиллерийского дивизиона 1-й гвардейской морской бригады железнодорожной артиллерии днем вели огонь с целью пресечения движения противника в районе Копорье, Семейское, Перелесье; было выпущено 55 130-мм и 32 152-мм снарядов.

100-мм береговая батарея №341 (дер. Устье) Ижорского сектора выпустила 35 снарядов по батареям противника в районе Малые Копорки и по развилке дорог в районе Копорья.

Зенитные батареи № 791 и 514 (9-го зап) обосновались на новых огневых позициях в Стрельне и Новом Петергофе и готовы к ведению огня.

Зенитные батареи №1245 и 1246 (по четыре 37-мм автомата) перебазируются с острова Котлин: первая – в район Калища, вторая – в район бухты Батарейной; зенитная батарея №342 (76-мм) – из Ленинграда в район форта «Ф» (Красная Горка), зенитная батарея № 707 (три 76-мм) – с мыса Серая Лошадь на берег Шепелёвского озера.

Катера-охотники МО-204 и БМО-181 Островной ВМБ в 1.30 вышли с Лавенсари в бухту Батарейную с пассажирами. В 13.15 катера прибыли на остров Сескар, через 25 мин. продолжили путь и в 17.50 прибыли по назначению.

При выполнении подготовительных работ по очистке Морского канала от затонувших судов и мин в 19.46 аэросани ЛенВМБ базы с четырьмя большими глубинными бомбами на борту провалились и ушли под лёд на трассе Морского канала (500 м западнее нефтебаков). Экипаж саней (4 чел.) спасён.